Классен Рудольф Давидович

Автобиографическая повесть

Мои межи

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕРЕЖИТОМ

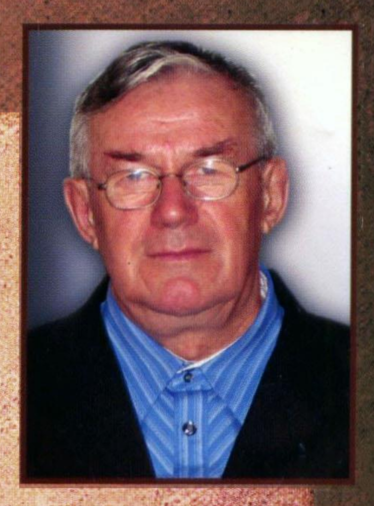
Р. Д. Классен

Мои межи

Автобиографическая повесть

Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня.

Пс. 15, 6

Глубоко и широко разливается по сердцу тепло от сознания, что мое будущее надежно и прочно. Самые великие и сильные люди бессильны лишить меня той Родины, которую дал Бог. Идти к этой Родине пришлось нелегкими тропами. Однако всевозможные лишения, скорби, болезни, переживания и труд делали христианский путь прекрасным.

Теперь, на склоне лет, верой всматриваясь в зарю воскресения, я вместе с псалмопевцем хочу сказать: «Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня». Господу за это слава и честь!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕТСТВО

Неподалеку от Запорожья, вверх по Днепру, расположилось небольшое село Кронсвайде. Несколько улиц неровной линией вытянулись вдоль глубокого оврага. Внизу, в овраге, стояла кирпичная школа и сельский колодец. Чуть выше, на склоне, красовался детский сад, еще выше — свиноферма, а за ней — колхозные подвалы. Выше этих подвалов, уже наверху оврага, располагалась наша усадьба. Сразу за огородом начинался довольно крутой спуск. Зимой мы катались по этому спуску на санках, иногда всей семьей.

Жили в Кронсвайде преимущественно немцы. Занимались земледелием. Мужчины целыми днями работали в поле. В тридцатые годы с техникой было плохо. На весь колхоз был один-единственный колесный трактор, но он часто ломался, поэтому пахали, боронили и сеяли больше на лошадях. Убирали урожай с помощью лобогрейки. Это простая косилка, которую тянут лошади. На ней работали по два человека: один управлял лошадями, а другой вилами сбрасывал с площадки сжатый хлеб. Работа не из легких, и кто знает, не по этой ли причине жнейка получила такое незамысловатое название. В колхозе был и комбайн, но он почти всегда стоял неисправным. Женщины работали в основном на колхозном огороде и на ферме.

В Кронсвайде наша семья состояла из семи человек: отец Давид, мать Анна и пять сыновей: Давид, Ваня, Рудольф, Гельмут и Альберт.

Я появился на свет 24 сентября 1931 года, третьим ребенком в семье. После рождения двух

сыновей отец очень хотел дочь и даже заявил матери, что не придет за ней в больницу, если родится мальчик. Вероятно, по этой причине у меня было много задатков, присущих девочкам. Например, моими лучшими игрушками были куклы. В четыре года я не отходил от мамы, когда она сидела за швейной машинкой. Выпросив у нее несколько лоскутков, я шил небольшие мешочки (конечно, не без маминой помощи). С этими мешочками ходил по селу и просил у хозяек семена цветов, которые росли возле их домов. Весной упрашивал маму выделить мне на огороде кусочек земли и, как мог, сеял. У меня не получалось правильно и красиво, но в этом занятии я находил огромное удовольствие.

Родители наши были верующими. Они учили нас молиться перед едой и перед сном, учили петь христианские песни. Богослужений в то время почему-то не было.

О детском садике у меня остались нехорошие воспоминания. Мама должна была работать на колхозном огороде, поэтому нас на целый день отводила в детсад. Хотя воспитатели были из верующих семей, они учили нас мирским песням, рассказывали о советских героях. Некоторые мальчики учили нас нехорошим играм, вовлекая в них и девочек.

Жили мы бедно, но хлеб всегда был, и какое-то время отец даже держал корову и свинью. Игрушек было мало. На Рождество, по обычаю, мы ставили под елку свои тарелки, надеясь получить желанную игрушку. Но в тарелке чаще всего появлялись фигурные пряники и самодельные конфеты, чему мы тоже были безмерно рады. В другое время таких

лакомств мы не получали. Однажды наш Давид получил большую гнедую лошадку-качалку. Когда он вволю наигрался с ней, лошадка исчезла. На следующее Рождество Ваня тоже получил лошадку, только сивую. Мы так и думали, что это другая, новая. Через год она досталась мне, но уже черная.

У меня плохо получалось играть с такими игрушками, как машинка или лошадка. Когда мне исполнилось пять лет, я видел однажды, как папа с несколькими мужчинами за сараем зарезал корову. Детям не разрешали смотреть на это зрелище, но я все же увидел, что корове отрезали голову. И вот в один прекрасный день я решил сделать со своей лошадкой то, что отец сделал с коровой. Давид был в школе, а Ваня отпросился к другу. Я утащил лошадку за сарай, где стоял стог соломы, и взял в папиной мастерской топор. Положив лошадку на бок, решил отрубить сначала голову. Очень боялся, что кровь обрызгает меня, и от страху одним ударом отсек верхнюю часть игрушки. На удивление, кровь не брызнула, вместо нее я увидел какую-то зеленую массу. Подумав, что это трава застряла у лошадки в горле, я разрубил живот, но и там была та же самая зеленая масса — прессованный картон или бумага.

Посмотрев на свою работу, я понял, что сделал что-то плохое. Мне стало страшно: что скажет папа, когда узнает? И я решил спрятать лошадку, чтобы никто не нашел. Взяв крючок, которым отец вытаскивал со стога солому для коровы, я сделал отверстие в стоге, затолкал туда останки игрушки и закрыл все соломой, чтобы ничего не было видно. Топор отнес на место и положил его точно так, как он лежал. И все же я со страхом думал: «Вдруг отец

спросит, где лошадка, что говорить?» Но отец не спрашивал, братья тоже не интересовались.

Прошло немало времени. Я уже забыл о своем проступке, как вдруг отец спросил:

— Рудик, а куда делась твоя лошадка?

— Какая?

— Черненькая, которую ты получил на Рождество.

— Ее уже давно нет! — испуганно ответил я.

— И ты не знаешь, где она? — не отступал отец.

— Нет! — мотнул я головой и опустил глаза.

Я даже не подумал, что отец может найти ее, и продолжал обманывать. Попав на кривую дорогу, трудно повернуть обратно. Но отец помог мне, упрямому, непослушному мальчику, как написано: «Не будьте как конь, как лошак несмысленный, которых челюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе» (Пс. 31, 9). Отец взял меня за ухо, да так крепко, что ничего больше не оставалось делать, как покорно идти за ним.

«Неужели он нашел?» — мелькнула у меня мысль. И точно, отец повел меня за сарай к стогу соломы, где лежала изуродованная игрушка.

— Кто это сделал? — спросил он.

— Я, папа. Прости меня! — смекнул я, что в этом случае самое лучшее — признаться.

— Нет! — ответил он. — Ты заслужил двойное наказание. Во-первых, ты разрубил лошадку, а во-вторых, ты обманул!

Никакие слезы и уговоры не помогли. Отец снял свой ремень, зажал мою голову меж своих колен, и я сбился со счету, сколько получил ударов. Наказывая, он приговаривал:

— Это — за то, что изрубил... А теперь — за то, что солгал...

Отец был строг, но справедлив, за что я ему теперь очень благодарен.

3 августа 1938 года нашего отца арестовали. Случилось это так. Давид, Ваня, я и Гельмут спали на чердаке. Альберт был еще маленький и спал с родителями. Рано утром мама разбудила нас:

— Вставайте, у нас дома обыск! Наверно, папу заберут!

Мы быстро оделись и спустились в дом. Чужие мужчины рылись в комоде и сундуке. Они попросили нас отойти подальше, но на улицу не выпускали.

Обыск длился недолго — искать было нечего. Мужчины приказали отцу идти с ними. Мама с Альбертом на руках и мы, четверо, плача, поплелись следом.

Дальше свинарника нам идти не разрешили. Внизу стояла грузовая машина. Когда ее наполнили арестантами, она тронулась и медленно поползла по откосному шоссе.

В то утро во многих домах делали обыски и арестовывали мужчин, которых в селе и без того было мало, — многих увезли в неизвестном направлении еще в 1937 году.

Вместе с односельчанами мы грустно смотрели вслед машине, пока она не скрылась из виду.

Горестно вздохнув, мама тихо сказала:

— Теперь мы остались без папы!

Как тяжело было возвращаться домой! От неожиданного горя мама даже забыла дать отцу что-нибудь на дорогу. Теперь она быстро что-то собрала и послала Давида вдогонку. Он тут же помчался.

От нашего дома дорогу можно было укоротить через овраг — так мы обычно ходили, добираясь в город пешком. К счастью, машина поломалась, и арестованных загнали в одну из смоляных ям, выкопанных для асфальта еще при строительстве шоссейной дороги.

Увидев отца, Давид крикнул и, подойдя ближе, бросил ему сумку.

Больше года продержали отца в запорожской тюрьме под следствием. Кормили там очень плохо. Мама неоднократно возила отцу передачу, но мы сами жили бедно и много помочь ему в питании не могли.

Через месяц после ареста отца в нашей семье появился еще один ребенок — папина долгожданная дочурка. Он, конечно, был рад и хотел, чтобы ее назвали Анной, как маму. Но мама хотела Нюту, и они согласились назвать ее Анитой. Она родилась 6 сентября 1938 года.

Нашей маме, как и другим женщинам, приходилось работать в колхозе. Мы оставались дома одни. Старшие братья ходили в школу, и я присматривал за младшими. В садик нас мама больше не водила. Безотцовщина накладывала свой отпечаток на наше воспитание. Мы нередко затевали разные непристойные игры, и матери от всего этого было еще тяжелее.

НАЧАЛО СКИТАНИЙ

У мамы было два брата — Петр и Яков. Дядя Яша жил в Гезике, около двадцати пяти километров от нас. С ним жили родители — дедушка Мартин и бабушка Тина. В гости к ним мы ездили редко, потому что это считалось далеко, а транспорта у нас не было.

Сколько помню, мы там были всего два раза. Дядю Янгу тоже забрали в тюрьму.

Дядя Петя жил в Эйнлаге — на правом берегу Днепра, километров восемь от Кронсвайде. Жили они бедно. До 1938 года ютились в землянке — это глубокая яма, покрытая камышом, подобно шалашу. Потом построили глинобитный дом.

Когда папу посадили, дядя Петя позаботился, чтобы взять нас к себе. Он работал шофером и перевез нас на машине. Дядя Петя отдал нам половину своего дома, чему мы были очень рады.

Эйнлаг — большой рабочий поселок, колхоза в нем не было. Там стоял дом отдыха, куда приезжали богатые люди из города, и мы охотно ходили туда собирать красивые фантики от конфет. Жители поселка работали в городе на заводах и фабриках. Через большой мост регулярно ходили трамваи и автобусы, так что связь с городом была неплохая. Мама без особых трудностей могла ездить к папе, возить передачи.

Дядя Петя и его жена тетя Катя тоже были верующими, читали Библию и пели духовные песни, но богослужения и в их поселке не проводились. Раньше там была большая церковь, красивый молитвенный дом, но его закрыли и конфисковали.

В Эйнлаге я пошел в первый класс. Мама поздно отправила меня в школу из-за того, что плохо говорил. Мне уже исполнилось восемь лет, а я не мог выговаривать букву «р».

В 1939 году наркома внутренних дел страны Н. И. Ежова объявили врагом народа и приговорили к расстрелу. В стране произошли большие изменения.

Дела заключенных пересматривались, и некоторых отпускали на свободу.

Как-то мама сказала:

— Сегодня поедем в «допр» (так раньше называли тюрьму, что означало «дом преступников»). Может, увидим папу, а может, его и отпустят.

До трамвайной остановки нужно было идти пешком несколько километров, но мы все же пошли охотно. В переполненном трамвае мне с мамой достались сидячие места, а Давиду и Ване пришлось стоять. Переехав Днепр, мы вышли и долго еще шли по улице между двухэтажными домами. Наконец вошли в какое-то здание. Мама велела нам ждать ее, а сама куда-то ушла.

Сидели мы долго. Было уже после обеда, когда мама пришла и, попросив нас еще немного подождать, снова ушла. Через несколько минут она пришла с папой. Я его не узнал — лицо у него было сильно отекшим. Он обнял нас, поцеловал, и мы отправились домой.

С папой мы зажили немного лучше, но питались все равно скудно. Мама часто пекла кукурузные лепешки. Они приедались, но другого хлеба вдоволь не было. За хлебом нужно было идти в центр села и с ночи занимать очередь. На руки давали по одному килограмму. Иногда мы умудрялись занять очередь два раза, и тогда получали двойную порцию. Но если милиционер замечал это, то забирал хлеб и некоторое время держал в отделении милиции.

Осенью 1940 года в нашей семье родилась еще одна девочка — Алица.

Наступил 1941 год. Он не принес особенных перемен, мы по-прежнему жили бедно. И все же с

нами был отец — это счастье принадлежало не многим. Отец работал столяром и приносил нам деревянные формочки в виде разных зверюшек и птиц. Мы заполняли их сырым песком и таким образом получали чудесные игрушки. Иногда отец даже покупал нам кое-что из одежды. Мама работала дома. Она пряла шерсть, вязала чулки, шила для нас и для людей, за что ей тоже чем-то платили.

Иногда отец доставлял всем нам огромное удовольствие — возил в город, в зоопарк. Это было весьма интересно. Там были такие звери, которых мы видели только на картинках, а некоторых и совсем не видели. Мне запомнилось, как удаву бросили на обед кролика. Удав разинул пасть, а кролик, как ни упирался, все же попал в пасть хищника. А слон, прикованный за ногу толстой цепью, протягивал хобот к людям, и если ему давали что-то вкусное, он ловким движением клал это в рот и просил еще. Особенно интересно было наблюдать за обезьянами. А сколько там красивых птиц, разноцветных попугаев! Возвращаясь из зоопарка, мы долго находились под впечатлением и обсуждали увиденное.

В июне 1941 года началась война. Наступили тревожные времена. Мимо нашего села нередко проезжали военные машины и пушки, проходили солдаты. Военное командование приказало сделать возле каждого дома бомбоубежище — большую яму со ступеньками и люком. В случае воздушной тревоги все должны немедленно прятаться. Окна в доме нужно было проклеить бумажными лентами с угла на угол, чтобы при бомбежке стекла не рассыпались. Окна плотно завешивали, чтобы ни в коем случае не пробивался свет. Это могло обойтись дорого.

Из некоторых сел стали вывозить немцев. Когда дошла очередь до нас, было уже поздно — русские самолеты бросили на мост бомбу. Они сделали это, чтобы перекрыть дорогу немецкой армии, но, видно, не рассчитали, что на правом берегу находилось еще много русских войск. Не зная, что мост взорван, люди лавиной устремились на левый берег и, дойдя до обрыва, не могли повернуть назад — оттуда теснила масса народа. Многие, словно щепки, падали в воду. Может, кто-то и смог переплыть на другой берег, но Днепр в этом месте был очень широкий, около двух километров. Единственная баржа не успевала перевозить людей.

Когда вышел приказ уходить из села, мы погрузили на тележку свой скарб, продукты, посадили двух сестренок и тронулись в путь. Вместе с семьей дяди Пети мы отправились в степь, на запад. Поля были пожаты, но не убраны. Снопы пшеницы стояли кучами по 10—15 штук. Мы свернули с дороги, построили себе шалаш из снопов и стали в нем жить. Дорога была безлюдная, и нас долго никто не тревожил. Днем наши мамы даже варили что-нибудь на костре. Старшие мальчики ходили за водой, но это было далеко, и нам приходилось экономно расходовать ее. Много воды уходило на стирку пеленок. Сушили их на шалаше, и это нас выдало.

Как-то днем мы увидели, что к нам едет семь человек верхом на лошадях. Это были русские солдаты. Отцы скрылись под снопами. Солдаты спросили, как попасть на переправу, и уехали. Чуть ли не вслед за ними на дороге появились еще пять человек пеших. Они свернули и пошли прямо к нашему шалашу, хотя пеленки мы уже убрали.

Когда они приблизились, мы поняли, что это немецкие солдаты. У них были короткие автоматы и другая форма одежды. Один солдат был в очках, другой — с бородой, все пятеро какие-то маленькие, щупленькие. Родители могли говорить на немецком литературном языке, а вообще мы говорили на нижненемецком наречии.

Узнав, что мы немцы, солдаты очень удивились. Они сфотографировали нас, спросили, откуда мы и сказали, чтобы оставались пока здесь, а когда займут села, нам сообщат, и мы вернемся в свой дом. Они оставили нам какие-то сладости и ушли.

Спустя несколько дней нам сообщили, что можно вернуться в Кронсвайде. Село Эйнлаге еще обстреливалось, на том месте долго держался фронт, и мы решили идти в Кронсвайде. Дома стояли пустыми, скот бродил по улицам без присмотра. Мы заселились в дом нашей бабушки, который стоял через дорогу от нашего бывшего жилья. В зале расположились немецкие солдаты, а в других комнатах — мы.

Когда немецкие войска прорвались через Днепр, мы решили вернуться в Эйнлаге. Дядя Петя с семьей уже жили там и охотно приняли нас. Кукурузы было много, и мама снова пекла из нее хлеб.

Иногда нам все еще приходилось ночевать в бомбоубежище. Это время научило нас чаще обращаться к Богу и глубже сознавать, что наша жизнь в Его руке. Как-то на рассвете мама пошла в дом, чтобы взять что-нибудь поесть. В это время неподалеку упало три бомбы. Земля затряслась от взрывов. Когда все утихло, папа вышел посмотреть, где мама. Она лежала на крыльце, придавленная

оконной рамой. Господь сохранил ее, она осталась жива, хотя и поранилась разбитым стеклом.

Фронт удалялся все дальше, и жизнь в деревнях понемногу налаживалась. Открылись молитвенные дома, стали проходить богослужения. Наши родители брали на собрания старших детей, а младших оставляли дома. Организовались школы, и мне снова предоставилась возможность учиться.

Однажды к нам в гости приехал бывший житель деревни Кронсвайде. Он привез удивительный гостинец — чудесный белый хлеб и сдобные булочки. А мы все еще ели хлеб из кукурузной муки. Гость предложил родителям переехать на Молочную. Там много пустующих домов, причем хороших, богатых, много зерна, хорошие сады и огороды. Он сказал, что из Кронсвайде многие переселились туда.

Мы с радостью восприняли предложение нашего гостя и засобирались в дорогу. Папа нашел где-то лошадей и бричку, и мы погрузили на нее свои скудные пожитки. Была зима 1942 года.

В Молочной мы встретили многих родственников и знакомых и в селении Розенорт облюбовали дом напротив колхозного двора. С помощью родных привели запущенное жилище в порядок и вселились. Мебель принесли из других домов, в которых никто не жил. Так у нас появился комод, стулья, жесткий диван, кушетки, двуспальная кровать, детская кровать-качалка, стол, табуретки, скамейки. Родители сразу же обзавелись хозяйством, и скоро мы стали забывать вкус кукурузного хлеба.

Отец не знал границ в работе — трудился, казалось, без устали каждый день, кроме воскресенья. Как и всем жителям деревни, ему достался большой

участок колхозной земли. Он добросовестно обрабатывал ее, и в первый год мы получили очень большой урожай.

На богослужения родители ездили в Токмак или в Лихтенау. Меня брали редко, а старшие братья ездили всегда. Разбор Слова Божьего и молитвенные собрания проводились в нашем селе.

Здесь я снова пошел в школу, во второй класс, потому что еще не закончил его. Учеба давалась легко, и за хорошую успеваемость меня вскоре перевели в третий класс.

Где-то все еще шла война, но мы не слышали ее грохота. Жизнь мне казалась прекрасной — в этой местности росло много цветов, которые я сильно любил. Моими лучшими друзьями были двоюродные сестры. Я по-прежнему любил играть в домики и куклы, потому дружил больше с девочками.

БЕЖЕНЦЫ

Прошло больше года, как мы поселились в Розенорте. Стоял теплый сентябрьский день. Отец, как всегда, запряг лошадей и поехал в поле пахать и сеять озимые. К обеду по селу прошла весть об эвакуации. Было приказано срочно оборудовать телеги и собраться в путь. К вечеру все должны быть готовы к отправке. Давид и Ваня побежали в поле позвать отца.

Пока отец пришел, во всех дворах уже стояли телеги с будками и шла подготовка к отъезду. Отовсюду слышался стук молотков и топоров, крик резаных свиней. Отцу тоже пришлось попотеть. Он взял большую телегу, зашил бока, поставил полукруглый каркас и обтянул его брезентом. Давид и

Ваня мастерили под телегой второе дно. Они хотели взять с собой голубей, а мама хотела посадить туда несколько уток, чтобы приготовить их в дороге. Отец заколол свинью и какую-то часть, засолив, взял с собой, а остальное мясо стало никому не нужно. Сзади телеги прибили корыто и привязали корову. Уж очень она была хорошая, а нашим малышам требовалось молоко.

По улице с утра двигались обозы из соседних сел. Нам было приказано присоединиться к ним, причем строго по номерам домов.

Вот настал и наш черед. Мы влились в общий поток. У нас, как и у большинства многодетных семей, была большая телега, объемистая будка. Сбоку телеги на цепях висел тормоз — так называемый башмак, который в случае остановки подставляли под заднее колесо, чтобы лошадям было легче.

Жизнь стала очень однообразной, хотя окружающая среда постоянно менялась — поля, леса, деревни, города. С рассвета до глубокой ночи мы были в пути. По дороге нам время от времени выдавали необходимые продукты, а также корм для животных, которые были с нами. Каждый день — в солнечную погоду и в дождь — телега должна была двигаться.

В нашей упряжке шло четыре лошади. В случае какой-нибудь поломки нужно было сойти на обочину, быстро отремонтироваться, а потом догнать обоз и встать на свое место. Обоз тянулся десятки километров, не было видно ни начала, ни конца.

Так мы двигались больше месяца, пока наконец в каком-то селе нам объявили, что здесь будем зимовать, и разместили среди местного населения.

Однако совсем через короткое время нас снова отправили в путь. Запасы продуктов истощались. На уток напала какая-то болезнь, и они начали дохнуть. Здоровых мы зарезали. Корову тоже пришлось оставить — она начала хромать. Остались только голуби.

Наступила зима 1943 года. В украинском селе Демковцы нам приказали остановиться. Хозяева, к которым нас определили, перешли во времянку, а нам отдали дом. Он был маленький — прихожая и комната с большой русской печью посередине. Под печкой была яма. Говорили, что в ней зимой держали поросят. Здесь мы узнали нечто удивительное — зимой в доме находили приют и гуси, и теленок, а иногда и корова!

Мы вычистили яму под печкой, положили туда солому, накрыли простыней и там спали. С топливом были большие трудности. Топили в основном кизяком и подсолнухами. Тепла от них было мало.

В Демковцах мы отпраздновали Рождество. На второй день праздника родители разрешили нам сходить в гости к дяде Яше Зименсу. Как и нашего отца, его освободили перед войной. Мы переночевали у дяди Яши, а когда утром пришли домой, нас ожидал рождественский подарок — маленький братик, которого назвали Андреем.

Весна еще не наступила, а нам уже приказали двигаться дальше. В этот раз матерей с малыми детьми отправили поездом, а всех остальных — на подводах.

Мы снова отправились в путь и прибыли в польский город Луцк. Там прошли медкомиссию, баню, прожарку одежды и получили германское гражданство.

Оттуда нас поездом отправили в какой-то областной центр и поместили в лагерь для переселенцев. Здесь наши семьи опять соединились. Жили мы в огромных казармах. Телегу и лошадей пришлось отдать, а голубей Давид продал местным ребятам. По вечерам многие собирались в раздевалке, играли на музыкальных инструментах и пели христианские гимны.

Среди переселенцев была семья Генриха Балау из Лихтенау. Будучи рукоположенным служителем, он по воскресеньям проводил в лагере богослужения.

В этом лагере нас расформировали. Мы с семьей дяди Яши Зименса попали в село Посцолково.

В ПОЛЬШЕ

Посцолково — скорее хутор, чем село. Здесь жила помещица Стаховская. Ее муж и два сына погибли на войне, и она жила одна в красивом трехэтажном замке. Вокруг замка росли ореховые деревья, а по обеим сторонам аллей, идущих от дворца во все стороны, величались вечнозеленые туи. Перед замком красовался огромный цветник.

Стаховская обладала огромным участком земли, где сажали картофель и зерновые. У нее была молочная ферма, конюшня и свиноферма. Работали на помещицу в основном поляки.

Рядом с дворцом стояли бараки, в которых жили рабочие. В одном из таких бараков досталась квартира нам, а также семье дяди Яши Зименса. Нам выдали карточки с надписью: «Для черноморских немцев». По этим карточкам мы могли купить все до мелочи, но в ограниченном количестве. Без карточки купить что-либо было просто невозможно.

Как-то раз мама послала меня в город за продуктами. Идти надо было километров шесть. Я шел по дорожке, где обычно ездят велосипедисты. Уже в магазине хотел достать кошелек с карточками и деньгами и ужаснулся: его не оказалось в кармане! На целый месяц я лишил семью продуктов питания. Возвращаясь домой, я осматривал каждый кустик на обочине, но бесполезно — кошелька не было. Дома я со слезами рассказал о потере и о том, как старался найти пропажу. Родители тоже сильно расстроились, но что они могли сделать?

На следующий день старшая дочь дяди Яши принесла нам радостную весть. Она работала в городе продавцом и прочитала где-то объявление, что наш кошелек нашелся и находится у заведующего магазином. Услышав это, я тут же побежал в город. Не знаю, откуда силы взялись. В магазине мне отдали кошелек и я купил все необходимое. Оказывается, кошелек я потерял прямо в магазине!

На нашем хуторе не было ни магазина, ни школы. Была только работа. Отец пошел работать на поле, мама — в коровник. Каждую субботу бухгалтер приносил им зарплату в конверте. С помещицей мы почти не встречались.

В школу меня отправили в соседнее село и зачислили в третий класс. Но немного спустя перевели в четвертый, потому что я был рослым мальчиком. Моим учителем был молодой мужчина в военном мундире. Опаздывать в школу строго запрещалось.

В немецких школах все уроки вел один учитель. О Боге здесь не было и речи. Если в России на Рождество, хотя и при елке, рассказывали о рождении

Иисуса Христа, дети пели христианские песни, читали стихи и получали кульки с конфетами, то здесь пели про елку, рассказывали про какую-то фрау Голле, которая якобы вытряхивает свою постель, поэтому падают снежинки, про слугу Рупрехта, который живет в лесу и ходит по домам с большим мешком, наполненным всякой всячиной, и много других легенд.

В воскресные дни мы часто ходили на соседний хутор Подтай. Туда поселили папиного брата, а также две семьи Ремпель из нашего села и дядю Генриха Балау. Там проходили богослужения. Тетя Аня из Розенорт проводила детские собрания.

Иногда подгайцы приезжали к нам, и тогда мы шли в господский лесок и там, на лоне природы, проводили собрание.

Я перешел в пятый класс, но полностью ни один класс не закончил, за исключением первого. Наш Ваня поступил в сельское училище в городе Познань. Время становилось все тревожнее. Отца мобилизовали в немецкую армию. Это принудительное призвание распространялось на всех мужчин, за исключением инвалидов и стариков. Прежде чем отправиться на фронт, все мужчины должны были пройти военную подготовку.

На Рождество 1944 года папу отпустили домой. Приехал и Ваня из Познани на недельные каникулы. Дядя Яша Зименс тоже приехал на Рождество, только на неделю позже. И эта неделя сыграла несказанную роль...

В убогой комнате барачного типа мы собрались всей нашей семьей последний раз. Родители поставили елку, и мы разукрасили ее, как смогли. Как и раньше, каждый поставил под елку тарелку для

рождественского подарка. Весь вечер мы пели, читали стихи наизусть, слушали отца.

Память не сохранила, что мы получили тогда в подарок. Но общение с отцом осталось незабываемым. Мы очень соскучились по нему. Гельмут и Альберт сидели у папы на коленях, а я протиснулся между ними и тоже прижался к нему.

К десятому января отец должен был явиться в комендатуру. Ваня уехал на учебу немного раньше. А девятнадцатого немцам пришел приказ срочно эвакуироваться. Дядя Яша Зименс был еще дома. Он взял подводу с двумя лошадьми, мы погрузили туда самое необходимое, посадили матерей с малышами и тронулись в неизвестную дорогу. Две большие семьи на одной небольшой бричке.

Бричка была без будки, а на дворе — январь. Из-за гололеда телегу швыряло на обочину, а навстречу часто шли военные машины. Дядя Яша отдал вожжи Давиду, а сам пошел сбоку, поддерживая телегу, чтобы она не опрокинулась. В одном месте ее опять бросило в сторону, а на обочине стояло дерево. Хотя дядя Яша и придерживал повозку, она все-таки ударилась об дерево как раз тем местом, где он держался. Ему зажало левую руку и отрубило средний палец. Быстро нашлись женщины, которые обработали рану и сделали перевязку. В больницу обратиться было некуда.

Нас настигал фронт. Темные облака дыма неумолимо приближались. Военных не было видно. Мы ехали на запад, но куда — никто не знал, командующего не было. Снаряды стали рваться ближе.

Двадцать первого января кто-то из беженцев сообщил, что в соседнем селе уже стоят русские войска. Мы заехали во двор очень богатого поместья. Под домом был большой подвал, а во дворе стояло много подвод. Мы тоже спустились в подвал и заняли дальний угол. Мама взяла с собой постель, и мы легли в ожидании, что будет дальше. На улице грохотало и слышно было, как рвутся снаряды. Вечером в подвал зашло несколько пьяных солдат в мазутных валенках, замасленных полушубках и шапках-ушанках. Страшно сквернословя, они приказали всем оставаться на местах и отдать им драгоценности, у кого что есть — золото, украшения или часы.

У мамы были дамские часы, но отдавать их она не хотела и надела на ножку Андрею, завернутому в пеленки. Давид лежал рядом со мной и вполголоса молился. Началось что-то ужасное. Послышался плач взрослых — увели чьих-то дочерей. Кто-то хотел заступиться, но его вывели во двор и застрелили. Сделав свое дело, солдаты сели в танки и уехали. После них пришли другие и приказали нам возвратиться назад, откуда выехали, там будут производить суд. Если кто-то относился к полякам сурово, с ним поступят так же.

Мы не чувствовали себя виновными перед поляками, но трудность заключалась в том, как туда добраться? Дядя Яша заранее переоделся в гражданское. Он очень боялся, чтобы не увидели раненую руку, ведь никто не поверит, что это случилось при аварии с телегой. Мы вышли из подвала и только запрягли лошадей, как подошли солдаты и начали обыскивать телегу. Они порылись среди вещей и, обнаружив трехлитровую банку с

сахаром, бросили на землю со словами: «Не положено!» Мы уже тронулись, как вдруг кто-то стянул с мамы теплый платок и, крикнув: «Отдай!», скрылся. Чувствуя себя беззащитными, мы отправились в обратный путь.

Мы по-прежнему держались вместе с семьей Зименс, там все-таки был дядя Яша. Жизнь ценилась очень дешево, и в любое время ее могли оборвать, нажав только на курок. В тот день мы не успели далеко уехать — наступила ночь, и мы вынуждены были искать ночлег. Крутом грохотало, дома горели, укрыться было негде. Увидев большой деревянный амбар недалеко от дороги, мы заехали в него, распрягли лошадей и сами расположились на соломе. Мама еще чем-то накормила нас при слабом мерцании лампы. У нас была с собой бутылочка с фитилем и зажигалка. Это считалось огромным богатством, и мы пользовались светом в исключительных случаях. Гельмут хранил под рубашкой маленький пузырек с бензином, чтобы подливать в зажигалку. И вот у него случилась беда. Пузырек, видно, был неплотно закрыт, и, когда Гельмут лежал, бензин вытек, живот покрылся волдырями. Это причиняло ему немало страданий.

Только мы улеглись, в дверь постучали и спросили, кто здесь. Мы ответили, что нам приказано возвращаться назад, откуда выехали. Отвечали мамы, так как дядя Яша боялся, что его расстреляют. Мы видели, как просто это делалось. Мужчины ушли. Стало тихо, но ненадолго. Вдруг опять раздался стук в дверь и кто-то властно потребовал немедленно явиться с документами в штаб. В случае неподчинения грозились поджечь амбар. Родители

посоветовались и решили, что пойдет мама и тетя Зара. Когда они вышли, солдат приказал тете Заре отдать свои документы маме, толкнул ее назад в амбар, а маму повел с собой. Вернулась она заплаканная, избитая, негодуя на тетю Зару, что та оставила ее одну.

Ночь прошла беспокойно, но солдаты больше не тревожили нас. На рассвете мы снова отправились в путь, забыть который просто невозможно. Местами на обочинах штабелями лежали мертвые солдаты, которых дома ждали матери, жены и дети. Что это за ужас — война?

Проехали совсем немного. Ехавшие навстречу нам солдаты приказали остановиться и забрали у нас одну лошадь. Какой-то отрезок пути мы проехали на одной лошади, а потом, увидев при дороге раненого в ногу коня, подпрягли его, но толку от него было мало.

Мы были еще далеко от Посцолково, как солдаты отобрали у нас вторую лошадь. На хромой мы не могли тронуться с места. Давид с Ваней раздобыли где-то тележку на двух колесах. Положив на нее самое основное, посадили малышей и повезли, а мы медленно пошли следом. Зименсы тоже нашли что-то подобное. Их старшая дочь переоделась старушкой и старалась оставаться незамеченной. На дороге валялось много денег — пфенниги и немецкие марки. Теперь они были никому не нужны.

Наконец добрались до Посцолково. В наши комнаты в бараке заселились поляки, да мы на них и не претендовали. Нам нашли место в здании конторы и уже под вечер сказали, чтобы из каждой семьи кто-нибудь явился с документами в управление. Из нашей семьи пошел Давид, а от Зименсов — сам дядя Яша.

Дядя Яша вернулся, а Давида не отпустили, он бесследно исчез.

Польские надзиратели и полицейские поселили нас над свинарником, принадлежащим когда-то госпоже Стаховской. Свинарник теперь пустовал, но на втором этаже здания, с торцов были двухкомнатные квартиры, и нас поселили туда. В передней комнате разместились Зименсы, а в задней — мы. Поляки были очень мстительны, но к нам относились неплохо, так как мы во время немецкой власти жили с ними на одном уровне.

У мамы откуда-то появилась швейная машинка, и она обшивала всех желающих. За это ей платили — кто куском хлеба, кто мясом или салом. За счет этого мы жили.

Стадо, принадлежащее раньше госпоже Стаховской, поляки разделили между собой. Нас, мальчиков, они попросили пасти этих коров. Пасли мы даром, никто ничего не платил нам. Через какое-то время нам подсказали брать с собой алюминиевую кружку и ведро, а вечером, пригнав скот, немного подождать, пока хозяйки подоят коров — кто щедрый, тот нальет кружку молока. Таким образом мы стали иногда получать плату за свою работу.

Поляки относились к нам не враждебно, а власти угнетали. К примеру, все немцы, от мала до велика, должны были носить на груди фашистский знак — круглый кусок белой ткани с черной каймой и свастикой посередине. Из района часто приезжал старший полицейский — очень жестокий человек — и проверял наличие знака. Он был неравнодушен к нашей маме, и она убегала от него, как серна от охотника. Для мамы это было особенно трудное

время, и часто даже местные полицейские способствовали ее укрытию. Лишь когда он уезжал, мама возвращалась домой.

Господский полусгоревший замок пустовал, и мы часто ходили туда играть. Однажды мы с Гельмутом увидели красивую статую на одном из окон второго этажа. Лестничная клетка сохранилась неповрежденной, потолочные балки хоть и обгорели, выглядели крепкими. Я решил подняться по лестнице до балки и проползти по ней до окна. Совсем чуть-чуть оставалось до цели, как вдруг балка разломилась. Рухнув вниз, я потерял сознание, а когда открыл глаза, возле меня сидел Гельмут и плакал. Он думал, что я убился, но, к счастью, все обошлось ушибом.

Нам приходилось не только пасти коров, но и сажать картошку, полоть ее и окучивать, а потом сортировать. Выкопанные клубни прямо на поле ссыпали в длинные бурты, накрывали соломой и закидывали землей. Так картошка хранилась зимой, а весной ее сортировали. Была специальная сортировочная машина с решетами разного диаметра, которая делила картошку на три сорта. Работа была нелегкая, нам приходилось часто меняться. Один крутил колесо, другой насыпал картошку в корзины, а третий высыпал сортированные клубни в мешки.

9 мая 1945 года мы работали на сортировке картофеля. Стоял теплый солнечный день. Вдруг к нам галопом прискакали всадники и сообщили, что война кончилась. Все очень обрадовались, бросили работу и пошли домой.

Но переживания на этом не закончились. Поляки очень быстро учредили свою власть. Образовалась польская армия. Полицейские ходили в гражданском,

только на левой руке, выше локтя, носили красно-белую повязку.

Однажды наши хуторские полицейские были в районе и, возвратившись, рассказали маме, что видели Давида. Он с каким-то мужчиной тащил подводу с бочкой. Полицейские пообещали маме, что постараются возвратить Давида домой. Они поехали в тюрьму, разыскали начальника и объяснили ему, что среди заключенных находится человек, которого они хорошо знают, — он не опасный. Тот ответил, что ему нечем кормить лошадей, и если они привезут большой ящик овса, могут забрать Давида. Полицейские поехали, быстро загрузили подводу овсом и вскоре привезли Давида домой. На него страшно было смотреть — кожа и кости. На шинельной куртке спереди и сзади стоял огромный фашистский знак. Всю одежду, кишащую вшами, мама сожгла и дала Давиду новую.

С отходом русских войск начальствующие стали вербовать русских немцев на родину. Обещали хорошую жизнь, и многие соглашались возвратиться. В Торуне образовался лагерь для беженцев, желающих возвратиться в Россию. Среди них было много наших родственников и знакомых. Мама собрала всех нас и сказала, что не хочет быть виновной в нашем несчастье, и потому предоставляет нам выбор — возвращаться или нет. Она высказала такую мысль, что отец, если живой, может искать нас на родине. Поляки убеждали нас остаться, но мы не видели там никакой перспективы. Из знакомых тоже почти никто не оставался. И мы согласились на возвращение.

Собрав постель и одежду, в августе 1945 года мы отправились в Торунь. Там встретили нас хорошо. Верующие пользовались свободой и даже проводили собрания. Продуктами тоже снабжали хорошо — давали хлеб, жиры, консервы, сахар. Мы даже не съедали все.

Осенью нашего Давида взяли на уборку картофеля. Когда он вернулся в лагерь, нас уже там не было. Таким образом мы расстались с ним на долгие-долгие годы.

В этом лагере, в октябре, в нашей семье появилась еще одна девочка. Мы назвали ее Ириной.

Глубокой осенью сформировался состав, идущий в Россию, и нас загрузили в телячьи вагоны. Мама была с малышкой, и мне с Гельмутом пришлось грузить наши вещи. При всей суматохе надо было следить, чтобы не растерять малышей: Андрею исполнилось полтора года, Алице — пять. К тому же, надо было караулить свои предельно скромные пожитки, потому что находились люди, которые хотели погреть руки на чужих вещах. Когда все загрузились, нам выдали продукты на дорогу, и эшелон отправился.

СИБИРЬ

Ехали мы долго. До границы продуктами снабжали очень хорошо, даже накопилось много белого хлеба. А потом картина изменилась. Хлеб стали получать черный и значительно меньше, других продуктов тоже выдавали намного меньше. Наши запасы скоро исчезли, и мы стали высматривать, где что найти, чтобы утолить голод. Никто из начальствующих не интересовался, сытые мы или голодные.

Скоро стало ясно, что нас везут не на Украину, а в сторону Сибири. В Челябинске на станции лежали большие бурты капусты и картошки. Когда состав остановился, люди, как саранча, напали на эти овощи. Но здесь прибежала милиция и военные и всех, кто что-то взял, повели в отделение милиции. Тем временем поезд дал гудок и отправился. Задержанные милицией так и не догнали наш состав.

В Новосибирске несколько вагонов отцепили, а остальные поехали дальше. Уже за Новосибирском, ночью, на какой-то остановке к нашему вагону подошли двое мужчин и попросились проехать до следующей станции. Им разрешили. В нашем вагоне было много женщин с детьми, в том числе и семья папиного брата — тетя Нюта с тремя малолетними детьми. Чтобы из дверей не дуло на детей, тетя Нюта поставила у входа сундук со своими пожитками. В вагоне было темно, и двое мужчин разместились у полуоткрытых дверей. Паровоз медленно полз в гору. Вдруг наши пассажиры соскочили и выпрыгнули из вагона. Вместе с ними исчез и сундук. Никакие «ох!» и «ах»! не помогли. Мужчины заранее привязали к ручке сундука веревку и, зная, что в гору паровоз замедлит ход, решили обогатиться чужим добром.

На следующей станции отцепили еще часть вагонов, в том числе и наш. Эта станция называлась Ояш. Мы выгрузились в глубокий снег.

Нас должны были размесить в двух зданиях — в школе и железнодорожном клубе. Но всем места не хватило — или здания были слишком малы, или нас приехало слишком много. Пока мы все оделись и вышли, помещения наполнились до отказа. Мама присмотрела угол в стеклянной будке — это была

летняя фотография. Мы занесли туда свои вещи и сами зашли, а мама с Гельмутом и Иринкой пошла по станции искать ночлег для малышки. Все ее старания оказались напрасными. Запуганные жители никого не хотели впускать. Уж слишком страшных людей привезли!

Мама вернулась поздно — никто ее не приютил. Она постелила нам в будке, уложила друг на дружку, чтобы мы могли согреться, и набросала на нас все, что было из тряпок. Согревшись, мы заснули.

Утром мама сказала, что наша Иринка ушла на небо. Она замерзла у нее на руках. Мама сообщила об этом дежурному по вокзалу, и к нам пришли два человека в белых халатах. Они долго что-то записывали. У нас был маленький деревянный ящичек, и мама положила в него Иринку на белое одеяльце. Мы попрощались с ней, и никто даже не проронил слезу. Мама закрыла ящичек, и его унесли. Так мы и не знаем, где похоронили нашу сестренку.

Днем стали приезжать председатели колхозов и бригадиры и разбирать людей. Конечно, каждый хотел взять рабочую силу для поднятия сельского хозяйства, а здесь только женщины да дети. У кого в семье было больше взрослых, тех быстрее забирали. Мы долго ждали своей очереди. Тетя Нюта с малышами тоже осталась.

Наконец приехал еще один мужчина. Осмотревшись, он удивленно воскликнул:

— Что, уже всех разобрали?

— Нет, мы еще остались, — отозвалась мама.

— Что я с вами буду делать? — разочарованно спросил мужчина. — Мне нужны рабочие, а у вас ясли, один убыток!

Мама обещала, что ее мальчики — Гельмут и я — тоже будут работать, просила сжалиться над нами и забрать нас.

Тогда мужчина сказал:

— Ладно, собирайтесь!

Мы быстро погрузили в сани свои вещи, нас усадили на большой тулуп и накрыли другим. Долго ехали по степи и по лесам. Кучера подгоняли уставших лошадей. Нас везли в деревню Умрево, расположенную в восемнадцати километрах от станции Ояш.

Приехали поздно вечером и выгрузились в помещении детского сада, которое зимой пустовало. Хотя посередине и стояла большая русская печь, для зимы здание не было предусмотрено. Его построили на чурках, 40—50 см от земли, поэтому под полом гулял ветер. Председатель колхоза, который привез нас, объяснил, что придется переночевать как есть, а потом надо набросать вокруг дома снег, и будет теплее. Во дворе лежали бревна, которые нам следовало распилить и поколоть, чтобы топить печь. Когда дрова закончатся, нужно самим ехать в лес и заготавливать их. Если будем работать в колхозе, нам выделят волов или лошадей.

Председатель ушел, а доярки вскоре принесли ведро затирухи — так называемого молочного супа с клецками. Мы с большим аппетитом поели горячую похлебку и легли спать.

Умрево — большое село на берегу Оби. В центре села стояла мельница и пекарня. Жили здесь в основном русские. Нас, несколько немецких семей, привезли из Польши. Мы жили под коменд атурой и

два раза в месяц должны были отмечаться у коменданта.

На следующий день мы привели в порядок свое жилище, а потом маму пригласили работать дояркой. Я должен был ухаживать за телятами — кормить, поить их и чистить. Работа была тяжелая, я сильно уставал.

Гельмут, Альберт и Анита пошли в школу. После обеда Гельмут приходил мне помогать.

На ферме молоко пить не разрешали. Его сдавали государству, и план был таким высоким, что коровы редко давали столько молока. Маленьким телятам выделяли обрат, и мы иногда обижали их — делили с ними это молоко. Для них отпускали и подсолнечный жмых. Его тоже не разрешали есть. Заведующая часто не отходила от нас, пока не бросим его в воду и не начнем поить телят. Но мы не брезговали доставать кусочки жмыха из воды — ополоснем и едим.

Хлеба в то время мы не видели. За работу не давали ни денег, ни зерна, а только ставили трудодни. В конце года, если колхоз выполнит план сдачи государству и что-то останется, тогда остатки разделят на трудодни. Так что нам нужно было целый год поработать, чтобы что-то получить.

Все, что могли, мы променяли на картошку и ели очень экономно, но этого было очень и очень мало. Нам посоветовали просить милостыню, но для нас это было непривычно, и мы долго не решались.

Когда мы первый раз поехали в лес за дровами, снег лежал выше пояса. Стояла тихая солнечная погода. Нам немного пояснили, как валить дерево, но мы плохо представляли себе эту работу. Свалив несколько деревьев, распилили их и обрубили сучки.

Ни лошади, ни вола нам не дали — их не хватало в колхозе, — поэтому мы попросили у людей ручные сани.

Когда бревен было достаточно, мама предложила отдохнуть. Пища у нас была совсем не калорийная, и мы быстро уставали.

Сидя в глубоком снегу, мама сказала:

— Так хочется уснуть и больше не вставать!

Она подняла глаза к небу и задумчиво добавила:

— Где наш папа? Может, он тоже смотрит на это солнце?

Мы затаили дыхание. Мысль об отце отзывалась печалью в сердце. На самом деле, где он? Ответить на этот вопрос пока никто не мог.

Долго сидеть нельзя — чтобы ночь не застала нас в лесу, надо было вытаскивать бревна на дорогу. К вечеру мы приехали домой, и заготовка дров теперь казалась не так уж и страшной.

Приближалось Рождество. В прошлом году этот праздник мы отмечали всей семьей. И хотя далеко от родной Украины, мы все же были вместе. Вместе радовались, вместе славили Господа, а теперь... Где отец? Жив ли он? А Иван? С тех пор как он после каникул уехал на учебу, мы ничего от него не получали и ничего не слышали о нем. А Давид? Сколько было таких разбитых, разорванных на части семей! Думал ли кто-нибудь о наших страданиях?

В этот раз в ожидании праздника мы думали не об игрушках, нас занимало главное — будет ли что поесть?

Накануне праздника мы с Гельмутом принесли из леса красивую елку — она здесь ничего не стоила. Из старых тетрадных обложек нарезали квадратиков, где-

то нашли кусочек желтой фольги и нарезали из нее соломинок, а потом все это нанизали на длинную нитку. Девочки склеили цепи из бумажных колечек и немудреные корзинки. Раздобыв где-то кусочек ваты, мы украсили елку, получилось даже красиво. Из еды ничего не предвиделось. Анита ходила просить милостыню, и кто-то, расщедрившись, дал ей три картошины.

Вечером пришла мама. Она раздала нам по две подушечки — это маленькие конфетки без фантиков. Картошку мы порезали на кружочки и приклеили к буржуйке. Когда они пожарились, съели их с огромным аппетитом. Мама вскипятила воду, и мы попили чай с конфетами, которые она раздала нам. Заваркой служило жженое зерно. Это Рождество тоже хорошо запомнилось, хотя было совершенно не похоже на все предыдущие праздники. Мама рассказала нам о рождении Христа, мы вместе спели несколько песен, вспомнили стихи, которые учили еще в Подгае, на детских собраниях.

Прося милостыню, мы обычно просили не картошку, а очистки. Дома их хорошо мыли, варили и толкли. На ферме для телят выдавали овсяную полову. Мы промывали ее и получали мучные осадки, которые смешивали с очистками. Из этой массы делали коржики и прилепляли их к буржуйке, чтобы испеклись. Получались вкусные хрустики, которым мы были очень рады.

Весной варили конский щавель, крапиву и грибы. Я нанимался копать огороды, чтобы заработать картошку для посадки. Соль стоила весьма дорого — пятьдесят рублей стакан, а такие деньги у нас не водились. Приходилось есть в основном без соли.

Иногда удавалось достать кормовую соль, но от нее мы опухали, а сил не было.

Как-то наткнулись мы на белую глину. Известь в то время была редкостью, и глину можно было использовать для побелки. Мы стали копать ее и менять ведро глины на ведро картошки. Это сильно помогло нам встать на ноги, хотя глина доставалась тяжело.

Воду брали в реке. Мне, как старшему, приходилось носить воду больше всех. У тети Нюты дети были еще маленькие, а сама она допоздна пропадала на ферме. Как-то я заявил маме, что буду носить воду только для нашей семьи, а для тети Нюты не буду. Мама стала убеждать меня, что это не хорошо: тетя приходит уставшая, ей очень трудно. Но я возмущался и настаивал, что буду носить только для себя. Я не думал, что тетя стоит за дверями и слышит наш разговор. Когда я открыл дверь, она попросила у меня ведра, чтобы сходить за водой. Сердито буркнув что-то в ответ, я пошел к речке. Поистине, на обиженных воду возят! Позднее, обратившись к Богу, я просил прощения и у тети за то, что не любил ее, что не хотел делать доброе дело для ее семьи.

Весной нас переселили в старый домик, где раньше чинили сбрую для лошадей. Это была комната площадью около пятнадцати квадратных метров, очень низкая — я головой доставал до балок. В эту комнату поместили нашу семью, бывшую учительницу с пятилетним сыном и ее матерью, и еще двух бабушек. Мы спали за печкой на двухъярусных нарах — вверху ребята, а внизу — мама с девочками. Было очень тесно, но потом бабушкам нашли место в селе, учительница тоже нашла квартиру, и мы

остались одни. Возле дома был огород — двадцать соток, и мы еще перекопали целину. Домик стоял на косогоре, внизу текла речушка, а за ней начинался лес. В конце нашего огорода, на самой меже, росло шесть больших сосен.

Мы засадили огород картошкой и осенью сняли неплохой урожай. За хорошую работу мама получила в награду теленка, и он стал нашей коровой. Мы приобрели еще коз и поросенка, развели кур и уток, и скоро перестали бедствовать. Весной меня послали пасти телят, потом — коров, и за это отпускали полкило хлеба и пол- литра молока. Когда я первый раз поел свежего хлеба с молоком, мне казалось, что вкуснее еды не бывает.

На следующий год меня перевели в тракторную бригаду водовозом. Лошадей должен был пасти сам. С работой я справлялся, и меня обязали еще возить продукты раз в неделю. Трактора работали день и ночь, поэтому на том поле, где они работали, должна всегда стоять бочка с водой. Когда трактористы переезжали на другое поле, я должен был перевозить и воду.

В бригаде работала поваром молодая женщина. Когда она ушла, варить стало некому, и один раз я попробовал что-то сварить. Трактористам это понравилось, и мне вменили в обязанность готовить обед. Сначала справлялся, а потом это стало для меня непосильным бременем. В это время у меня забрали лошадей, а взамен дали волов. Работа стала продвигаться намного медленнее. Мне приходилось мало спать. Я потребовал замену, но ее не давали. Однажды я поехал за водой и на обратном пути уснул от усталости. Проснулся, когда солнце уже

закатилось. Волы запутались в кустарнике. Я никак не мог сориентироваться, где нахожусь. Тракторов не было слышно, и мне пришлось долго блуждать. В тракторный отряд я попал далеко за полночь, и, конечно, был очень расстроен.

Утром я заявил, что больше работать не буду, пока меня не разгрузят, и пошел домой. Мама сказала, что меня могут наказать за отказ от работы, и, прежде чем принять какое-либо решение, я должен все взвесить, ведь мне уже шестнадцать лет! Я пояснил маме, что отказываюсь не от работы, а от дополнительных работ, которые мне не под силу.

Днем к нам пришел бригадир — очень вредный мужчина. Он отругал меня и велел идти на работу, хорошо понимая, что я подневольный человек, которого можно заставлять. Но я не покорился ему. На прощанье он пригрозил:

— Ты меня еще вспомнишь! Пеняй тогда на себя!

Он пошел в сельсовет жаловаться, но я так и не вышел на работу, а помогал маме на ферме и дома. Было время уборочной. Мы копали картошку и готовились к зиме.

Вначале зимы, когда наступили первые морозы, вдруг заявился наш Давид. Оказывается, его забрали в труд- армию, и он работал в Златоусте на лесоповале. Теперь его отпустили на соединение с родственниками. Одет он был очень легко — хлопчатобумажный костюм, телогрейка, шапка и ботинки. Денег на дорогу не дали, и он добирался на площадке между вагонами. Он обморозил себе ноги, и маме пришлось разрезать ботинки и растирать ему ступни. После этого ноги у него еще долго болели.

Давид возвратился домой, а мне пришла повестка из райсовета. При себе нужно было иметь кружку, ложку, сменное белье и продукты на три дня. Идти нужно в район, на станцию Ояш.

Я распрощался с родными и рано утром отправился в путь. Стараясь одеть меня потеплей, мама купила у калмыков шерстяные галифе. Правда, они местами были протерты, но она аккуратно залатала, и я выглядел в них кавалеристом. Валенки мама подшила, а телогрейку и шерстяные варежки сшила новые. Шапка у меня тоже была новая, но не ушанка, а просто утепленный колпак, внизу обшитый кроличьим мехом.

В НОВОСИБИРСКЕ

В райсовет пришел к одиннадцати часам. Там собралось уже много таких, как я. Объявили, что нас пошлют на шесть месяцев в Новосибирск, в школу ФЗО (фабрично-заводское обучение). На следующий день всех посадили на поезд и повезли.

В Новосибирске несколько дней держали в карантине.

По вечерам в барак приходили городские парни и отнимали у деревенских одежду получше. У меня забрали только ремень. Хотели взять и галифе, но они, к моему счастью, были залатаны.

По окончании карантина нас повели в баню и выдали обмундирование — хлопчатобумажное белье, брюки и темно-синюю гимнастерку, а также портянки, ботинки и шапку из искусственного меха. Верхней одеждой был длинный бушлат с лежачим воротником, на углах которого — петлицы с блестящей надписью «ФЗО». Разместили нас в двухэтажных общежитиях по

пятнадцать —двадцать человек в комнате. За каждым числилась металлическая кровать, ватный матрац, суконное одеяло, подушка, наволочка и две простыни. Кормили три раза в день, в столовую водили строем. Утром и вечером давали кашу, полкружки чая и кусочек хлеба, а в обед наливали еще и суп. Конечно, нам этого не хватало, и мы вынуждены были искать себе пропитание.

В школе ФЗО была возможность приобрести специальность каменщика или слесаря-сантехника. Я плохо владел русским языком и значение этих специальностей до конца не понимал. Думая, что каменщик должен иметь дело с камнями, а это тяжелый труд, я избрал вторую специальность. По правде говоря, кто такой слесарь-сантехник, я тоже понятия не имел.

Первое время мы проходили техминимум. Мастером был мужчина лет пятидесяти — скромный, терпеливый, преподающий довольно доступно. Однако учеба на голодный желудок трудно продвигалась. Узнав, что в столовой можно заработать черпак супа или каши, я, бывало, ходил туда и до полуночи чистил картошку. Но этого подкрепления было очень мало.

Однажды я нашел на дороге двадцать копеек. После обеда пошел к буфетчице и попросил продать хлеба. Она посмотрела на меня с удивлением — видимо, редко кто покупал так мало хлеба. Буфетчица взвесила мне чуть больше пятидесяти грамм, и я долго держал во рту этот кусочек, наслаждаясь приятнейшим вкусом.

В воскресенье я иногда ездил в Ояш. Там жила семья, с которой мы были знакомы еще на Украине.

Когда я приезжал к ним, они давали мне поесть, хотя сами жили бедно.

Закончив курс обучения, мы прошли практику в мастерских и начали сдавать экзамены. Аттестовали всех. Я получил третий разряд, а также триста рублей подъемных и направление на объект, где должен был отработать за обучение три года. Так началась моя трудовая жизнь.

Получив деньги, все в первую очередь думали, как утолить голод. Кто-то накупил хлеба, кто-то — пирожков с ливером. Один парень купил сразу семьдесят штук. Мы настолько изголодались, что казалось, никогда не наедимся. Я даже сказал друзьям, что съел бы целую булку хлеба (2, 5 кг) без воды. Кто-то возразил, заметив, что это невозможно. Мы поспорили: если съем, мне дадут двадцать пять рублей, а если не съем на сухую, то уплачу за хлеб и отдам деньги. Принесли хлеб. Половину я быстро проглотил, а потом потребовалась вода, но ее не давали. Я съел еще кусок. Кто-то, сострадая, набрал из бачка кружку воды и плеснул мне в лицо. Несколько капель попало в рот. Все рассмеялись, а я мучительно жевал хлеб, не желая проспорить.

Когда я затолкал в рот последний кусочек, все закричали: «Выиграл! Выиграл!» Так мне достался бесплатно хлеб и двадцать пять рублей. Конечно, сегодня я такими глупостями не занимался бы, но тогда голод диктовал свое. Организм был настолько истощен, что есть хотелось, даже когда желудок был полный.

По распределению я попал на работу в одно из административных зданий, выстроенных возле обкома партии. Выпускники ремесленного училища проходили

там практику и проводили отопление и канализацию. Корпуса еще не сдали в эксплуатацию, но отопительный сезон начался и отопление было принято комиссией. Меня поставили дежурным слесарем.

В первое же дежурство, вечером, когда кочегары растопили котлы, я прошел по всем этажам — вода нигде не капала. Когда трубы стали нагреваться, на втором этаже одна батарея стала шипеть. И чем больше система нагревалась, тем больше пропускала батарея. Я взял газовый ключ, чтобы подтянуть пробку, но стоило мне нажать на ключ, пробку вырвало. Из-за большого давления горячей воды я ничего не мог сделать — на пробке была сорвана резьба! Я быстро поднялся на чердак, чтобы отключить стояк, но задвижка не держала. Побежал к главной задвижке, но и она не работала. Тогда я помчался в котельную и попросил затушить котел, намереваясь перекрыть воду возле котла. Но и там на задвижке были сорваны щеки, и мне ничего не оставалось делать, как спустить воду из системы пятиэтажного корпуса. Насквозь промокший, я спустился в подвал, где размещалась контора, и увидел ужасающую картину: столы и бумаги плавали в горячей воде. До смерти перепуганный, я поднялся в будку, где стоял расширительный бачок, и до утра не сомкнул глаз.

Утром, слыша возмущения рабочих, я дрожал — то ли из-за мокрой одежды, то ли от страха. Когда пришло начальство, мне пришлось пояснить, что принял все меры, но система оказалась не рабочей. Создали комиссию, и она определила, что отопительная система действительно непригодна к

эксплуатации. Двух мастеров отдали под суд, а отопление переделали. Меня после этого поставили кочегаром на одном из строительных объектов. Там было намного лучше.

В это время произошел случай, оставивший неприятное воспоминание на всю жизнь. Получив первую зарплату, я поехал на базар купить выходные брюки и рубашку. Базар в Новосибирске очень большой и многолюдный. Я приобрел рубашку и даже позволил себе купить мороженое — это лакомство мне еще не приходилось пробовать. Оно оказалось очень вкусным. Вдруг подошел ко мне мужчина лет сорока и попросил помочь ему купить золотое кольцо, обещая вознаградить меня, если это дело удастся. Он указал на человека, который ходил с коробочкой в руках. В ней на черном бархате лежало драгоценное кольцо. Я ответил ему, что мне кольцо не нужно, да у меня и нет столько денег. Он сказал, что мне и не нужно платить, он сам рассчитается, я только должен подойти и спросить цену.

— Он просит за него пятьсот рублей, а ты спроси, сколько окончательно, и если сможешь сбить цену, я тебя не обижу, — дружески улыбнулся незнакомец.

У меня не было желания связываться с этим делом. Но вот продающий поравнялся со мной, и я спросил:

— Сколько стоит такое кольцо?

Он посмотрел на меня и говорит:

— Мальчик, не тебе такие вещи покупать! Ты еще слишком зелен, да у тебя и денег таких нет!

Он задел мое самолюбие, и я высокомерно бросил:

— Откуда вы знаете? У меня, может быть, больше денег, чем вы думаете!

Он посмотрел на меня испытующим взглядом и вызывающе сказал:

— У тебя деньги? Кольцо я продаю за пятьсот рублей, но тебе за двести пятьдесят отдам! Ну что, отгадал? У тебя нет денег!

Я посмотрел на мужчину, толкнувшего меня на это дело, а он кивает головой, мол: «Бери! Бери!». Но у меня действительно не было таких денег, и я с сожалением подумал, что упускаю возможность получить дешевую копейку.

А продающий продолжал:

— Ну что, не правду ли я сказал, что у тебя такие деньги не водятся? Тебе даже за сто пятьдесят отдал бы!

И тут я воскликнул:

— Ловлю на слове! — и протянул ему свои сто пятьдесят рублей.

Люди, наблюдающие за происходящим, одобрительно улыбались — так, мол, и надо обводить богачей вокруг пальца. Продавец сделал кислый вид, показывая, что пролетел, нехотя взял у меня деньги и отдал кольцо. Я поискал глазами мужчину, который хотел купить кольцо, но его не стало. Тут же исчезли и все болельщики вместе с продающим. И вдруг я понял, что сделал величайшую глупость. Зачем мне это кольцо?

Я решил продать его, конечно, не за пятьсот рублей, а хотя бы за четыреста или триста пятьдесят. Долго ходил по базару и ушел одним из последних, но кольцо осталось невостребованным.

На трамвайной остановке я сел на корточки и открыл коробочку, чтобы люди видели, что кольцо продается. Солнце уже село, а у меня не было и двадцати копеек, чтобы доехать до общежития. И вдруг подошла молодая дама в шляпе и спросила, продаю ли я кольцо? Она взяла коробку, посмотрела на пробу и спросила, сколько я хочу за него. Я рассказал, как купил это злополучное кольцо, и выразил готовность отдать его за сто пятьдесят рублей.

Она посмотрела на меня с сожалением:

— Бедный мальчик! Тебя жестоко обманули. Это кольцо в магазине стоит девять рублей. Оно не золотое, и мне такое не нужно. Я могу дать тебе рубль, чтобы ты добрался домой, а больше ничем помочь не могу.

Бесстыдно обманутый, я долго не мог оправиться от случившегося. В ожидании зарплаты вынужден был ходить по свалкам и искать что-нибудь съестное. Один Бог по милости Своей хранил меня от желания прибегнуть к воровству или мошенничеству. Так на собственных ошибках я учился дорожить деньгами.

Работа кочегара мне нравилась. В свободное время строители иногда посылали меня на склад за инструментами или олифой. Склад был довольно далеко, и мне давали деньги на дорогу, а также платили немного за услугу. Чтобы сэкономить средства, я, где можно, ходил пешком.

Как-то, проходя мимо одного дома, я увидел, что возле открытых окон сидят люди, как на похоронах. В следующий раз, увидев такую же картину, я удивился и не мог понять, что происходит в этом доме. Зайти и спросить не хватало смелости.

Однажды на базаре меня остановил мужчина в штатском и попросил показать документы. У меня была только справка об окончании школы ФЗО. Он поинтересовался моей национальностью и повел в отделение милиции, а оттуда в комендатуру. Меня поставили на учет. Оказывается, все немцы должны были отмечаться у коменданта два раза в месяц — первого и пятнадцатого числа. Это усложнило мою жизнь. После работы я должен был по несколько часов стоять в очереди, чтобы зарегистрироваться. В связи с этим меня переселили в другое общежитие, в другой район города.

Я любил рисовать, и как-то на куске толя нарисовал масляной краской речку, на ней два лебедя, а на берегу — домик и деревья. Моя картина многим понравилась, и я стал получать заказы. Так в свободное время я стал подрабатывать. Олифу брал на работе.

У меня появилось много друзей. Они стали приглашать меня в кино, оплачивая мой вход вовлекали меня в разные игры. За стеной у нас было женское общежитие. Узнав, что я рисую ковры, девушки тоже стали делать заказы. Среди них были и развратные, которые приносили свои альбомы с разными непристойными описаниями и просили что-нибудь нарисовать. Я понимал, что такое зло и что добро, хорошо знал, как должны вести себя верующие, меня не привлекал ни алкоголь, ни сигареты, однако греховная жизнь все больше и больше вовлекала в свой пагубный водоворот.

Однажды летом, в 1949 году, к моему соседу по комнате пришла группа молодежи — два парня и несколько девушек. Моим соседом был

девятнадцатилетний Вася Морозов, парень с одним глазом. Я не прислушивался к их разговорам, но заметил, что девушки чем-то отличаются от своих ровесников, какие-то они не такие, как все. Немного поговорив с Васей, парень постарше спросил у ребят, которые были в комнате:

— Можно, мы споем?

Ему никто не возразил, и молодежь запела христианский гимн. Я еще никогда не встречался с русскими верующими, но сразу понял, что это они, так как они пели песни, очень похожие на те, которые пели мои родители. Неужели эти люди такой же веры, как и мои родные?

Я подсел ближе, прислушался, и сердце мне подсказало, что они — настоящие христиане. А я всегда думал, что у русских только православная вера и им можно пить водку, курить, сквернословить. Я стал задавать вопросы по Библии, и молодые люди отвечали точно так, как нас учили когда-то в воскресной школе.

Мне хотелось вспомнить русскую песню, которую часто пела мама, но в памяти осталось только несколько слов из припева: «Если будем доверять Иисусу». Я спросил, не знакомы ли им такие слова, и они тут же запели:

Мы бодрей на жизненном пути пойдем,
Если будем доверять Иисусу.

Сердце мое затрепетало: значит, они точно такие верующие, как и мои родители!

Знакомясь ближе, я узнал, что некоторые девушки живут рядом в общежитии. Там, отгородив угол одеялами и простынями, ютилось несколько семей переселенцев — матери с дочерями. Девушки

рассказали, что они нашли в городе молитвенный дом и уже стали членами церкви. По воскресеньям и средам в молитвенном доме проходят богослужения. Вася обещал отвести меня туда.

Мы расстались, договорившись в воскресенье встретиться.

В этот раз я ждал выходного с нетерпением. К тому времени я уже приобрел новые брюки, тельняшку и суконную матроску. Правда, из обуви были только галоши. Надев свою лучшую одежду, я пошел с Васей в молитвенный дом.

На удивление, мы пришли к тому зданию, где я видел сидящих на скамейках людей и думал, что там кого-то хоронят. На вывеску я никогда не обращал внимания, а на ней, оказывается, четко было написано: «Дом молитвы евангельских христиан-баптистов».

Дом был большой, а народу — еще больше. Мы зашли, но свободных мест уже не было, хотя до начала богослужения оставалось более получаса. Я осмотрелся. Впереди, за хором, висело два огромных текста: «Покайтесь и веруйте в Евангелие» и «Да владычествует в сердцах ваших мир Божий».

Мне стало ясно, почему в этом доме всегда много людей — здесь раздавался хлеб жизни, а народ испытывал духовный голод. Богослужение мне понравилось, и я стал регулярно посещать молитвенный дом.

В воскресенье, после утреннего собрания, молодежь часто шла к кому-нибудь из друзей. Там обычно обедали, а потом читали какой-нибудь отрывок из Евангелия и рассуждали о прочитанном. На этих молодежных собраниях много пели, читали

стихи, а также интересные статьи или рассказы. Я тоже приобрел общую тетрадь и стал переписывать себе хорошие песни и стихотворения. В конце этих собраний все преклоняли колени и молились.

Постепенно я познакомился со всей молодежью, и у меня появился новый круг друзей. Теперь меня уже не тянуло в женское общежитие, не влекла игра в шашки, домино и карты. Вася Морозов стал моим другом. Говорили, что он был уже обращенным, но я не слышал его молитв на молодежных общениях. Перед едой он всегда молился, но тихо, про себя, и я тоже стал так делать. Перед сном я стал молиться молитвой «Отче наш» на немецком языке, как делал это дома.

Один из юношей, которые приходили к нам в общежитие, был Ваня Когогрывов. Он не расставался с тряпочной сумкой, в которой носил Евангелие и песенник. У других песенники были писаные, а у него — печатный. Да и Евангелие — величайшая редкость, — если и было у некоторых, то переписанное от руки. У моего друта Васи ничего не было.

Бывало, поедем с молодежью за город, сядем на лужайке, а Ваня Кологрывов откроет свою сумку и скажет: «Давайте размочим пару сухариков». Это у него было как вступительное слово. Потом он прочитает отрывок из Евангелия и начинаются рассуждения о Слове Божьем. Ваня был инициатором, с ним никто никогда не скучал.

Наш молодежный кружок был небольшой — всего четыре юноши и около пятнадцати девушек. Жили мы дружно.

Зарплата у меня была маленькая, и денег часто не хватало от получки до аванса. Когда совсем нечего было поесть, я ездил в Кривощеково — это поселок на другом берегу Оби. Там жили Зименсы — дядя Яша и тетя Зара. У них была большая семья, но голодать не приходилось. Они охотно принимали меня, хотя для ночлега находилось место только на полу. Жили они в одной комнатке общего барака и кроме стола, кроватей и нескольких табуреток ничего не имели.

Наступила весна 1950 года. Однажды из отдела кадров сообщили, что я срочно должен прийти в контору и взять расчет. Время приближалось к обеду, и посыльный сказал мастеру, чтобы меня немедленно освободили от работы. Для меня это было как снег на голову. Получив в конторе обходной лист, я в расстроенных чувствах пошел в общежитие. Сердце заходилось в предчувствии чего-то недоброго.

Через короткое время пришел помощник коменданта спецкомендатуры и спросил, уволился ли я?

— Нет! — сердито ответил я.

Он повел меня к коменданту. В спецкамендатуре уже было человек двадцать. Нас погрузили в крытый грузовик и повезли в облпрокуратуру. Там уже собралось множество людей. Все стояли в очереди на прием к главному чиновнику. Выходящие от него говорили, что нужно заполнить какие-то бланки и расписаться, что готов поехать куда-то на восток расширить свои знания. Кто-то радовался, а кто-то подозревал, что за этим кроется что-то недоброе.

Я твердо решил, что никуда не поеду. Во-первых, здесь не так уж далеко живут мои родные, которым нужно помогать. Во-вторых, я только приобрел

настоящих друзей, моя духовная жизнь стала налаживаться. На работе начальство тоже относилось ко мне неплохо.

Очередь продвигалась, а я нарочно тянул, чтобы зайти в числе последних.

В просторном кабинете мужчина в мундире с широкими погонами пояснил мне, что страна нуждается в квалифицированных кадрах, и нас направляют на учебу для повышения квалификации. Я ответил, что не намерен уезжать из Новосибирска, так как недалеко живет мать с младшими братьями и сестрами, и она нуждается в моей помощи. Мужчина зло сверкнул глазами, резко положил на стол пистолет и чуть ли не крикнул:

— Поедешь!

Подвинув мне какой-то листок, он велел подписать. Я сказал, что никуда не поеду и ничего не подпишу. Он стукнул по столу и скомандовал:

— Выйди! Все равно поедешь!

Услышав шум, ребята поинтересовались, о чем со мной говорили. Я сказал, что нас отправляют туда, куда Макар телят не гонял, и ни о какой учебе речи там не будет.

ССЫЛКА

На тех же машинах, в сопровождении помощников коменданта, нас повезли на вокзал. Выгрузили на привокзальной площади и держали всех вместе. После я думал, что была еще возможность убежать, но куда? Немного времени спустя появилось множество солдат с автоматами и собаками. Нас окружили, и, когда подали состав с телячьими

вагонами, окна в которых были зарешечены, я еще больше убедился, что поеду на каторгу.

Я сказал помощнику коменданта, что не получил расчет, что мои вещи остались в общежитии, а ботинок — в сапожной на ремонте (сапожник дал мне на время левый ботинок, и я ходил в двух левых). Помощник коменданта молча записал что-то в книгу и велел заходить в вагон. В наш вагон попала одна семья, четверо или пятеро девчат, а остальные — ребята. Всего было человек пятьдесят.

В каждом вагоне на тормозной площадке размещался конвой. Спереди и сзади состав освещался прожекторами. Солдаты были не только с автоматами, но и с собаками.

Поздно вечером мне привезли мой фанерный чемодан и семьдесят пять рублей. В чемодане лежало кое-что из одежды, куртка, ложка и немецкая Библия, не полная, без корочек, которую я попросил у мамы.

16 марта наш состав отправился на восток.

В вагоне стоял полумрак. Двери закрыли, а через зарешеченные окна, расположенные под потолком, проникало слишком мало света. На душе у меня было тоскливо. Куда нас везут? Я еще не был возрожденным и утешаться Господом в таких сложных ситуациях не умел. В вагоне, похоже, тоже не было верующих.

Уставшие от переживаний, люди стали засыпать. Мне не спалось. Поднявшись на верхние нары, я пристроился у окна. Поезд шел медленно. На станции Сокур стояли довольно долго. Мне очень хотелось, чтобы станцию Ояш проезжали днем. Но возможно ли это?

Я заранее написал два коротких письма одинакового содержания: «Меня со многими другими везут в арестантских вагонах под конвоем неизвестно куда, в сторону востока».

Письма написал на ходу, хотел выбросить их на станции Ояш. Может, добрые люди поднимут и отнесут в дом, где собирались верующие? Сложил треугольником, как солдатское письмо, и ждал удобного момента. Снаружи написал: «Уважаемые люди, отнесите это письмо по адресу: Ояш, Коммунистическая, 5».

На рассвете проехали станцию Мошково. Скоро Ояш.

«Хотя бы остановился!» — переживал я, вспоминая, что на нашей станции обычно останавливаются все поезда, так как паровозы заправляют водой.

Тяжело пыхтя, наш паровоз медленно поднимался по склону. Вот и родной Ояш. Может, я вижу его последний раз... Паровоз сбавил ход и... остановился! На платформе появилась старушка, торгующая пирожками и картошкой. Я окликнул ее:

— Бабушка! Отнесите, пожалуйста, по адресу! Тут недалеко!

Я бросил письмо, но на старушку вдруг налетел солдат, чуть не сбив ее с ног, выхватил письмо и порвал на мелкие кусочки. Жаль, конечно, но у меня было еще одно такое письмо, и теперь я решил быть осторожней.

Когда поезд отправился, я бросил письмо женщине, стоявшей у края платформы, и крикнул:

— Отнесите, пожалуйста!

Промелькнули последние дома, и Ояш скрылся...

Ехали мы долго. Порой на какой-нибудь станции наш состав на несколько дней загоняли в тупик. Кормили плохо. Только один раз в день, обычно в обед, открывали вагон, и два человека должны были выйти и получить горячее — жиденький суп и кашу. В это же время выдавали уголь и воду. Хлеба каждому давали пятьсот грамм на день — дели как хочешь.

1 мая нас привезли на Большой Невер. Здесь был огромный рассылочный лагерь, огороженный колючей проволокой. Состав загнали прямо в лагерь, открыли двери и велели выгружаться. На территории лагеря стояло много длинных деревянных бараков без перегородок, с четырьмя рядами двухэтажных нар — два ряда вдоль стен и два в середине — спаренные, без прохода.

Наши глаза отвыкли от солнечного света, и, выгрузившись, мы почти ничего не видели и шатались как пьяные. Ровно полтора месяца были в дороге. Здесь местами еще лежал снег, но в воздухе пахло весной. Стали оживать муравейники. Увидев, что некоторые снимают белье и расстилают его на муравейниках, я последовал их примеру и в какой-то мере избавился от вшей, которые несметными полчищами осаждали нас всю дорогу.

В этом лагере мы находились пятнадцать дней. Большие люди в мундирах думали, куда нас распределить. В дороге я познакомился с шахтером из Кузбасса, Иваном Киндерайхом. Его фамилия означала — «богат детьми». Но у него не было ни детей, ни жены, во всяком случае, так он утверждал. Ему исполнилось пятьдесят лет, но выглядел он довольно молодо. Иван жил более самостоятельно, у него были деньги, и я свои тоже отдал ему. По дороге

он покупал что-нибудь съестное — спускал на веревочке деньги, а люди привязывали продукты.

В лагере Иван достал бутылку водки и угостил меня. Выпив полстакана, я почувствовал себя плохо и сказал, что больше никогда не буду пить. Он, бывало, покупал водку, но мне уже не предлагал.

Первый раз спиртное я выпил в Новосибирске. Тогда Вася Морозов соблазнил меня. Как-то с получки он повел меня в киоск и заказал пару бутербродов и две стопки водки. На мое недоумение он ответил, что немножко можно. Чувствуя, как кружится голова, я решил тогда, что спиртное — не для меня. *И* все же не устоял в своем решении, Иван искусил меня.

Была уже середина мая, когда нам объявили, что будут отправлять в основном в три места: в одно поедут женщины, в другое — мужчины, а в третье — семейные. Поэтому, если кто надумал жениться или выходить замуж, должны делать это неотложно — через несколько дней будет отправка. Этим начальство дало повод к распутству. День и ночь слышались возгласы: «Горько, горько!», «Поздравляем с законным браком!». Были выпивки, шумные песни и многое другое. Трудно себе представить, до какой низости может опуститься человек...

17 мая нас посадили в грузовые машины и повезли в Томмот — километров восемьсот на север. Приехали мы поздно вечером, но начальство ждало нас. Электричества там не было. При свечах распределили на ночлег, а утром сказали, что дальше пойдем пешком, вещи повезут трактором.

Шли мы по тайге медленно, вразброд. Нам выдали двухдневный паек, но его не хватило и на

один день. Шли по глубокому снегу, под которым уже собиралась вода. Ноги быстро промокли. Кто-то подарил мне шахтерские чуни, и я надел их, натянув сверху голенища от хромовых сапог. Выглядел неплохо, но ноги все равно промокли.

Добравшись до зимовки, мы развели огонь и легли хоть немного отдохнуть. Дежурный должен был следить за огнем, чтобы кто не загорелся. После короткого отдыха нужно было снова идти, а сил не было, ноги гудели от усталости.

Увидев вдалеке населенный пункт, мы подумали, что достигли цели. Но нас крепко огорчили, сообщив, что это Ыллымах, а до Эмельджака еще десять километров в гору. Идти уже не было силы — мы прошли семьдесят километров по бездорожью и глубокому снегу! Но деваться некуда, надо идти. Река еще не тронулась, и мы пошли по льду. Шли с маленькими передышками, но после каждой остановки становилось все тяжелей.

Наконец достигли цели. Рудник Эмельджак — это своеобразный поселок, где стояло несколько домиков, в которых жили вольнонаемные, завербовавшиеся сюда, чтобы заработать большие деньги. Было здесь и несколько бараков, в которых жили шестилетники (бывшие солдаты, попавшие к немцам в плен) и так называемые указники — люди, не выработавшие трудодни в колхозах. Нас разместили в одном из натопленных бараков, накормили, и мы тут же свалились от усталости.

РУДНИК ЭМЕЛЬДЖАК

Мы прибыли на рудник 21 мая 1950 года. Начальником здесь был подполковник, москвич

Максим Афанасьевич Уткин — покладистый, на удивление добродушный и спокойный мужчина. Когда мы отдохнули, он собрал нас и объявил, что работа предстоит огромная, а условия жизни — не из лучших. Убегать здесь некуда, до железной дороги — тысяча километров. Если кто-то попытается бежать, а такие уже находились, то за хлебом все равно приходят в магазин, и там их обнаруживают. Это здесь вовсе нетрудно сделать, так как у нас волчьи паспорта — простая справка о том, что такой-то находится на учете в такой-то комендатуре.

Начальник сказал, что мы должны расчистить снег и поставить солдатские палатки. В них будем жить, пока не построим бараки. Вечером движок будет подавать энергию, и с шести до половины одиннадцатого можно пользоваться светом. В каждой палатке нужно поставить по две буржуйки и топчаны вместо кроватей. Основная работа здесь — добыча слюды. Это дорогостоящий материал, ценится выше золота. Есть и подсобные работы: в пищеблоке, стройцехе, мехцехе, конном парке. Планировалось строительство дороги до Ыллымаха и даже до Томмота, потому требовались дорожники.

Мы получили аванс по пятьсот рублей, а также лопаты, топоры и гвозди, и работа закипела. Как только палатка была готова, ее сразу же заселяли. Пока мы поставили палатки для себя, привезли еще людей, и нужно было сооружать два женских помещения и несколько мужских. Палатки всю ночь топили, но все равно было холодно — на небольшом расстоянии от печки вода в ведре замерзала.

Вначале я попал в дорожную бригаду. Местность в этих краях гористая, местами сплошные скалы,

поэтому вначале нужно было взрывать, а потом выравнивать, планировать насыпь — работа тяжелая.

Первое лето мы страдали из-за нехватки продуктов. На руднике запасы отсутствовали, а завозить не было возможности. Зимой прокладывали дорогу по льду, а с весны до осени никакой транспорт не ходил. Прилетал небольшой самолет и сбрасывал какие-то продукты, но что это на такое множество?!

После строительства дороги нашу бригаду перебросили на аэропорт. В трех километрах от рудника на возвышенности была равнина и на ней — площадка для посадки маленьких самолетов. Площадка не соответствовала нормам, и случилось, что самолет при взлете не вписался в полосу и зацепился за кустарник. Конечно, он упал. Наша задача была удлинить и расширить площадку.

В аэропорт дороги не было, а только тропинка, по которой ходили пешком или ездили на лошади с волокушей (это две волочащиеся по земле оглобли, скрепленные поперечиной, к которой привязывается кладь). Здесь это самый ходовой транспорт, потому что местность очень неровная. На территории аэропорта стояла изба, в которой жили метеорологи — женщина с двумя девушками. Они определяли погоду и передавали сводку в Томмот.

Спустя какое-то время меня перевели в конный парк, и я возил из склада взрывчатку. Но вскоре среди ссыльных начали наводить порядок, и меня сняли с этой работы и послали трелевать лес. В Ыллымахе построили электростанцию, которая съедала двадцать четыре кубометра дров в час, и эту массу дров нужно было заготавливать, чтобы рудник получал энергию.

Нравственно я стал опускаться все ниже и ниже. Продуктами рудник не был обеспечен, а спирта, на удивление, оказалось в преизбытке. Меня поселили в барак с шахтерами из Кемеровской области. Это были преимущественно немцы, но обрусевшие. Все они выпивали. Какое-то время я отказывался пить с ними, хотя они и принуждали. Но когда они хотели насильно напоить меня и свалили, чтобы залить водку в рот, я сказал, что лучше сам выпью. Они налили мне стакан, и я выпил, второй — опять выпил. Потом выпил все, что осталось от пол-литра. Мужчины расхохотались, а я вышел на улицу и потерял сознание.

С того времени я пристрастился к алкоголю и табаку. Моя вера оказалась неукорененной и под натиском искушений оскудела. А воспитание, каким бы хорошим оно не было, не способно дать силу для победной жизни.

Домой я ничего не сообщал, связь с родными прервалась. Я плыл по течению, и меня бросало, словно щепку в бушующем море. У меня появилось множество неприятностей, но остановиться не было сил. Временами я не работал по три месяца и, словно пиявка, жил за счет тех, кто научил меня пить. Порой они не знали, что со мной делать. Однажды меня так избили, что не мог встать с постели. Дошло до того, что мне не хотелось больше жить.

Между тем время шло, наступил 1954 год. Начальство стало набирать рабочих для открытия нового рудника. Я тоже записался. Нас отправили в Эльконку на добычу слюды. Там народу было мало и начальства тоже.

Не желая жить в бараке, некоторые мужчины решили построить себе дом и предложили мне

присоединиться к ним. За лето мы срубили хороший двухквартирный дом. Мне принадлежала четвертая часть этого дома.

Работа на руднике была очень примитивная. Породу бурили вручную и откатывали по доскам одноколесными тачками. Слюду выбирали в мешки и спускали в цех, где ее кололи, обрабатывали и упаковывали в ящики по сортам. Слюда была очень тяжелая, и, чтобы она стала хоть немного легче, ее начали сушить неподалеку от карьера. Сушка тоже была очень примитивной — слюду высыпали на большой железный лист, а под ним разводили огонь. Меня поставили сушильщиком.

Недолго мне пришлось жить в своем рубленом доме.

Кутежи не сулили ничего доброго, я все ниже опускался в омут греха. Поздней осенью вернулся в Эмельджак. Работать пошел в проходку бутовщиком. Зарабатывал немало, но все уходило прахом — на спиртное, на сигареты и всякие греховные увлечения.

Однажды я пришел на работу пьяным. Спустился под землю, и у меня потухла карбидная лампа. Спичек не оказалось, и я решил идти на ощупь. Не имея правильной ориентации, я подумал, что уже миновал рудоспуск, и стал шагать уверенно, как вдруг... Несколько мгновений, и я потерял сознание, оказавшись в самом рудоспуске, глубиной около восемнадцати метров. Не знаю, сколько прошло времени, пока напарник узнал о моем исчезновении и позвал людей. Меня вытащили и отправили в госпиталь, в город Алдан.

От сильного ушиба и сотрясения у меня воспалились все суставы, плохо действовали руки и

ноги. В госпитале Господь подарил мне время задуматься над смыслом жизни. Я пролежал более шести месяцев, и для меня это место стало домом горшечника, где Бог месил меня, словно глину.

Потеряв меня из виду, мама сделала запрос в комендатуру, и ей сообщили, что я жив. Весной 1955 года я получил от матери письмо с фотографией отца. Она писала, что нашелся отец, он живет в Канаде с Иваном и его женой Катей.

Мои мысли беспокойно метались: то летели к матери, к моим братьям и сестрам, то устремлялись за океан, в далекую Канаду. Совесть, словно проснувшись, стала укорять меня: «Ты прокутил всю свою юность и все святое расплескал в пьяном угаре, вдали от родных. Ты теперь ни к чему не способен! Ты калека, жалкая жертва греховной жизни, кто тебя поймет? Кому ты нужен? » Ужасная тоска напала на меня, я не мог сдерживать слез.

Мне вспомнился Новосибирск, счастливая жизнь в кругу христианской молодежи. Может, оставшись там, я покаялся бы и жил совсем другой жизнью?

После долгих размышлений я стал вопиять к Богу: «Господи! Если Ты есть, то выведи меня из этой глуши и дай мне еще раз увидеться с родственниками. Если это сбудется, я отдам Тебе свое сердце и буду преданно служить Тебе». Я молился, но надежды на какое-либо изменение не было. Мне оставалось лишь ждать, что смерть прервет жизнь и меня зароют в вечной мерзлоте.

Заметив, что я часто плачу, медсестры стали интересоваться, что у меня болит. Но я отвечал только, что они не в состоянии мне помочь.

Время шло, и меня выписали как нетрудоспособного. Однажды начальник спросил, не хотел бы я поехать к матери? Я подумал, что он издевается надо мной, и бросил в ответ какую-то грубость. Словно не обратив внимание на это, начальник сказал, что такая возможность есть и можно хлопотать о соединении с родственниками.

Когда он ушел, я подумал: «Неужели Бог на самом деле есть и мои молитвы услышаны? Неужели есть надежда на встречу с родными?»

На следующий день я пошел к начальнику и сказал, что согласен вернуться к родным.

Прошло совсем немного времени, и мне выдали справку, согласно которой я мог поехать домой. Получив полный расчет, я собрался в дорогу. Мне дали сопровождающего, потому что я плохо ходил. На перекладных мы добрались до Большого Невера и купили билет до станции Ояш. Мне было и радостно, и досадно, и горько. Радостно, что еду домой, а горько от мысли, как меня встретят? В нашей семье никто не курил, не сквернословил, не пил, а я от всего этого не мог освободиться, хотя прикладывал немало стараний.

Долгий путь истомил душу переживаниями. В сердце происходила борьба, я чувствовал, что Бог проявил ко мне милость и вывел из кромешного ада, чтобы я обратился к Нему и служил Ему. А с другой стороны, мне казалось, что это слепое совпадение, Бога нет, и я никому не нужен. Не в силах освободиться от назойливых мыслей, я попросил, чтобы принесли бутылку. Но и это не помогло. Заявиться же пьяным на станцию, где живут знакомые верующие, не хотелось.

ДОМА

Приближаясь к Ояшу, я долго думал, к кому пойти в первую очередь? Вспомнилась Эмма Фридриховна — учительница железнодорожной школы. С ней я познакомился в те годы, когда мы просили милостыню. Мы, бывало, ходили даже в Ояш. Эмма Фридриховна жила с сестрой и престарелой матерью. Они никогда не отпускали нас с пустыми руками. Полюбив меня как сына, они не просто помогали нам, но и учили работать. То нужно было распилить и поколоть машину дров, то перекопать огород и посадить картошку. За работу обычно платили картошкой. Мама была очень рад а и благодарна, что встретились такие добрые люди. Иногда они просто так давали кусок хлеба или что-нибудь съедобное.

Я не был уверен, что Эмма Фридриховна живет по старому адресу, но ее знают все, и любой железнодорожник может подсказать, где ее дом. Семья Эммы Фридриховны тоже была когда-то сослана. Они считались верующими, католиками. За столом не молились и перед сном тоже. У бабушки в сундуке лежала большая Библия в хорошем состоянии, но она твердила, что Папа Римский строго запретил читать эту святую книгу, так как она предназначена только для священников, а если кто другой будет читать, то потеряет блаженство в будущей жизни.

Наконец поезд остановился на моей станции. Было часов десять вечера. Я подошел к станционному рабочему и спросил, где проживает учительница Эмма

Фридриховна. Он показал на дом неподалеку от вокзала.

В доме еще горел свет, и как только я, постучав, назвал свое имя, мне тут же открыли.

Встреча была теплая. Эмма Фридриховна не переставала удивляться. Она сразу сообщила, что в Ояше учится моя сестренка Анита. Меня повели к ней, и мы этой же ночью пошли на хутор, где жила семья Ремпель, близкая нам еще с Украины. Там мы остались ночевать и разговаривали чуть ли не до утра.

Анита сильно изменилась, выросла. Когда я уходил из дому, ей было девять лет, а теперь — пятнадцать. Она рассказала, что наш Давид женился и живет в Новосибирске, а остальные еще с мамой.

Утром Анита пошла в школу и отпросилась у директора, чтобы поехать со мной. К обеду моя мечта сбылась — мы прибыли в Умрево.

Мама жила в той же маленькой избушке. Встреча была неожиданная, радостная. Мы горячо обнялись после долгих лет разлуки. Мне было не только радостно, что увидел родных невредимыми, но и боязно, — ведь они скоро узнают, что я вернулся грешником! В моих карманах лежал табак. Бедная мама, что она должна думать обо мне?!

Прошло несколько дней. Мама предложила мне поехать с Анитой в Юргу — там большая немецкая церковь, много молодежи. Она думала, что я мог бы найти там легкую работу и прописаться. Мы поехали. Чувствовалось, что мама хочет, чтобы я скорее покаялся, но я был еще далек от этого.

В Юргу мы приехали в субботу вечером. Нас тепло приняла семья пресвитера. Дети говорили с

родителями по-немецки. Мне сразу вспомнилось счастливое, хотя и трудное детство. После ужина хозяин дома прочитал что-то из Священного Писания и пригласил к молитве. Я, конечно, не молился, но Анита молилась по-взрослому, видно, она уже покаялась.

В ту ночь я долго не мог уснуть, не понимая, что творится в моей душе. Картины прошлого, словно на экране, появлялись перед моими глазами, и осуждение немилосердно жгло сознание. Я думал, что для меня уже нет ни милости, ни прощения. Но в промежутках между картинами старого вспоминались свежие слова пресвитера и мамы о спасении во Христе, о всепрощающей силе Голгофской Крови. В голове гудело и болело. Я был обречен на немилосердную борьбу.

Утром мы пошли на богослужение. Юргинцы собирались по домам, и мне предложили место на сундуке у стола, как раз под лампочкой. Народу пришло много, и к началу собрания в доме стало совсем тесно. Когда запел хор, мне показалось, что я вернулся в далекое детство.

Пели и общим пением точно, как в Новосибирске, только по-немецки.

Слушая проповеди, я думал, что братья говорят лично для меня, откуда-то узнав о моей греховной жизни. Казалось, меня специально посадили на возвышенном месте, да еще под лампочкой, чтобы лучше разглядеть. Обливаясь потом, я сгорал от стыда, но о покаянии не думал. Меня не покидали мысли, что для таких, как я, прощения быть не может.

На вечернем собрании я сел на другое место. Борьба в сердце не утихала. Мысли путались, и я с

трудом дождался конца собрания. После ужина пресвитер позвал меня на улицу и очень серьезно говорил со мной о спасении, о моей ответственности за покаяние. Но я утверждал, что для таких грешников, как я, нет спасения. Сердце мое и после этого разговора оставалось каменным.

В понедельник утром Анита пошла со мной в спец- комендатуру, узнать, можно ли здесь прописаться. Мне хотелось остаться в Юрге. Комендант потребовал документ, посмотрел его и велел срочно возвращаться домой. Оказывается, я не имел права выезжать за пределы Новосибирской области, а Юрга относилась к Кемеровской. Комендант мог наказать меня, но на первый раз простил. Так мы возвратились домой.

Открыв чемодан, я заметил, что кто-то перекладывал мои вещи. Исчез пакет с порнографией. Я спросил у мамы, кто рылся в моем чемодане? Оказалось, что это была она сама. Пакет с позорными фотографиями мама бросила в печку. Мне стало очень стыдно перед матерью, и я решил уехать, чтобы не позорить ее и всю нашу семью. В планах у меня было уехать, чтобы никто не знал, где нахожусь, но дома сказал, что хочу жить в Новосибирске. Деньги все забрал, а из вещей ничего не взял.

Мне хотелось посетить молитвенный дом, увидеть кого-нибудь из знакомых. Я прибыл в Новосибирск в воскресенье утром и сразу пошел на собрание. Оно уже началось. Поискав глазами кого-нибудь из бывшей молодежи, никого не увидел. Лишь среди проповедующих сидели знакомые братья. Конечно, прошло шесть лет. За это время многое могло измениться — кто-то женился, кто-то уехал.

Не дожидаясь конца собрания, я вышел и стал вспоминать, каким транспортом лучше добраться до вокзала. Тут ко мне подошли две девушки и спросили:

— Ты Рудольф?

— Да, — ответил я. — А вы кто такие?

— Шура и Сима.

«Да это же мои бывшие друзья из молодежи!» — вспомнил я, тут же узнав их.

Я стал интересоваться друзьями, и они с печалью рассказали, что с Ваней Кологрывовым в армии случилась беда. Вначале он не разлучался с Новым Заветом, потом кто-то из солдат украл книгу и над Ваней стали насмехаться. Какое-то время он оставался стойким. Но когда командир взял его личным шофером, стал давать ему деньги, водить в кино, Ваня не удержался на христианском пути. Он даже вступил в комсомол. После армии он один раз посетил собрание, но был совершенно холоден к вере и Богу. Привыкший к легким деньгам, Ваня подружился со сверстниками, которые вместо армии побывали в заключении. Они стали заниматься грабежом, и однажды их взяли на месте преступления. Ване присудили двенадцать лет.

Вася Морозов тоже был в печальном состоянии. Он пристрастился к алкоголю, ушел из церкви, но потом раскаялся и его приняли. Через время это повторилось. И когда он третий раз запил, Бог лишил его рассудка. Теперь его часто можно видеть среди просящих милостыню. (В то время нищих было особенно много.)

Мы шли с сестрами по улице, и они показали мне вереницу нищих, среди которых стоял и Вася. Будь у него два глаза, я бы его не узнал: обросший, с

длинной бородой, в прожженной местами солдатской шинели, сквозь дыры которой проглядывало голое тело. На ногах у него были старые галоши, а в руках он держал помятую шляпу — просил милостыню. Я подошел к нему и позвал по имени. Он не реагировал. Я стал пояснять ему, что меня зовут Рудольфом, мы вместе жили в общежитии, но он не понимал меня. Потом Вася вдруг захохотал бесовским смехом, и мне стало жутко. Меня тут же пронзила мысль: «Я тоже стою на этом пути. И если не грозит тюрьма, то от сумасшествия кто сохранит?..»

Попрощавшись с Шурой и Симой, я быстрым шагом, будто за мной кто-то гнался, пошел к трамвайному кольцу.

Быстро уехать не удалось — неподалеку трамвай сошел с рельс, и все ждали, пока его восстановят. Скопилось много трамваев, но до автобуса было далековато, и я решил подождать. Здесь ко мне подошло двое мужчин. Они спросили, не брат ли я Давида? Услышав утвердительный ответ, они радостно поздоровались со мной и, взяв под руки, повели вдоль трамвайных путей. Это были братья. После утреннего богослужения они шли на молодежное общение и, увидев меня, решили взять с собой. Братья спросили, встретился ли я с Давидом, и сказали, что на вечернем собрании он тоже будет.

Мы пришли в дом одного из братьев, где уже собралась молодежь. Я не пошел с ними и просидел в соседней комнате. Там на столе лежала брошюра на немецком языке: «Алкоголь — самый большой разрушитель в мире». Я ее не читал, но вполне соглашался с мыслью, выраженной в заголовке. Внутри у меня царил полнейший хаос. Братья

уговаривали пойти на вечернее служение, но мне не хотелось, я просил, чтобы оставили меня в покое.

И все же я пошел. Мы довольно рано пришли в дом молитвы — было еще много свободных мест. Я выбрал заднюю скамейку и сел в углу. Здание постепенно заполнилось, и не только сидячие места, но и все проходы были забиты людьми.

Богослужение началось, но я ничего не слышал — мои мысли где-то блуждали. И лишь когда встал последний проповедник, я поднял голову, чтобы послушать, что он скажет.

Проповедовал пресвитер церкви. Он прочитал текст из Деяний Апостолов об обращении Савла. Затем обратился к залу и сказал, что сегодня на богослужении тоже есть такие Савлы, которым трудно идти против Бога. Для них лучший выход — последовать примеру апостола и сказать: «Господи, что повелишь мне делать?» И Господь непременно услышит этот вопрос. Проповедник еще что-то говорил, и я понимал, что это касается лично меня. Казалось, он смотрит в мою сторону и говорит:

— Даже вы, сидящие в углу, выходите и кайтесь, Господь примет вас!

Я уже хотел было выйти, но как? Людей было так много, что пробраться вперед казалось немыслимо. Еще несколько мгновений, и борьба в моем сердце кончилась.

Не помню, как я оказался перед кафедрой и, ударяя себя в грудь, сказал:

— Вот еще один Савл!

Меня пригласили стать на колени и помолиться.

— Не могу, помолитесь вы обо мне! — зарыдал я.

Пресвитер громко помолился, и с меня будто свалился огромный груз. Неземной свет озарил мою душу, на сердце стало легко-легко.

Я встал с колен и радостно сказал:

— Бог простил меня!

Ко мне стали подходить братья и сестры, которые помнили меня с прошлых лет. Я плакал от радости. Подошел и мой брат Давид со словами:

— Был потерян и нашелся, был мертв, но ожил!

Радости моей не было предела. Это совершилось в воскресенье, 11 декабря 1955 года.

Со мной произошло великое чудо: для меня все стало ново и во мне тоже все стало ново. Выйдя из дома молитвы, я достал серебряный портсигар, закрыл глаза, несколько раз крутанулся и швырнул его от себя. Потом еще крутанулся и открыл глаза, чтобы не знать, в какую сторону он полетел. С того времени я ни разу не взял сигарету в рот. Бог освободил меня от греховной привязанности.

Мой язык долгое время был необузданным, и я очень боялся, что натворю беды. Но чудо оставалось чудом, и я восторженно пел: «Новое все дал мне Господь, новое сердце и новую жизнь Он мне дал!» Он дал мне и новые уста, способные прославлять Бога, а не сквернословить. К алкоголю у меня тут же пропало всякое желание. Когда я встретился с бывшими друзьями, которые тоже возвратились с Севера, они принуждали выпить, но я мог спокойно засвидетельствовать, что Господь освободил меня от этого зла.

Теперь я уже не хотел уезжать из дому. Напротив, не мог дождаться, когда поезд доставит меня в Ояш, и

я расскажу родным и друзьям, что Господь простил мне грехи и сделал меня Своим сыном.

Мама сразу заметила, что со мной что-то произошло. Я тут же попросил прощения у братьев и сестер за неправильное отношение к ним, а также у мамы за все страдания, которые причинил своей безбожной жизнью.

Повинуясь действию Духа Святого в моем сердце, я сделал ревизию в своих вещах и уничтожил все, что служило греху. Схватив три фотоаппарата, которыми я раньше очень гордился — не у многих они были, — решил уничтожить и их. Но на пороге меня встретил Альберт и спросил, что я намерен делать с фотоаппаратами. Узнав о моем решении, он попросил отдать их ему, и они будут служить Господу. Я был рад избавиться от этих вещей.

Нелегко было согласиться с мыслью, что нужно послать письмо на Север и засвидетельствовать о своем духовном рождении. Но я молился, и Господь помог написать и попросить прощения у бывших друзей. Я написал также отцу в Канаду, попросил прощения за свою непокорность, за доставленные переживания. Поблагодарил его за то, что наказывал меня в детстве. Думаю, если бы он еще строже делал это, может быть, я не ушел бы так далеко от Господа.

Теперь мое сердце жаждало общения со святыми, и Господь усмотрел это удивительным образом. Нам сообщили, что мы освобождаемся от комендатуры и можем переехать в любую местность, за исключением родины. Я сказал маме, что в колхозе не намерен работать, хочу устроиться в Ояше на какое-нибудь предприятие, чтобы не пропускать собраний. Мама

была рада этому и подала надежду, что и она переедет, если найдется какое-то жилье.

Падение в рудоспуск не осталось без следа. С тех пор меня нередко удручала физическая немощь. Когда менялась погода, я часто лежал в постели и горько плакал от сознания, что лучшие годы юности прокутил, а теперь не могу служить Богу, потому что стал дряхлый, ни к чему не годный. Но мама утешала меня, что Бог силен возвратить мне здоровье, если буду служить Ему. И правда, Господь призрел на меня и дал такое здоровье, что я долгие годы мог выполнять даже тяжелую физическую работу.

По милости Божьей спасительная благодать излилась в обильной мере и на меня. Она учила отвергать нечестие и мирские похоти, учила жить целомудренно, праведно и благочестиво. Мне хотелось свидетельствовать об этом окружающим и прославлять за это моего Господа.

Я покаялся в начале декабря, и мне очень хотелось к Рождеству принести моим братьям и сестрам по вере хоть какую-то радость. Имея склонность к рисованию, я подумал: почему бы не написать каждой семье текст, да еще на фоне пейзажа? Купил ватман и написал девять текстов, по одному на семью.

На Рождество маме на работе дали лошадь с санями, и мы втроем поехали в Ояш. Остальные пошли пешком. Мороз был крепкий, и мы с Алицей временами выскакивали из саней и бежали рядом, чтобы согреться. В санях лежало сено для лошади, накрытое тряпкой.

Богослужение было торжественным, молодые братья проповедовали, сестры декламировали стихи,

все вместе много пели. Мама не могла дождаться, когда я раздам тексты, и в конце собрания тихо спросила:

— Почему ты тянешь?

Я попросил Алицу принести сверток, но она пришла растерянная и сказала, что в санях его нет. Мы пошли вдвоем и еще раз все тщательно просмотрели, но свертка действительно не было. Мама очень опечалилась и рассказала церкви, что я хотел принести всем радость, но тексты каким-то образом потерялись.

В начале лета наше собрание стали посещать две русские женщины из соседней деревни. Увидев тексты на стене, они сказали, что у них тоже есть такие. Мы спросили, где они взяли их. Женщины поведали следующую историю.

Они работают на льнозаводе. Как-то зимой их сотрудница принесла сверток и рассказала, что по пути на работу над ней пролетел какой-то самолет и сбросил этот пакет. Она подняла его, развернула и поняла, что это что-то Божественное, но написано не по-русски, значит, самолет был иностранный. Женщину тут же окружили рабочие и попросили продать эти тексты, и она отдала их по пять рублей. Наши посетительницы тоже купили по одному. Они заказали рамки и повесили тексты на стену. Когда мы рассказали о нашей потере, женщины все поняли, и мы тоже.

Итак, я переселился в Ояш. Выбор работы был небольшой. Перечитав несколько объявлений, я решил пойти путевым обходчиком. Организация предоставляла рабочим квартиру бесплатно и оплачивала 50 процентов топлива. Для меня это было

очень важно. Я устроился на железную дорогу. В бараке, рядом с вокзалом, мне дали квартиру — большую комнату с прихожей. Неподалеку от барака стоял сарай, в котором мне выделили отсек, а также дали небольшой участок земли.

Работа мне нравилась, хотя зарплата была очень низкая. Большим преимуществом в этой организации была льгота — давали два разовых билета в год. Один билет действовал по всей стране, а другой — по Западно-Сибирской железной дороге. Кроме того, на короткие расстояния, например, в Новосибирск, Юргу или Кемерово, мы тоже могли ездить бесплатно, потому что нас знали как железнодорожников и брали даже машинисты. Для меня это было огромной помощью, так как я очень любил посещать друзей по вере. Уходя в отпуск, я обычно брал билет до самой отдаленной станции и в пути делал остановки, сколько было необходимо. К сожалению, времени всегда не хватало, чтобы посетить всех друзей.

Летом 1956 года, узнав, что в Юрге будет крещение, я тоже поехал, надеясь заключить завет с Господом. Но служитель отклонил мою просьбу. Во-первых, мамы не было дома, она уехала в Казахстан, во-вторых, из Ояша приехало мало членов церкви. Служитель пообещал совершить крещение в Умрево. Мне трудно было согласиться с такой отсрочкой, но надо было смиряться. Крестилось тридцать шесть человек, и знает Бог, как мне хотелось находиться среди них!

Когда мама вернулась, было намечено крещение у нас в деревне. Из Юрги приехали хористы, были друзья из Новосибирска и Ояша. Испытание

проходило в нашей избушке. Трудно представить себе, как мы там помещались.

Мне задавали много вопросов. В конце служитель спросил, как я смотрю на брачный вопрос. Я сказал, что хочу все вопросы решать по воле Божьей и с согласием церкви. Это мнение удовлетворило братьев и сестер, и меня допустили до крещения.

Крещение проходило за селом, в Оби. До сих пор помнится ясное небо с белоснежными облаками, которые отражались в чистой воде. Крещаемых было двое — я и юноша из соседней деревни.

После короткой проповеди хор спел гимн, потом пресвитер спросил:

— Веришь, что Иисус есть Сын Божий и что Он является твоим личным Спасителем?

— Верю! — ответил я от всего сердца, и служитель погрузил меня в воду.

Трудно передать те чувства, которые наполняли меня при выходе из воды.

Переодевшись, мы снова вышли на берег. Глядя на стремительное течение, я думал о том, что все мое греховное прошлое навсегда похоронено Господом в глубине морской.

Молитва с возложением рук совершалась в нашей скромной избушке. Когда служитель молился, мне казалось, что надо мной открылось небо и излился поток благословений. Брат просил Бога, чтобы Он помог мне всегда помнить, что всякий возвышающий себя будет унижен, а унижающий себя возвысится. Он хотел, чтобы я никогда не возгордился. Мне не совсем понятно было, почему он так молится. Во мне не было ничего доброго, я стыдился всего, чем обладал. Чем же гордиться?

Совершая молитву над братом, крещенным со мной, служитель просил, чтобы он всегда правильно видел себя и научился радоваться с радующимися и плакать с плачущими. Мне казалось, что брату досталось пожелание удачнее, чем мне. Но Господь не ошибается. Впоследствии это слово не раз подкрепляло меня в трудную минуту.

После молитвы совершили вечерю Господню, затем все вместе пообедали и стали собираться в путь. Один брат из Ояша выпросил на работе грузовую машину и мог отвезти на станцию не только хористов, но и всех желающих.

Мне хотелось идти пешком, и пока все собирались, я пошел. У меня будто крылья выросли — так было легко и счастливо. Я разулся, подвернул брюки и побежал. Хотелось бежать быстрее, но не мог равнодушно пробежать мимо красивых таежных цветов и нарвал огромный букет. Когда спускался в село, расположенное в четырех километрах от Ояша, меня догнали друзья на машине. Им трудно было поверить, что я пешком так быстро преодолел четырнадцать километров. Поистине, радость перед Господом — подкрепление для нас, как говорил когда-то пророк Неемия.

Друзья разъехались — кто в Юргу, кто в Новосибирск, а память по сей день хранит подробности этого благословенного дня и согревает душу.

У меня появилось много друзей и в Новосибирске, и в Юрге. Нас роднила любовь к Богу и единое стремление к небесному. Встречаясь, мы разделяли искренние беседы о нашем Господе Иисусе, много пели.

Однажды приехал ко мне Яша Эзау — мы подружились с ним в Новосибирске. Он в юности уверовал в Бога и за свою активность был осужден в 1948 году на двадцать пять лет. После смерти Сталина его реабилитировали, и он вернулся домой верным Господу. Я ушел на работу, а Яше оставил ключи и попросил чувствовать себя как дома. Мы были с ним хорошими друзьями.

Когда я пришел на обеденный перерыв, Яша встретил меня в белом фартуке:

— Рудольф, не знаю, будешь ты меня ругать или нет, но я на самом деле чувствовал себя как дома: нашел картошку и капусту, а петрушку и укроп сорвал на огороде — соседи показали, и сварил борщ. Присаживайся к столу!

Комнату наполнял приятный аромат. Мы с аппетитом пообедали и хорошо пообщались. А вечером было собрание. Яша проповедовал живо, содержательно.

Осенью в Ояш переехала мама с моими младшими братьями и сестрами. Они поселились в моей квартире. Гельмут устроился к нам в бригаду, и начальство было довольно нашей работой. Рядом с бараком строился четырехквартирный дом, и нам пообещали дать в нем новую квартиру.

Воскресные богослужения обычно проходили у нас. Брат, который проводил собрания, надумал переехать к родне в Соликамск, и мы остались без руководящего. Среди братьев по годам я был старшим, но по духовному возрасту — самый молодой. Наши собрания стали многолюдными, было немало покаяний. Люди приходили из соседних сел,

преодолевая расстояние в десять и более километров.

Как-то пришла молодая женщина из близлежащего села и через несколько собраний покаялась. Ее звали Ритой. У нее была семнадцатилетняя подруга Мария, они вместе ходили на танцы. Встретив Риту, Мария поинтересовалась, куда она пропала, почему не приходит на танцы. Рита засвидетельствовала ей, что ходит на станцию, на религиозные собрания, где проповедуют о Боге, поют и молятся, а на танцы она больше не пойдет. Мария попросила взять ее с собой.

На первом же собрании Дух Святой коснулся сердца Марии. Когда прозвучал призыв к покаянию, она упала на колени и молила Бога о прощении грехов.

Встав с колен, Мария подбежала к подруге и, обняв ее, воскликнула:

— Рита! Как ты смела найти такое счастье и утаить от меня?!

Они долго плакали от радости.

Новообращенные приводили на богослужение своих сестер, братьев и даже родителей. Некоторые покорялись слову Божьему, получали возрождение, и наша группа росла.

Бывало, приезжали гости из Юрги и Новосибирска, и места в доме не хватало. Нам приходилось выставлять окно и усаживать людей в палисаднике. Прихожая тоже была занята, слушали стоя. После общения местные уходили домой, а гости в ожидании поезда оставались у нас обедать. Если билеты покупали заранее, то друзья успевали на посадку, выходя из дома по прибытию поезда.

Когда к нам приезжали гости, пассажиры с перрона приходили слушать пение, в числе слушателей можно было видеть и железнодорожную милицию. Они размещались напротив дома на бревнах — подходить ближе стеснялись.

После одного из таких больших богослужений никто не хотел расходиться. Общение продолжалось, шла непринужденная беседа. Мама нарезала хлеба, помазала его маргарином и велела нам разносить, а сама наполнила ведерный кувшин компотом из лесных ягод и ходила между рядами, наливая кому стакан, кому кружку.

Один дедушка, наблюдая за этой картиной, взволнованно спросил:

— Скажите, что лучше — любить или быть любимым?

Долго рассуждали об этом — и то хорошо, и другое. Но все-таки пришли к выводу, что любить — лучше, так как давать блаженнее, чем принимать, а любовь не ищет своего.

Как-то в субботу вечером приехало много гостей. Мы жили уже в новой квартире, у нас была большая комната и кухня чуть поменьше. Маме надо было всех уложить спать. Она не растерялась — велела нам занести соломы, застелила ее полотном, положила подушки и одеяла, и огромная постель была готова. Сестер вместе с нашими девочками она положила в комнате, а братьям таким же образом постелила в кухне. Нашего Альберта уже не было дома, он учился в Тогучине. Мы с Гельмутом легли в ногах у братьев. Постели не хватило, и мама опрокинула на пороге полутораведерный котел, накинула на него пару мешков — это была наша подушка. Ноги мы вытянули

вдоль стены, я — вправо, а Гельмут — влево. Желающий выйти должен был перешагнуть через нашу голову. К счастью, ночь была короткая.

Утром мы с Гельмутом проснулись раньше всех. Глянув на меня, он прыснул от смеха — я был похож на трубочиста. Но и его лицо было не лучше. Наша подушка оказалась слишком жесткой, и во сне мы терлись об нее, пока не сползли мешки. Выпачканные сажей, мы побежали на улицу умываться.

В то время повсюду шло пробуждение. Наши собрания редко проходили без покаяния. Помнится одно богослужение в Новосибирске. Проходило оно в бараке. Народу было много, а проповедники казались очень немощными. Но Господь совершал Свою чудную работу, и люди каялись десятками. Уже под конец собрания вышла интеллигентная дама со словами:

— Я хочу покаяться, но боюсь, что не устою, у меня муж — очень большой грубиян.

Мы посоветовали ей невозможное возложить на Господа, а делать то, что в ее силах. Женщина покаялась, и надо было видеть, как преобразилось ее лицо!

После обеда общение продолжалось. Народу, казалось, стало еще больше, и покаяния начались уже после первой проповеди. Один молодой человек тоже вышел вперед и попросил побеседовать с ним. У него была та же проблема — он хотел покаяться, но переживал, выстоит ли перед женой, которая постоянно раздражала его. Ему посоветовали не угашать Духа Божьего и, если Господь зовет, откликаться на зов.

После заключительной проповеди вперед вышло около семидесяти человек, так что уже не оставалось и места. Этот молодой человек тоже упал на колени и взывал к Богу о милости. Среди общего гула трудно было расслышать, кто что просит, но все они нуждались в том, чтобы Господь простил и помиловал их.

Удивительную сцену можно было увидеть после молитвы. Молодая женщина, которая утром так боялась, что не устоит перед мужем, протиснулась сквозь толпу и упала на шею обращенного супруга! Они просили прощения друг у друга, и трудно было определить, кто из них считал себя менее виноватым.

Крещения тоже были многолюдными, крестили по сто и более человек.

Конечно, враг человеческой души при таких потерях не мог оставаться равнодушным. Власти стали усиленно препятствовать распространению Благой Вести, планировали уничтожить христианство, лишив его детей и молодежи.

В 1957 году в Новосибирске отлучили трех братьев: Яшу Эзау, Ваню Дика и моего брата Давида.

В то время членских собраний не было, все вопросы решал церковный совет, который состоял из двадцати ответственных братьев. Особый отдел, или КГБ, оказал давление на уполномоченного по религии, и тот вызвал старшего пресвитера и поставил на вид, что в церкви появились бродячие проповедники, а это запрещено Инструктивным письмом. Уполномоченный потребовал принять какие-то меры.

Братья по воскресеньям ездили в села и проводили собрания, на которых многие примирялись с Господом. За это их вызвали на совет и

предупредили, чтобы не ездили. Они сказали, что по Писанию нужно больше повиноваться Богу, нежели людям. И вдруг после одного богослужения объявляют, что эти три брата отлучены. Нашлись смелые, которые спросили, за что. Им ответили: «За грех, за непослушание».

Друзья, которые ездили с братьями, стали пояснять, что они виновны лишь в том, что ездят по деревням и проповедуют Евангелие. Это произвело большое возмущение, и многие из хора встали и сказали: «Тогда и нас можете отлучать!» В рядах тоже было немало тех, которые присоединились к ним. Эти братья и сестры стали собираться отдельно по домам.

В большом собрании стали наблюдаться и другие странности. Например, у дверей молитвенного дома появились дежурные братья с красной повязкой на руке. Они запрещали детям присутствовать на богослужениях. Даже если кто приходил с мамой, их просто отправляли домой, мотивируя тем, что они нарушают благоговение. В конце собрания, когда делали объявления, можно было услышать невероятное. Например: молодые верующие должны знать обо всех событиях, происходящих в мире, поэтому нужно читать не только Библию, но и газеты, слушать радио и посещать просветительные учреждения. С кафедры предлагали билеты в кинотеатр или на оперу. Меня это особенно сильно возмущало, потому что я наелся этих рожков, когда был в мире. А здесь со святого места кто-то призывает возвратиться в греховный омут! Братьев, которые не соглашались с этими порядками, ставили на замечание или отлучали. И это произвело внутреннее разделение.

Как-то поехал я в Ленинск-Кузнецкий. Захожу в молитвенный дом, смотрю — помощник пресвитера сидит на задней скамейке. Я направился к нему, чтобы поприветствоваться, а он показывает, что не нужно, но я все-таки обнял его и поцеловал. Ко мне тут же подошел брат с повязкой и сказал, что помощник пресвитера на замечании, с ним нельзя приветствоваться.

После собрания, как всегда, мы собрались с друзьями, и мне сказали, что в церкви творится много непонятного. Среди друзей чувствовалась какая-то осторожность. Мне бросилось в глаза еще и то, что в их общине проповедовала сестра. Я спросил, неужели у них не хватает братьев? Кто-то заметил, что перед Богом все равны. Мне нравилось участие сестер в рассуждениях о Слове Божьем, и эта сестра тоже говорила неплохо, но мне показалось странным, что она проповедовала.

Посетив Кемерово, я и там почувствовал среди друзей скованный дух. Тут картина была почти такая же: проповедовала сестра, дирижировала тоже сестра.

Посчастливилось мне побывать и в Осинниках. Я слышал, что там живая церковь, их молодежь часто общалась с юргинцами. Бывало, церкви посещали друг друга группами — ездили и хористы, и проповедники. Когда я приехал в Осинники, пресвитер — Корней Корнеевич Крекер — сказал, что дом молитвы у них закрыли и у него забрали пресвитерское удостоверение за неподчинение общим правилам. Он назвал мне некоторые пункты из этих правил: в общине не должно быть более трех проповедников, желательно, чтобы среди них была

сестра; не допускать до служения гостей и самим не посещать другие церкви. В основном за нарушение этих предписаний пресвитера лишили полномочий, а общину оставили без крова. Через время часть христиан согласилась с требованием властей, и для них открыли молитвенный дом. Остальные стали собираться по квартирам.

В Болотном, недалеко от Юрги, была большая регистрированная церковь. Они тоже часто посещали друг друга, даже с хором. Теперь это было запрещено. Хотя юргинцы не были зарегистрированы и не подвергались этим ограничениям, однако в Болотном их не принимали. Как-то на праздник Октябрьской революции к зданию молитвенного дома в Болотном прикрепили советский флаг. Один из братьев, придя на собрание, увидел его и спросил:

— Что общего у дома молитвы с этим флагом?

Он влез на крышу и снял флаг. На брата возбудили уголовное дело и осудили на четыре года лагерей.

Юргинская церковь заметно умножалась, у нее было много филиалов, в том числе и наша группа в Ояше. Братья посоветовались и решили расширить дом. После одного воскресного собрания объявили, что с понедельника начинается стройка за счет пожертвований. Каждый может приходить сам и приносить, что у него найдется — доски, кирпичи, гвозди, инструмент. В понедельник христиане забегали, как муравьи. От мала до велика все спешили в дом молитвы — кто с бревном, кто с доской, кто с шифером. К субботе дом был готов, правда, не успели покрасить. В воскресенье, как ни в

чем не бывало, проводили богослужение в просторном доме.

Это было такое выдающееся событие, что в местной газете напечатали большую статью о юргинских верующих и их спешном строительстве. Статья была помещена в многотиражной газете и произвела свою работу. Многие заинтересовались, что происходит по указанному в газете адресу, стали приходить на богослужения. Дом молитвы скоро опять был переполнен.

В 1957 году на Рождество был рабочий день. Как обычно, я пришел на работу вовремя — за полчаса до смены рабочие всегда собирались на планерку. Подойдя к дверям, я услышал внятный голос:

— Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение.

Я не поверил своим ушам. Открыв дверь, увидел на трибуне, где обычно стоял старший мастер, мужчину средних лет в костюме, при галстуке. Он подробно рассказывал рождественскую историю. Я подумал, что вижу сон. Ущипнул себя — больно, нет, значит, это не сон. Сел на свободное место. За мной зашел Гельмут и еще одна верующая сестра. Рассказав о рождении Христа, лектор стал кощунствовать над этим событием, извращая истину. И тогда я понял, что попал на антирелигиозную лекцию. Это была работа отдела атеизма в связи с нашей активной деятельностью.

Летом 1958 года у нас в Ояше было крещение. Мы пришли на озеро рано утром. Недалеко от нас, несмотря на раннее утро, стояла лодка, видно, с рыбаками. Когда мы начали петь, лодка приблизилась, потом причалила к берегу. Двое мужчин вышли на

берег, наблюдая за происходящим. После крещения и молитвы все пошли в дом продолжать богослужение, и эти двое тоже пошли с нами. Я шел с дьяконом из Юрги. Мужчины присоединились к нам. У них было много вопросов. Служитель открыл Библию и отвечал им, свидетельствуя о спасении во Христе.

За нами шли молодые братья. Один из них позвал меня и попросил предупредить брата из Юрги, что он разговаривает с судьей и секретарем парторганизации района. Мне нравилось, как брат беседовал с ними, и я не решился прервать. Когда мы подошли к станции, мужчины вежливо попрощались и пошли своим путем. Я спросил у брата, знает ли он, с кем беседовал? Он говорит:

— Знаю.

— С кем?

— С грешниками.

— Да, но это люди высокого положения — один секретарь парторганизации, другой — районный судья.

— Так они тоже должны слушать Евангелие, они ведь грешники! — невозмутимо ответил брат.

После этого крещения меня стали вызывать в отдел кадров. Задавали интересные вопросы, например: зачем мы запугиваем людей судом Божьим? Общество, мол, строит светлое будущее, а мы нагоняем страх. Я спросил у заведующей, откуда у нее такие сведения, слышала ли она хоть раз, чтобы мы запугивали людей?

— Да. Вы же говорите, что безбожники будут гореть в котле со смолой!

Выслушав ее, я понял, что на самом деле надо говорить и о суде, а я обычно делал ударение на благодать, на спасение во Христе.

После этого меня не раз вызывали в райисполком, запрещали проповедовать, угрожали штрафами. Потом парторг предупредил, что квартира казенная и проводить в ней религиозные собрания категорически запрещается. И так стали диктовать со всех сторон. Мы продолжали собираться, но стали рассуждать, как дальше быть? Оказывается, в органы власти вызывали многих членов церкви. В Юрге пресвитера несколько раз вызывали, всячески высмеивали перед общественностью, а потом осудили на четыре года высылки.

Глава правительства Н. С. Хрущев, обещая народу прекрасную жизнь, обязался в ближайшей пятилетке показать по телевизору последнего верующего и последнего хулигана. Теперь на местах предпринимались определенные шаги к этому.

Однажды на церковном совете кто-то из братьев сказал, что нам надо отсюда уезжать, как и говорил Христос: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой». Но куда бежать?

Я рассказал, что ездил во время отпуска в Караганду, и мне там очень понравилось. Там большая немецкая община, много наставников — седовласых рукоположенных братьев. В 1956 году, накануне Рождества, восемнадцать человек из-за некоторых ограничений вышло из большой регистрированной церкви в Копае. Они стали собираться отдельно и молиться о пробуждении. И Бог услышал их. Только за лето 1957 года было крещено двести пятьдесят четыре души. Кроме этого

приехало много верующих из других мест, так что в церкви много молодежи, организовалось два больших хора.

В общем, мое предложение было принято, все согласились на переезд. Решили, что мы, работающие на железной дороге, выпишем товарный вагон, погрузим все имущество и часть людей и переселимся из Сибири в Казахстан.

Христиане Ояша засобирались в путь. Сестры, имеющие неверующих мужей, поговорили с ними, и все до единого согласились переехать в Караганду. Мы подали заявление на увольнение, но начальство неохотно отпускало нас — нами дорожили, считая добросовестными рабочими. Объясняя причину ухода, мы говорили, что не мыслим жизни без Бога, без общения с верующими, а нам запрещают проводить собрания. Начальство в недоумении спрашивало, кто запрещает? Нас, мол, только хотели припугнуть, а так никто не будет трогать. Но было поздно — колесо закрутилось, и остановить его было невозможно.

Мы с мамой решили немного задержаться, чтобы побыть у Давида на суде. К этому времени он уже был пресвитером Новосибирской церкви. Всего год прошел, как отлученные официальной церковью новосибирцы стали собираться по квартирам. Потом они купили заброшенную землянку и оборудовали ее под молитвенный дом. Их группа быстро росла, и уже через год насчитывала около трехсот членов. Наряду с благословениями церковь испытывала и гонения. Такова доля христианина, как говорит Писание: «Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1, 29).

Давида арестовали на последнем крещении за неповиновение властям. Они, приехав на место крещения, велели Давиду выйти из воды.

— Совершим крещение и выйдем, — спокойно сказал он.

Крещаемые, увидев милицию, тоже вошли в реку, и их никто уже оттуда не мог выгнать.

После крещения они все выстроились в воде, и Давид совершил над ними молитву.

— Вы позволите мне переодеться? — спросил он у милиционера, выходя из воды.

— Поскорее! — недовольно бросил тот.

Давида посадили в легковую машину и увезли. Вместе с ним поехала и жена, но это не спасло ее мужа от ареста. Его вначале приговорили к трем месяцам тюремного заключения. После этого срока еще раз судили — арестовали 30 декабря 1958 года прямо в тюрьме, без выхода на свободу. На суд никого не допустили, но, когда зачитывали приговор, разрешили войти жене, маме и мне. Присудили Давиду четыре года заключения.

После суда нам дали краткосрочное свидание в кабинете дежурного. Он сразу объявил, что разговаривать можно только по-русски. Жена Давида была с годовалой девочкой, и он спросил, неужели ему нельзя поговорить с дочерью, которая понимает только по-немецки? Дежурный разрешил говорить с девочкой на родном языке. Таким образом Давид мог, обращаясь к дочери, рассказать нам все, что нужно.

После свидания мы купили билеты и отправились в Караганду. Мои младшие братья и сестры уехали туда вместе со всеми еще до Нового года.

КАРАГАНДА

В начале 1959 года мы приехали в Караганду. Молитвенный дом к тому времени власти опломбировали. Верующие разделились на пять групп и проводили богослужения в разных местах.

Нам понравилась местность в районе тридцать третьей шахты. Там продавалось много землянок с плоскими крышами. Чеченцы уезжали на родину, и в этом было наше счастье — мы могли вселиться в их недорогие жилища. Мы поселились все рядом, как и жили в Ояше.

Мама купила дом рядом с бывшим молитвенным. Дом был новый, еще недостроенный, с большими окнами (в землянках обычно делали маленькие окна). У нас часто проходили собрания и молодежные общения.

Караганда когда-то была долиной плача. В начале 30-х годов это был Карлаг. Здесь размещались бесчисленные лагеря до самого Джезказгана, а на север — до Петропавловска. Сюда по разным причинам ссылали людей, верных Богу и служащих Ему. Очень и очень многие положили здесь свою жизнь за веру в Бога.

В военные и послевоенные годы опять было массовое спецпереселение. Но для любящих Бога и эти пустыни превращались в плодородные места, как пишет псалмопевец: «Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением». Именно здесь прошли мои лучшие, благословенные годы жизни.

Редко проходил вечер, чтобы мы не прославили Бога пением. Мы собирались, ни на что не взирая. Вокруг бушевало неверие, силы зла стремились низложить церковь, а она жила по милости Божьей и славила Его. Сколько в эти трудные годы было насыщенных разборов Слова Божьего! Сколько прошло живых молитвенных часов! Сколько прозвучало поучительных проповедей и бесед! Сколько гимнов было пропето! Сколько было покаяний! Сколько душ заключило вечный завет с Богом!

Мне предложили труд среди молодежи. В связи с тем, что собирались группами, конкретное количество молодых братьев и сестер нельзя было установить, но доходило до ста человек и больше.

Наша семья состояла из мамы и шестерых детей. Андрею шел шестнадцатый год, остальные — все совершеннолетние. Мама была уже не в состоянии сама вести хозяйство, и ей посоветовали обратиться в военкомат с просьбой оставить дома кого-то из детей в помощь. В то время нельзя было уклоняться от работы на государственном предприятии, за это судили. И только военкомат имел право по уважительной причине освобождать от работы. Жребий пал на меня. Альберт пошел работать в шахту, Анита с Алицей выучились на портних, Гельмут тоже работал. Андрей учился на столяра.

У нас почти всегда были люди, и маме приходилось много готовить. Холодильников в то время не было. Мы выкопали колодец, но вода в нем была очень горькая, зато сильно холодная, она служила нам холодильником. Вместо сковородки у мамы была ведерная дюралевая миска. В ней очень

хорошо жарилась картошка. А суп мама готовила в котле, где помещалось больше ведра. Материально мы жили намного лучше, чем в Сибири.

Первый год у нас было много работы по дому. Мы решили пристроить веранду. На шахте можно было взять ломаные бревна и доски, которые использовались для крепления, а потом выбрасывались. Это был хороший стройматериал, но как привезти его без транспорта? На тачке много не навозишь. Мне посоветовали обратиться к Владимиру Петровичу Дику из регистрированной общины, который держал двух лошадей и осла. У него многие брали лошадей, а он даже платы не требовал. Я пошел к нему, и он действительно дал мне коня со сбруей и телегу.

Я привез стройматериал, но поломал дышло. Починить не мог, и пришлось только просить прощения. Владимир Петрович посмотрел на меня добродушно, погладил свои усы и сказал:

— Ничего, сделаем...

Через несколько дней мне снова понадобилась лошадь, и я опять пошел к Владимиру Петровичу. Он дал, как ни в чем не бывало. Я навозил штакетника из циркулярки и решил заодно привезти глины. К несчастью, телега попала в глубокую колею, и поломалось колесо. Надо было меньше нагружать, но я поздно понял это. Если бы можно было, купил бы новое, но такие вещи не продавались. И опять пришлось просить прощения.

Я сказал Владимиру Петровичу, что поеду с ним на сенокос и помогу заготовить сено, чтобы хоть чем-то загладить свою вину. Он выслушал мое предложение и заметил, что примет помощь только

по-дружески, а не из-за вины. Пришло время, он привез сено, убрал в сеновал, а меня не пригласил.

У Владимира Петровича было два сына — Георгий и Эльмар и дочь Талита. Второй сын был калекой. В восемь месяцев он заболел менингитом, после чего у него оказалась пораженной нижняя часть тела. Он не мог передвигаться. Эльмар был смышленый парень — ремонтировал часы, перематывал моторы, делал трансформаторы и многое другое, не закончив ни одного класса. Христианином быть он не хотел.

Старший сын Владимира Петровича был членом церкви и ходил к нам на собрание. Его сестренка Талита — скромная щупленькая девушка, тоже была членом нашей церкви. Она работала в аптекоуправлении картотетчицей. Талита очень ловко управляла лошадью и ослом. Я даже завидовал ей, потому что у меня это плохо получалось, хотя на Севере пришлось работать и конюхом, и трелевщиком. Талита стала мне нравиться.

Желая верно решить вопрос семьи, я начал молиться и рассказывать Господу о своих чувствах. Я сильно переживал, потому что однажды полюбил сестру и, казалось, все делал, как должно, однако она отказала мне. Это было еще в Сибири. Она жила в Юрге. Их было три сестры, и они благосклонно относились к нашей семье. Я молился, чтобы Господь расположил ее сердце ко мне и благословил наш союз. Мама моя ничего не имела против моего выбора. Я написал об этом отцу в Канаду, а тот в знак согласия выслал брачную одежду и для невесты, и для меня. Мама открыла посылку. Увидев свадебный

наряд, она тут же закрыла коробку (рядом оказалось много любопытных) и сказала:

— Это не для нас!

Я поехал в Юргу к служителю и открыл ему свое намерение. Мы с ним еще раньше беседовали на эту тему, и я говорил, что хочу вступить в брак. Тогда он одобрил мое желание. Теперь же он спросил, кого я избрал и уверен ли, что сестра согласится? У меня не было сомнений.

Служитель сказал, что с этим вопросом нужно идти к ней, и предупредил, чтобы в случае отказа не падал духом.

В воскресенье, после утреннего собрания, я пошел в семью сестры, к которой прилепилось мое сердце. Меня встретила ее мать.

Я поздоровался и сразу сказал, что хочу попросить у нее одну из дочерей.

— Марию? — спросила она.

— Да.

— Она в комнате. Иди, если согласится, я не возражаю.

Понимая, что самый короткий путь — прямой, я избрал его и, поздоровавшись с Марией, изложил свое желание. Она стояла у окна и глядела куда-то вдаль.

— Нет! — решительно ответила она и даже не повернулась.

Я попросил не спешить с ответом, а помолиться, подумать. Выслушав меня, она снова повторила свое твердое «нет».

— Можешь ли ты объяснить причину? — спросил я упавшим голосом.

Мария сказала, что ее дядя, который жил вместе со мной на Севере, много рассказывал обо мне, и она

боится, что я могу вернуться к прежней жизни. Мне стало все ясно — насильно мил не будешь.

Вспоминая о наших добрых отношениях, я попросил ее преклонить со мной колени и помолиться, чтобы враг души из-за этого вопроса не навредил нам. После молитвы я протянул ей руку, и наши дороги разошлись. Для меня это был сильнейший удар. В сердце творилось непонятное.

Домой я поехал на поезде. Дьявол злорадствовал над моей неудачей, твердя, что все это я получил по вере. Он, можно сказать, толкал меня на преступление — прыгни, мол, из вагона, и все переживания кончатся. Но для меня возврата к прошлой жизни не существовало. Под стук колес я вопиял к Богу: «Не введи в искушение, но избавь от лукавого!»

Мама по моему лицу сразу поняла, что произошло.

— Бог не оставит, сынок, — сочувствующе обнадежила она. — Будем молиться, у Господа твоя судьба...

Однако рана моя заживала долго.

Прошло время. Мария вышла замуж. Мы переехали в Караганду. Мое сердце соглашалось жить и в одиночестве, если так хочет Господь. Только как узнать, какова воля Божья для меня в этом случае? Мне пришла мысль прочитать Библию с целью узнать, что она говорит о брачной жизни. Я ревностно взялся за дело.

По прочтении Священного Писания мое сердце возрадовалось и наполнилось миром. Как удивительна и как прекрасна воля Божья! Творец учредил брак и благословил его! Я понял, что «любящим Бога,

призванным по Его изволению, все содействует ко благу». И это благо в том, чтобы мы уподобились образу Сына Божьего! Такова цель всех жизненных обстоятельств.

И вот ко мне вновь пришли переживания. Теперь, прежде чем сделать предложение, я поставил перед собой ряд вопросов: угоден ли этот шаг Господу; будет ли эта сестра мне в помощь в деле служения Богу; разделит ли она мой жребий, когда постигнут страдания за веру; прославит ли Господа наша совместная жизнь?

Когда в нашем доме было молодежное собрание, я написал записку: «Дорогая сестра, свободна ли ты?» и решил незаметно передать Талите. После собрания я опустил записку в карман ее куртки, и она это увидела.

Молодежные общения проходили у нас по субботам, и я ждал ответа целую неделю.

В следующую субботу Талита тоже положила в мой карман записку. Когда все разошлись, я прочел: «Да, дорогой брат, я свободна».

Я уже почти получил желанный ответ, но решил вначале открыть ей свое прошлое и спросить, готова ли она все простить и вступить со мной в брак.

Прошло еще две недели.

В церкви было намечено крещение. В то время оно совершалось обычно в субботу, после молитвенного собрания.

После крещения, поздно вечером, все расходились по домам. Заметив, что Талита отстала от подруг и ушла в сторону, я пошел за ней.

Мы беседовали неподалеку от тропинки, по которой наши братья и сестры ушли домой. Я сказал,

что по записке догадался о ее согласии стать моей спутницей, но решил по порядку рассказать о своем прошлом и послушать, каким будет ее сердечное решение.

Какое-то время Талита слушала меня, а потом прервала:

— Рудольф, я хотела бы знать одно: простил ли Господь все твои грехи?

— Конечно! — ответил я.

— Имею ли я тогда право ворошить их?

Талита попросила прекратить мои воспоминания. Преклонив колени прямо в поле, мы благодарили Бога за дар прощения, за возможность быть детьми Божьими, просили Господа благословить нашу совместную жизнь.

Маме я поведал о своем намерении еще до того, как написал Талите записку, и она была очень довольна моим выбором. Теперь я сказал Талите, что моя мама расположена к ней и надо поговорить с ее родителями. Встречаться до помолвки мы не хотели, чтобы не давать пищу праздным языкам.

В понедельник я пошел к Владимиру Петровичу. Его супруга — Магдалина Робертовна — хлопотала на кухне, а он сидел в комнатушке, именуемой столовой.

Владимир Петрович пожал мне руку и с улыбкой сказал:

— Опоздал, милый! Сено заготовлено, оно уже в сеновале!

— А я пришел сегодня по другому вопросу! — улыбнулся я в ответ.

— Слушаю! — подняв удивленно бровь, поправил он пышные усы.

— У вас есть дочь, и я пришел спросить, не отдадите ли вы ее мне?

Это, видно, коснулось его честолюбия. Он сел поудобнее и спросил, знаю ли я, что юноша имеет право сделать девушке предложение, а она имеет право отказать?

— Мне такая участь уже не грозит.

— Как? — удивился он. — Ты уже разговаривал с ней?

— Да.

— И она согласилась?

— Да. При условии, если вы не будете против.

Владимир Петрович властным голосом позвал жену и пояснил ей причину моего прихода. Позвали Талиту.

Немного смущенная, она вошла в комнату и остановилась возле стола.

— Ты Рудольфу что-то обещала? — спросил отец.

Немного помедлив, Талита сказала:

— Да, я люблю его!

— Магдалина! Накрывай на стол! — распорядился отец, и всем стало ясно, что наш вопрос решен.

Мы помолились и в дружеской обстановке, за столом, поговорили о дальнейшем. Владимир Петрович сказал, что вечером они придут к моей матери и все обговорят.

Вечером супруги Дик пришли к нам вместе с Талитой. Мама сказала, что все знает и согласна с нашим решением.

Мы хотели, чтобы до помолвки молодежь ничего не знала о нас, и согласились сделать помолвку в следующую субботу, 16 августа.

До субботы мы не встречались. На помолвку кроме родственников пригласили служителя, который прочитал Слово Божье и пояснил наши права и обязанности до брака. Он читал текст из послания к Римлянам: «Любовь да будет не притворна», и говорил, что любовь бывает фальшивая, ложная, которая мыслит только о себе, ищет своего, превозносится, гордится. С такой любовью невозможно создать христианскую семью. Служитель наставлял нас любить искренне, чистосердечно, самоотверженно.

Вечер прошел благословенно. Мы внимательно слушали наших близких и родных, и сердце горело одним желанием — построить свою жизнь по Слову Божьему.

В воскресенье нас объявили в церкви женихом и невестой. С того дня я часто ходил к Диковым. Мы посещали родственников и обговаривали вопросы, относящиеся к браку.

Я был бедным женихом, не имел никаких сбережений, и вынужден был сказать об этом родителям Талиты. Владимира Петровича это не смутило. Он сказал, что приданое — дело родителей невесты и мне не следует переживать об этом. Конечно, теперь я должен был устроиться на работу и содержать свою семью.

18 октября 1959 года состоялся наш брак. Зная, что в комнатах все не поместятся, мы натянули палатку рядом с домом, открыли окно, и в палатке было слышно, что говорилось в доме, потому что и проповедники, и сочитывающий стояли у окна.

Осенний день выдался дождливым. Постепенно дождь перешел в снег, поднялась буря. К вечеру

палатка стала протекать, и некоторые братья и сестры вынуждены были уйти. К тому же буря превратилась в ураган, погас свет. Общение проходило при свечах, пока не нашли обрыв провода и не наладили освещение.

Невозможно было запомнить всего, что говорили и желали друзья, но сочетание запомнилось мне чуть ли не слово в слово. Сочитывал нас Иван Яковлевич Фаст — благовестник, окончивший библейскую школу еще в двадцатые годы, в Швейцарии. Когда-то он сочитывал родителей Талиты. Иван Яковлевич проповедовал очень просто и доступно, даже дети понимали его.

При сочетании он прочитал текст: «Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом» (Фил. 4, 19). Он сказал, что, вселившись в свой дом, мы начнем обнаруживать одну нужду за другой — такова жизнь. Но если мы посвятим себя Господу, тогда Он по богатству Своему будет восполнять то, чего недостает. Этот старый, проживший жизнь служитель делал ударение на величину восполнения нужд. Можно просто восполнить нехватку, а можно восполнить по богатству. Например, мы поливаем грядку из лейки, а Бог дает обильный дождь.

Господь может восполнять наши нужды в славе Своей. Он многих больных исцелял и восполнял утраченное по богатству милости Своей, а вот когда Он медлил с выздоровлением Лазаря, то прямо говорил, что эта болезнь послужит к славе Божьей. И действительно, многие, узнав об этом чуде, воздали славу Богу. Иван Яковлевич говорил нам, что Христа

хватит на всю жизнь, и, если мы не потеряем Его, не отвергнем, Он будет покрывать нужды наши.

Когда я пишу эти строки, за нашими плечами более сорока лет супружеской жизни. Господь до сих пор является Тем, Кто покрывает и восполняет все наши нужды. Деньги приходят в негодность, и их могут украсть. А Христа у нас никто не может похитить, если только мы остаемся верными Ему. Он всегда верен Себе и слову Своему. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8). Кто в состоянии измерить то богатство, которое мы имеем в нашем Господе?

СЕМЬЯ И СЛУЖЕНИЕ БОГУ

Еще до брака мы договорились, что жить будем отдельно от родителей. По соседству с мамой продавалась землянка — комната и кухня. Места немного, но мы думали, что для начала хватит. Посчитав подаренные деньги, обрадовались — их как раз хватило на приобретение дома! Заменить плиту и сделать ремонт мы успели до брака, а побелку и покраску сделали после брака. Спустя неделю, когда все высохло, вселились. Родители подарили нам поросенка, петуха, несколько куриц, собаку и кошку. Из мебели — комод две кровати с постельными принадлежностями, четыре стула и стол. Имущество перевозили на осле. Талита управляла ослом, а я шел сзади, чтобы ничего не растерять.

Нагрузив телегу последний раз, мы подъехали к дому и удивились — небольшое окно над дверью в коридорчике светилось. И не просто светилось, а высвечивало слова: «Добро пожаловать!».

Открыв дверь, мы услышали звон гитары и пение. Это две сестры, близкие друзья родителей Талиты, решили преподнести нам сюрприз. Они пели на немецком языке, и смысл этого гимна остался в моей памяти до сего дня. Песня говорила о том, что Небесный Отец знает, какие бури могут разыграться на нашем жизненном пути, какие трудности и страдания ожидают нас. И только Он один может успокоить бурю, излечить наши раны и дать полный мир и покой душе.

Так начался новый этап моей жизни. Работать я пошел на шахту, в котельную. Талита по-прежнему работала в аптекоуправлении. В церкви мы пели в хоре, я проповедовал. Мы любили принимать гостей и сами охотно посещали друзей. Наш домик оказался слишком маленьким, и летом мы пристроили кухню и сарай.

Большой радостью для меня было узнать, что Талита любит рисовать. Мы стали вместе служить Богу этим даром. На Новый год всей молодежи подарили по тексту, написанному на стекле. На следующий год сделали такие подарки для хористов, а потом — для каждой семьи. Так у нас всегда была работа, доставляющая много радости и нам, и тем, кому дарили картины.

Отпуск мы никогда не проводили дома. Обычно путешествовали по Сибири или по Средней Азии. Во Фрунзе, в Канте, Новопавловке, Ивановке и Токмаке жило много наших родных и знакомых верующих, и мы навещали их, наслаждаясь не только общением, но и южными фруктами. Мы охотно участвовали в богослужениях — Талита читала стихи, я проповедовал.

В 1960 году я перешел из котельной в строительную бригаду. Бригадир — внук почившего в Господе брата — очень уважал верующих. По-видимому, дед оставил добрый след в сердце внука, и хотя он сам не хотел идти христианским путем, бригаду организовал в основном из баптистов. Мы хорошо работали, и начальство уважало нас. Когда подходило время отпуска, нам без проблем давали дни без содержания, потому что двенадцать дней отпуска было маловато, чтобы куда-то поехать.

В 1961 году у папы появился катушечный магнитофон. Для многих это было еще новинкой, и я попросил его с собой в отпуск. Мне хотелось посетить родные места в Сибири и порадовать друзей не только личным общением, но и прокрутить им магнитофонные пленки с проповедями и хоровым пением. Талита на этот раз осталась дома.

Побыл я во многих церквах Новосибирской и Кемеровской области, посетил родных и знакомых.

Вернувшись домой, я вскоре получил из Сибири весточку, что власти интересовались человеком с магнитофоном и спрашивали, откуда он и куда поехал?

Чуть позже меня и маму вызвали в КГБ. Там мне пришлось познакомиться с человеком по фамилии Савин. Это широкоплечий седой мужчина, майор по званию. Он больше всего интересовался жизнью церкви: кто пресвитер, кто участвует в проповедях, приезжают ли проповедники из других мест, участвуют ли дети на богослужениях, есть ли детский хор. Я сказал, что о жизни церкви ничего не буду рассказывать, так как церковь отделена от

государства, и что в ней происходит — не дело властей.

Маму вызвали в другой кабинет.

Во время беседы дверь кабинета вдруг открылась, и кто-то спросил:

— Ну что, рассказывает?

— Нет, — ответил Савин.

— А мать уже все рассказала: и кто пресвитер, и кто проповедует, и кто в гостях бывает.

Савин тоже выходил из кабинета. Оказалось, он ходил туда, где беседовали с мамой, и сообщил, что сын уже все рассказал. Таким образом они хотели сделать нас предателями и своими работниками, но Господь дал нам силы устоять.

Меня вызывали несколько раз, показывали фотографии разных братьев и хотели, чтобы я сказал, кого знаю. На фотографиях были и незнакомые лица, и братья из нашей церкви. Но я стоял на своем, ничего о церкви не рассказывал, и меня оставили в покое.

Как-то приехал к нам в Караганду Павел Фролович Захаров. У него были с собой два документа, которые власти распространяли среди служителей регистрированных церквей. Талита ночью переписала эти документы, а утром служитель поехал дальше. Я стал понимать, что работники КГБ хотели, чтобы им сообщали о таких братьях. Неужели кто-то найдется?

В это время на братском общении нашей церкви один служитель зачитал Первые послания Инициативной группы. Выслушав, Давид Иванович Классен (наш пресвитер) громко сказал:

— Это от Господа!

Произошла оживленная беседа. Кто-то говорил, что за этих братьев надо молиться, кто-то был готов

поддержать их материально. Отто Петрович Вибе очень вдохновенно говорил, что к этому движению необходимо присоединиться сердцем и духом и поддерживать братьев во всех отношениях. Многие братья поняли, что Инициативная группа ведет то же дело, что началось и здесь, в нашей церкви. Только у служителей в центре больше дерзновения, они действуют открыто.

Эти послания я слышал, когда был в отпуске и заезжал в Осинники. Корней Корнеевич Крекер делился со мной своей радостью и читал послания братьев. В то время в Караганде еще не знали Корнея Корнеевича. Нас стал посещать Степан Герасимович Дубовой из Джезказгана. Среди братьев он пользовался авторитетом.

Однажды у нас на братском общении возник вопрос о пожертвованиях в помощь Инициативной группе. Давид Иванович сказал, что это надо делать с расположением. Братья сделали добровольный сбор и передали деньги С. Г. Дубовому. Об этом стало известно в КГБ. Степан Герасимович, узнав такое дело, разделил деньги малоимущим, которые находились на церковном довольствии. Когда власти призвали его к ответу и велели отдать деньги, он сказал, что они пожертвованы на дело Божье и использованы по назначению. Осведомившись, кагебисты нашли, что это действительно так, составили акт и успокоились. А Степан Герасимович взял такую же сумму из церковной кассы и отвез братьям.

У Давида Ивановича сделали обыск и нашли записную книгу, где отмечался приход и расход

церковных средств. Самих денег была незначительная сумма.

Исходя из месячного сбора, власть имущие вычислили годовой приход и предъявили к Давиду Ивановичу огромный иск. Выплатить непомерную сумму пресвитер не мог, и суд вынес решение конфисковать его имущество. Брат жил очень скромно, и у него нечего было изымать, за исключением швейной машинки.

Правительство не отступало от намеченной цели низложить церковь, и трех служителей арестовали: Давида Ивановича Классена, Андрея Ароновича Вибе и дьякона, имя которого я решил не называть.

В декабре 1961 года в Сарани состоялся суд. Народу собралось очень много, огромный зал был полон. Подсудимых вели в зал суда как отъявленных преступников — спереди и сзади каждого сопровождал солдат. Давида Ивановича вели первого.

Увидев братьев, он отважился поднять правую руку и громко сказал:

— А у нас во главе Бог!

Братьев завели в клетку из штакетника, позади которой стояли столы с креслами. Подсудимых охраняли солдаты. В зале все стояли, сидений не было.

Братьев обвиняли в том, что они занимались запрещенной деятельностью, так как церковь их не зарегистрирована в органах власти. В числе свидетелей было много верующих — и служители, и члены церкви, и даже отлученные. Все давали положительные показания.

Мне понравились ответы Отто Петровича Вибе — короткие, ясные, уверенные, основанные на

Священном Писании. Он рассказал, что однажды совершил ошибку, которую твердо решил никогда не повторять. Случилось это в 1938 году, когда шли сплошные аресты. В то время кто-то умер, и на похоронах некому было прочитать Слово Божье. На кладбище сестры подсказали Отто Петровичу: предложи хоть пение во свидетельство! Но он, зная, что таким образом лишь ускорит свой черед, промолчал. И все же его арестовали и судили, как и других братьев. Судила тройка. Дали десять лет. Теперь седовласый старец свидетельствовал, что еще тогда, в заключении, глубоко раскаялся в своем малодушии, и с тех пор Бог дает ему усердие и дерзновение возвещать о Господе всем — и великим, и малым. Приятно было слушать этого свидетеля.

Опросив свидетелей, суд обратился к подсудимым. Первым подняли Давида Ивановича. Он отвечал на вопросы коротко, отметив, что несет ответственность не только перед органами власти в стране, но и перед великим Богом, и желает сохранить Ему верность. Давид Иванович знал, что ему не миновать долгих лет заключения, однако у него не было никаких колебаний в избранном пути.

Затем перед судом предстал Андрей Аронович — довольно молодой мужчина, хороший производственник. Его усердно старались склонить на компромисс. Однако брат был тверд в своих ответах. Когда говорили о положительной характеристике с производства, что подсудимый внес немало рационализаторских предложений и завод дорожит им, прокурор, указывая на кипу тетрадей с гимнами, проповедями и даже переписанными книгами, сказал:

— Подсудимый Вибе, вам понадобилось немало времени на эту писанину. Вы могли бы использовать это время не на пустое, а на благо общества.

Андрей Аронович ответил, что для производства сделал все, что мог, а личное время посвящал любимому делу, и христианская жизнь для него — не пустое.

Потом предстал третий подсудимый. Его, видно, запугали и надломили. Он свидетельствовал, что признает богослужения запрещенными, обещал, что больше не будет посещать их и прервет всякий контакт со служителями. По залу пронесся стон, а судебная коллегия насмешливо улыбнулась.

Судья спросил, каким образом подсудимый запрещал детям носить галстук, вступать в комсомол. Брат стал рассказывать, что душил детей галстуком, чтобы не надевали его, привязывал детей к спинке кровати и закрывал в подвал, чтобы не убегали в кино.

Думал ли этот брат, с какой болью и невыразимой печалью слушают его жена и две дочери?

Прокурор задал еще один колючий вопрос:

— Вы сказали, что не будете впредь посещать нелегальные собрания, а как насчет Бога — вы будете верить в Него?

Нелегко представить себе, что происходило в душе этого христианина. После мучительной паузы он пожал плечами:

— Трудно сказать. Бога еще никто не видел, в Него надо верить...

По залу снова пронесся скорбный стон. Прокурор еще хотел что-то спросить, но судья сказал:

— Довольно.

Подсудимым дали последнее слово, и суд удалился на совещание.

По длительном времени судебный состав вернулся в зал. Давида Ивановича приговорили к четырем годам лишения свободы в лагерях строгого режима, Андрея Ароновича — к двум годам общего режима, третьему брату присудили один год условно с освобождением из- под стражи.

Прокурор внес предложение взять под стражу свидетеля Отто Петровича, усматривая в нем опасного деятеля. Отто Петрович сразу освободил карманы, ожидая, что его арестуют, но его оставили под расписку о невыезде из города.

Суд закончился. Открыли клетку, в которой сидели подсудимые, и двух братьев повели под конвоем к воронку, а до третьего, казалось, никому нет дела. Христиане устремились к выходу, чтобы проводить пением героев веры, осужденных за верность Богу. А третий брат, придерживаясь за перила клетки, медленно вышел в опустевший зал.

Дома дочери печально спросили у сломленного отца:

— Папа, кто принудил тебя сказать такую ложь? Когда ты душил нас пионерским галстуком? Когда ты привязывал нас к кровати и запирал в подвале? Мы же по доброй воле не вступали в пионеры и комсомол!

Но он молчал, как человек, лишившийся голоса.

Через несколько дней, исполненный жуткими переживаниями, брат спросил у супруги, что ему делать. Он боялся, что лишится рассудка из-за душевных терзаний. Жена тоже не знала, чем помочь, и попросила его сходить к братьям — может, они что-

то посоветуют. Он пошел к служителю и попал на братское общение.

Выслушав его, братья сказали:

— Мы не знаем, где ты упал. Но существует такая закономерность — где упал, там нужно и вставать. Тебе надо идти к тому человеку, в тот кабинет, где ты согласился на ложь. Может, Господь помилует тебя. Не смотри на последствия, какими бы суровыми они не были.

Брат помолился молитвой покаяния и ушел. Он на самом деле ходил из кабинета в кабинет. Но его не арестовали, — видно, добились, чего хотели. Господь оказал ему милость, и через какое-то время церковь восстановила его в членстве.

В 1962 году наша церковь вошла в полосу трудностей. Среди братьев возникли разногласия. Одни, думая о себе, предложили временно не собираться. Другие не соглашались с этим предложением. Большая часть рукоположенных братьев была за то, чтобы на время отменить богослужения.

— На какое время? — спросил я.

— Пока буря не пройдет, может, и на десять лет.

— Что же будет с молодежью? — возмутился я. — Кто вернет ее потом из клубов и кинотеатров?

Меня призвали к покорности, напомнив заповедь о почтении к старцам. Тогда я предложил дать свободу в этом вопросе — желающие пусть проводят собрания, а кто не хочет, пусть не ходит. Но многие служители оставались на своем. Один прямо сказал:

— Вы будете собираться, а мы пойдем в тюрьму?!

Когда спросили мнение Отто Петровича, он ответил: — Если где-то соберутся двое, я буду третьим.

После долгих прений осталось все же два мнения. В нашей церкви было пять рукоположенных братьев, но богослужения проводил только Отто Петрович. Он даже свой дом предоставил для собраний. Четыре служителя вообще перестали посещать наши богослужения.

Однажды в дом Отто Петровича пришли власти, когда мы совершали вечерю Господню. В этот день мы всегда вешали ящик для пожертвований. Этот ящик конфисковали, деньги посчитали и умножили на количество воскресений в течение всего времени, как в этом доме проводятся собрания. Отто Петровичу присудили выплатить эту сумму в доход государству. Таким образом был сделан еще один шаг к уголовному делу.

Наш Давид, отбыв срок заключения, тоже приехал в Караганду. Его семья переехала еще раньше. Он устроился в нашу бригаду. Будучи служителем, Давид пошел в церковь на шестидесятой шахте, состоящей из немцев и русских, и принял там пресвитерское служение.

На работе начальство стало относиться к нам настороженно, будто подозревая в чем-то. Нас стали меньше хвалить и поощрять. Отто Петрович во время обеденного перерыва быстро ел и принимался за работу. Он был краснодеревщиком, и ему часто заказывали сделать стол, тумбочку, табуретку или умывальник. Когда бригадир спрашивал, почему он не отдыхает, Отто Петрович отвечал, что его скоро заберут, а он хочет выполнить заказы. Бригадир

сердился, утверждая, что это не произойдет, — организация нуждается в хороших работниках, и никто Отто Петровича не тронет. Однако его арестовали и ранней весной 1963 года осудили.

Суд проходил в каком-то клубе, в большом зале, набитом до отказа.

Судья, глядя в зал, не выдержал:

— Подсудимый Вибе, посмотрите, сколько вы собрали народа!

Подсудимый не имеет права смотреть в зал, так как сидит спиной к нему. Но по повелению судьи Отто Петрович оглянулся. Увидев своих близких и родных, он прослезился и сказал:

— Как мне хочется услышать такие слова перед судилищем Христовым: «Смотри, сколько людей ты собрал!»

Суд длился не очень долго. Когда старцу предложили последнее слово, он сказал:

— Последнее слово скажет Господь — мой добрый Пастырь. Если Он поведет меня и через долину смертной тени, не убоюсь зла. Его посох и Его жезл успокоят меня!

Отто Петровича присудили к четырем годам строгого режима. Когда конвой выводил его из зала суда, сын бросился ему в объятия. Солдаты стали разнимать их, но они крепко держали друг друга. Это было последнее объятие двух близких людей — отца и сына.

Люди стали медленно расходиться. Каждый уносил свои впечатления. Мое сердце теснили мысли о путях, которыми идет христианство. Каждый должен сделать выбор — идти узким путем, как шел Господь

Иисус, или же встать на широкий путь, где нет страданий, притеснений за веру и прочих неудобств.

Наша церковь осталась без служителя. Для нас, молодых, наступило трудное время. Никто не отваживался взять ответственность на себя. Мы по-прежнему регулярно собирались, хотя никто не объявлял, где будет следующее собрание.

В дни собраний христиане пораньше выходили на трамвайную линию и ждали. Одни стояли кучкой и мирно беседовали, другие по двое ходили взад-вперед, кто-то просто стоял у калитки, наблюдая за происходящим. И стоило кому-то сделать знак, все быстро ориентировались и, словно ручеек, стекались в дом, где можно было провести богослужение. Назначать проповедников, руководить пением тоже никто не брался, однако богослужения всегда проходили. Всегда находился брат, который просил благословения, затем читал Слово Божье и приглашал желающих помолиться. После молитвы кто-то предлагал псалом. Таким образом произносилось несколько проповедей, звучало общее пение. Так длилось годами.

Бывало, нас посещал кто-нибудь из рукоположенных братьев, ставших в свое время в сторону. Им тоже никто не предлагал слово, как и всем остальным. Проповедовали по побуждению. Потом можно было услышать: «Представьте себе, служитель посетил их группу, и никто не предложил ему слово! Молодые взяли власть в свои руки!» А на самом деле — молодые братья были бы рады доброму пастырю, но его не находилось.

Богослужения проходили по домам, и далеко не все жилища могли вместить желающих поклониться

Богу. Наши домики были убогие, но в них собирались счастливые, духовно богатые люди.

На работе сразу почувствовалось, что нет Отто Петровича. Но мы продолжали добросовестно выполнять порученную работу. Конечно, о вознаграждении речи больше не было.

В 1963 году мы с Талитой хотели во время отпуска посетить некоторых ссыльных братьев. Талита могла отдыхать целый месяц, а мне положено было лишь двенадцать рабочих дней, и я написал заявление на отпуск без содержания. Я почти каждый год делал так, потому что любил посещать друзей.

Бригадир подписал мое заявление и отнес его прорабу — добродушному, простому человеку. Тот спросил, сколько мне надо дней, скомкал заявление и выбросил его, сказав:

— Езжай так! Я не хочу бумажной волокиты.

Мы посетили друзей в Новосибирске. Узнав адрес ссыльного брата — дьякона Новосибирской церкви, я отправился к нему. Талита не поехала со мной из-за трудностей в дороге.

Больше ста километров пришлось мне преодолеть на попутках, чтобы попасть в таежное село. К вечеру нашел избушку, в которой по рассказам сельчан жил мой брат по вере. Приютила его пожилая чета — люди, по-своему верующие в Бога. Они радушно приняли меня и сказали, что Библию никогда не читали, но в Бога верят. Приняли они этого ссыльного ради Бога, — раз сослан за веру, значит, надо его приютить. Они верили, что за это доброе дело Бог их не оставит.

Вечером, когда брат пришел с работы, мы долго общались. Он с глубокой печалью рассказал, что

здесь, в ссылке, его любовь к Господу охладела, и он еле-еле теплится. Я старался ободрить его, напоминая о Божьих обещаниях, о Его верности к нам и неизменной любви. Указывал также на Бога, Который Духом Святым живет в нас и подкрепляет в немощах, если мы не закрываем от Него своего сердца. Я рассказал брату о жизни христиан на воле, о трудностях и радостях, которые переживает церковь, и просил его не унывать.

Мы вместе взывали к Богу о милости, сознавая свою нищету и ничтожество. Я твердо знал, что милосердный Отец силен поддержать и укрепить всякого страждущего и изнемогшего.

Расстались мы под утро. Я радовался, что смог хоть немного отогреть застывшую душу моего брата и утешить верностью Божьей.

Вернувшись в Новосибирск, мы с Талитой отправились в Юргу, а оттуда поспешили в Томскую область, где отбывал ссылку Иван Иванович Ведель.

В Чежимто мы неожиданно встретили две семьи, сосланные в этот далекий край с Северного Кавказа. Чуть ли не на самом берегу мутной речушки Чая, в небольшой избушке жил старец Черников со своей супругой. Как они обрадовались, увидев нас! Мы никогда не знали друг друга, но каким сладким было наше общение!

В центре села, в просторном деревянном доме на два хозяина жила семья Брыковых. Служитель средних лет со своей женой встретил нас тепло, я сразу почувствовал, как он истосковался по общению. Нашей беседе, казалось, не будет конца.

Мы не рассчитывали на эти встречи, но были благодарны Господу за возможность побыть с

друзьями, которых властная рука оторвала от церкви, но не смогла вырвать из сердца любви к народу Божьему.

В восемнадцати километрах от Чежимто, в тайге, в селе Кузнечном, находился в ссылке Иван Иванович Ведель. В поселок никакой транспорт не ходил, кроме подводы. Мы пошли пешком. Вначале нас одолевали комары и мошкара. Мы ломали ветки и непрестанно махали ими, но эти букашки все же успевали кусать. Когда поднялось солнце, нас атаковали оводы и пауки, от которых почти нельзя было отмахнуться.

На полпути нас догнала подвода. Довольно приветливый мужчина предложил подвезти нас и дал накомарники — шляпы с мелкой сеткой, закрывающей лицо и шею.

Мы с радостью устроились на подводе, желая отдохнуть и от дороги, и от насекомых.

В Кузнечном люди жили очень бедно. Там еще не было ни электричества, ни магазина. Один раз в неделю привозили из Чежимто хлеб — тяжелый, почти всегда несвежий. За неделю он вообще превращался в сухарь. Местные жители тогда еще не знали, что такое поезд, паровоз, автобус. Редко у кого было две одежды. Стирали обычно в реке.

Мужчина, который подвез нас, указал на крошечную избушку, в которой жил наш дорогой служитель. Когда он был здесь еще один, без семьи, он прислал нам письмо, тронувшее наше сердце и побудившее отправиться в далекий путь.

Иван Иванович писал, что работает пастухом. Однажды ему пришлось отгонять молодняк на мясокомбинат. Стадо гнали через тайгу, и в одном месте надо было перейти реку. Часть животных

перешла и паслась на сочном лугу, а остальных пришлось долго бичевать, чтобы загнать в воду. Те уже наелись и отдыхали, а эти бегали по берегу и терпели побои. Иван Иванович извлек из этого урок: смиренные проходят через страдания и достигают желанного покоя намного раньше, чем те, которые противятся и навлекают на себя дополнительные мучения. Он писал, что живет в маленькой избушке и часто напевает псалом, который знал еще в детстве, но никогда не пел его так сердечно, как здесь, в месте неволи:

Отчизна моя в небесах,
К ней стремится и рвется душа:
Там святые в бессмертных лучах,
Там струится живая река...

Незадолго до нашего приезда к Ивану Ивановичу приехала родная сестра и жена с детьми. Хоть и в тесноте, жить все же стало ему веселее. Мы несколько дней наслаждались общением. У нас было о чем говорить — мы служили одному Богу, стремились к одной цели.

На обратном пути посетили Ленинск-Кузнецкий, Новокузнецк и Осинники. Время позволяло, и мы поехали еще на юг — сначала в Иссык, а потом в Джамбул.

Моя мама, зная, что мы хотели побывать в Джамбуле, прислала туда телеграмму: «Возвращайтесь, вас ждет дядя Август». В 1938 году, 3 августа, арестовали нашего отца, поэтому я сразу понял, о чем сообщила мама. Дядя Август — КГБ. Мне предстояло иметь с ним дело.

Посоветовавшись, мы с Талитой решили догулять отпуск и, насладившись живым общением с друзьями, отправились домой.

На следующий день я пошел на стройку, но меня не допустили до работы. Оказывается, мной на самом деле заинтересовался майор КГБ Савин. Узнав, что отпуск без содержания документально не оформлен, он принудил начальство перевести прораба на другой участок, а мне приписать пятнадцать прогулов. Мне ничего не оставалось делать, как идти домой.

Через день меня вызвали на работу, а через неделю вдруг созвали производственное собрание для отчета о трудовой дисциплине. Вел это собрание сам директор. Он пояснил, что в последнее время среди рабочих сильно ослабла дисциплина. Объявляя, сколько сделано прогулов, он подчеркнул, что среди рабочих есть злостный прогульщик Классен, который прогулял пятнадцать дней подряд. Директор предложил мне объяснить причину, почему я не выходил на работу.

На это собрание привезли очень много комсомольцев и партийных работников, которых никогда не было видно в нашей организации. Были также люди из отдела атеизма, из райисполкома и, конечно же, из КГБ. Собрание проходило во дворе, под открытым небом.

У меня не было желания отвечать на вопрос директора, но рабочие просили не молчать, и я встал.

— Будь я алкоголиком, вы никогда не спросили бы, где я был. Вы требуете у меня отчета только потому, что я верующий. Должен сказать, что я не прогульщик. Я писал заявление на отпуск без содержания, и бригадир может подтвердить это.

Прораб не захотел возиться с бумагами и выбросил мое заявление, устно разрешив ехать, поэтому за мной нет преступления. Свой отпуск я использовал на доброе дело — посещал своих единоверцев.

После этих слов встала женщина из отдела атеизма и с жаром сказала:

— Товарищи! Это не безобидные люди. Они опасны для нашего общества! Они разъезжают по стране и разглашают враждебную нашему обществу идеологию.

Кто-то из маляров хотел заступиться за меня, но она очень грубо посадила его. Женщина охарактеризовала верующих, как особо опасных людей, будто на работе мы выдаем себя за ангелов, но что делаем на своих собраниях, какими бываем дома — страшно рассказывать.

Затем попросил слово бригадир. Он сказал, что знаком с нами не только по работе. Он бывал у нас дома и должен отметить, что наши семьи в основном многодетные, дети опрятно одеваются, получают нравственное воспитание, в домах у нас чисто и уютно. Он раза два бывал у нас на собрании и ничего предосудительного не нашел...

Женщина из отдела атеизма бестактно прервала бригадира и попросила директора строго наказать меня, потому что я разлагаю общество изнутри.

Собрание превратилось в товарищеский суд. Люди стали предлагать разные меры наказания. Послышались выкрики: кто-то просил послать меня туда, где Макар телят не пас, кто-то отправлял на каторгу. Выкрикивали заранее подготовленные люди, а рабочие только охали да ахали.

Ораторствующая предложила сослать меня, заметив при этом, что мой брат Давид тоже был таким, но отбыл срок наказания и извлек из этого хороший урок.

Давид тут же поднялся и сказал, что он каким был, таким и остался, он по-прежнему верит в Бога. Но его никто не слушал.

Бригадир встал и громко сказал:

— Товарищи! Предлагаю взять Классена на поруки. Не настолько он испорченный, чтобы применять к нему серьезные меры.

Но ядовитая женщина не унималась:

— Товарищи, прошу принять к этому человеку самые строгие меры! Он не может оставаться на руководящей работе! Он предлагает взять Классена на перевоспитание, даже не сознавая, что баптисты полностью овладели им. Он ходит к ним домой, даже посещает их богослужения ***и*** молится вместе с ними. Посмотрите на его бригаду — одни сектанты! Предлагаю его разжаловать, а бригаду расформировать!

На этом собрание закончилось. Я не понял, что решили.

На следующий день пришлось идти к директору, спрашивать, что делать. Директор был занят, и секретарь заставила меня довольно долго ждать. Прошло больше часа, пока открылась дверь кабинета и от директора вышел майор Савин. Он бросил на меня злобный взгляд и умеренным шагом покинул контору. Мне многое стало понятным.

Директор сказал, что до выхода приказа можно работать. И я пошел в бригаду. На сердце было спокойно, хотя творилось что-то непонятное. Совсем

недавно нашу бригаду готовы были удостоить звания бригады коммунистического труда и примерного поведения, а теперь не знают, как над ней надругаться.

Где-то через неделю, во время работы ко мне подошла секретарь и попросила расписаться под выпиской из приказа: «Уволен по ст. 47 (г) КЗОТ».

— Что это за статья? — спросил я.

— Идите в отдел кадров, там вам скажут, — ответила она.

Мне ничего не оставалось делать, как бросить работу и пойти в отдел кадров.

На рабочее место я больше не вернулся. Давид обратил мое внимание на дату — было 3 августа. Ровно двадцать пять лет назад арестовали нашего отца...

В отделе кадров мне вручили трудовую книжку с записью: «Уволен по ст. 47 (г) КЗОТ».

— Что это значит? — спросил я.

— Вас уволили как злостного нарушителя трудовой дисциплины, — не глядя на меня, протараторил начальник отдела кадров. — С этой статьей трудно будет устроиться на работу.

Я полистал книжку — кроме благодарностей и денежных премий никаких записей не было.

— Товарищ начальник! — улыбнулся я, протягивая ему книжку. — Здесь глупому понятно, что это фальшь. Посмотрите: благодарность, денежная премия, снова благодарность, и вдруг без предупреждения, без выговора и — такая статья!

Он взял книжку и пошел к директору, но скоро вернулся и молча отдал мне трудовую. Так я оставил это учреждение.

В тот же день по местному телевидению было объявлено, что Классен Рудольф — злостный нарушитель трудовой дисциплины и учреждения не должны принимать таких на работу.

Я думал, что меня арестуют, и тогда не нужны будут деньги. Однако это не произошло. После отпуска у нас не осталось денег даже на хлеб, но мы никому об этом не говорили, кроме Бога.

У меня был один выход — переехать куда-нибудь, чтобы устроиться на работу. Но делать это самовольно не хотел, чтобы не посчитали за сбежавшего. Я обратился в местком, который управлял производственным собранием. Работники месткома извинились и посоветовали обратиться в отдел атеизма. Оттуда меня снова направили в местком, и здесь уже велели обратиться в КГБ. Там ничего определенного не сказали, и я предупредил, что вынужден ехать искать работу, чтобы меня не обвиняли как беглеца.

Выйдя на улицу, я вспомнил сон, который видел совсем недавно. Будто иду по узкой мощеной улице какого-то города. С обеих сторон возвышаются многоэтажные дома. Погода стоит теплая, солнечная, и у меня хорошее настроение. Вдруг сзади послышался топот множества людей. Я хотел оглянуться, но чья-то рука крепко схватила меня, не давая повернуться ни направо, ни налево. Как я ни упирался, овладевший мной оказался сильнее. Вдруг я увидел ступеньки вниз к каким-то дверям. Когда мы подошли к ним, я успел заметить, как хромовый сапог ударил по дверям, и они отворились. Некто толкнул меня с такой силой, что я упал на пол, застланный соломой, и юзом поехал на середину комнаты. Дверь

захлопнулась. Комната была без окон, лишь в дверях вверху светилось маленькое окошко с матовым стеклом. Приподнявшись, я сел на соломе.

Это происшествие не повлияло на мое веселое настроение, и я запел:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...

Тут меня кто-то толкнул в бок, и я проснулся.

Талита в недоумении спросила:

— Ты что, с ума сошел, такие песни поешь?

Оказывается, я сидел на кровати рядом с ней и громко пел. Хорошо, что она разбудила меня!

Теперь не во сне, а наяву я убеждался в том, что попал в руки особого отдела. Эти недруги крепко навредили мне, оставив без средств к существованию. А что будет дальше?

Полгода назад, еще в январе, к нам приезжала одна сестра из Краснодарского края. Мы были знакомы с ней с Ояша. Посетив нас, сестра спрашивала, нет ли у меня желания переехать к ним или хотя бы навестить когда-нибудь. Я спросил, как далеко ехать и какой климат? Она ответила, что езды трое суток, климат жаркий. Я отказался от приглашения — жалко тратить время на дорогу, да и климат не привлекает. Если там жарче, чем в Караганде, то это очень плохо, — здесь мало что растет, значит, там вообще все выгорает!

Теперь, когда я остался без работы, у меня было время посетить и самый далекий край. Напомнив приглашение сестры, мама спросила, не является ли оно для меня македонским зовом, ведь сестра

говорила, что у них в церкви большая нужда в проповедниках.

Я подумал: «Эх, мама, если бы ты знала, что у нас в кармане ветер гуляет, ты не говорила бы о такой дальней поездке!» Но мы с Талитой хотели сами перенести эту трудность и ни моей маме, ни ее родителям об этом не говорили. Мы преклоняли колени и просили Господа восполнить нашу нужду и управить нашей жизнью.

Через несколько дней после этого случилось довольно интересное событие. Рано утром Талита пошла на улицу, но очень быстро вернулась, с радостью и недоумением воскликнув:

— Рудик, ночью был необыкновенный дождь — денежный!

Я попросил ее не шутить, но она разжала кулак и показала мне деньги.

Перед входной дверью я пристроил тамбур из штакетника — некую защиту от дождя и снега. В этом тамбуре Талита и собрала целую кучу денег — кто-то просунул в щели свой дар.

Мы тут же посчитали находку — было почти девяносто рублей! Став на колени, мы со слезами благодарили Бога за восполнение нашей нужды. Даже спустя годы мы так и не узнали, кто это сделал.

Теперь мы стали ясно понимать, что Бог дает возможность поехать на Кубань. До Краснодара билет стоил пятьдесят два рубля. Я взял шестьдесят рублей, остальные отдал Талите на хлеб — до зарплаты должно хватить. Один брат из нашей церкви тоже хотел посетить своих родственников в станице Ладожской, и мы вместе купили билеты и отправились.

КУБАНЬ

Погостив в Ладожской, мы с братом поехали в Тбилисскую. Здесь церковь мне понравилась больше, и я решил обосноваться в этой станице. Меня охотно приняла сестра, которая приезжала к нам в Караганду. Она жила с матерью и дочкой в одной половине дома, а в другой жил ее брат с семьей.

Расспрашивая о возможности трудоустроиться, я узнал, что на семенном заводе требуются грузчики. Мне пришлось рассказать друзьям, что моя трудовая книжка запачкана и неизвестно, примут ли меня где-нибудь. Мы помолились, и я пошел на завод.

Старший мастер сказал, что им действительно нужны грузчики, и попросил мои документы. Я сразу пояснил, что уволен по статье, но рассудительный человек может увидеть, что это сделано несправедливо. Он полистал книжку, внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Обещаешь не пить на рабочем месте и без причины не прогуливать?

— Я вообще не пью и от работы отлынивать не буду.

Мастер тут же велел написать заявление, сам подписал его и послал к директору:

— Если он подпишет, отнеси в отдел кадров и завтра выходи на работу.

Я радовался и благодарил Бога за услышанную молитву.

На следующий день я получил спецовку и приступил к работе. Моей обязанностью было перекладывать штабеля мешков со свекольными семенами. Один штабель — десять тонн. Мешки по

двадцать, тридцать и пятьдесят килограмм. Заработок зависел от того, сколько переложишь мешков и на какое расстояние. Штабеля должны быть с ровными углами и стоять строго рядами. Первое время страшно болела шея и я думал, что не выдержу. Но со временем привык, и мешки не казались тяжелыми. (Я проработал грузчиком пять лет.)

На второй день старший мастер пришел посмотреть на мою работу. Отозвав меня в сторону, он спросил:

— Ты боговерующий?

— Да! — ответил я.

Он поинтересовался, какой конфессии, и сказал:

— Просматривая твои документы, я так и подумал, что ты баптист.

Вскоре меня назначили бригадиром, и как я ни отнекивался, пришлось взяться за это дело. Это создавало мне трудности, так как грузчики — неверующие, пьющие, бывало, и во время работы распивали спиртные напитки. Но в основном ко мне направляли сознательных мужчин. Я пользовался уважением и у рабочих, и у начальства.

Церковь в Тбилисской состояла в основном из немцев. Служителя не было. Вернее, был рукоположенный брат, но из-за семейных неустройств он отказался от священнодействия. Церковь мне очень нравилась. Хотя здесь и не было особо даровитых братьев, но во всем чувствовалась любовь и, что мне особенно нравилось, — единодушие. Правда, я медлил вступать в члены.

Как-то подошел ко мне пожилой брат и спросил, почему я медлю.

— Пока присматриваюсь, — ответил я.

— Ты что, хочешь в устроенной церкви жить? — спросил он. — А кто, как не ты, должен заботиться об ее устройстве?

Я попросил у Бога прощения и решил больше не медлить. В тот же день написал Талите, чтобы она продала то, что нельзя перевезти, и приехала сюда.

Друзья советовали мне приобрести домик, но у меня не было на это средств. За нашу землянку в Караганде немного можно было получить. Присмотрев участок с садом и маленькой времянкой, я решил купить его. Стоил он пятьсот рублей — дешевле нельзя было ожидать. Я занял деньги до приезда Талиты и купил землю.

Мое представление о жарком климате оказалось обманчивым. Здесь очень плодородная земля, теплый, мягкий климат. Зима почти без снега. Здесь растут всякие плодовые деревья, а огурцы и помидоры можно сажать в открытый грунт. Уже в конце февраля сажают картошку. Мне казалось, я попал в обетованную землю.

Купив участок, стал с нетерпением ждать Талиту. Без нее было трудно не только что-то предпринимать, но и вообще жить. К тому же я сильно заболел — несколько дней не мог встать с постели, поднялась высокая температура.

Когда Талита приехала, мне стало немного легче, и через несколько дней я поднялся. Мы сразу пошли посмотреть свое новое место жительства. В убогой времянке склонили колени и просили Господа, чтобы Он благословил нас на этом месте. Мы вынуждены были покинуть насиженное гнездо ради бескомпромиссного служения Богу и вновь обосновываться в незнакомой местности. Просили у

Господа способности быть в помощь и в радость тем, с кем будем соприкасаться на новом месте.

Талита сразу устроилась на кирпичный завод, надеясь таким образом облегчить строительство нашего жилья. Мы планировали обложить свой домик кирпичом, чтобы не белить его, а рабочим кирпич отпускали под зарплату и немного дешевле.

С первого аванса я купил пару оконных рам, немного досок и горбылей. Лес на Кубани дорогой. Талита выписала кирпич, и мы потихоньку начали строительство. До работы и после мы трудились у себя на участке — сделали фундамент, выкопали погреб под домом, построили маленькую летнюю кухню с глиняным полом. Она стала нашей времянкой — в ней поместилась кровать, стол и небольшая печь.

Здесь мы учились новому методу постройки домов.

Еще не закончили стройку, как приехали мои сестры Анита и Алица со своими семьями, с малыми детьми. Алица первое время жила в нашей времянке, а мы — на кухне еще недостроенного дома. Но вскоре им нарезали землю недалеко от нас, и они тоже затеяли стройку.

По субботам верующие довольно часто помогали тем, кто строился. Делали не только саман, но и замесы для потолков, и другую трудоемкую работу. Совместный труд хорошо влиял на наши взаимоотношения — мы ближе узнавали друг друга, и не в воскресной обстановке, а в будничной, в рабочей. Мне очень нравились такие общения.

В 1964 году меня избрали кандидатом на пресвитере кое служение. Я не считал себя

достойным нести такую высокую ответственность и попросил братьев сделать запрос в церковь, из которой выехал, — они лучше знали меня и мою жизнь.

Хотя наши отношения со служителями в Караганде были сложными, я попросил ответственного брата из Темиртау — Ивана Яковлевича Фаста, чтобы он взял у служителей свидетельство обо мне. Ему сказали, что в Караганде меня не рукоположили бы, потому что есть более способные, но в общем они не против. Братья посоветовали Ивану Яковлевичу поехать к нам и здесь на месте все решить. Таким образом он приехал, а с ним моя мама и брат Альберт с женой и детьми.

В беседе со мной Иван Яковлевич сказал, что особого проповедника не видит во мне, а пастыря — видит. По его мнению, у меня с юности есть опыт пастуха, и он надеется, что я смогу заботиться о духовной пище для стада Божьего.

На членском собрании по вопросу моего рукоположения было полное единодушие. Чтобы о рукоположении не стало известно властям, это дело держали в тайне. В пятницу, после молитвенного богослужения, Иван Яковлевич попросил членов церкви остаться. Мои сестры ушли, у них были грудные дети, мама ушла как гость. Иван Яковлевич объявил, что хочет совершить рукоположение и после служения сразу уедет. Альберт сказал, что мама, не зная об этом, ушла и будет огорчена, если ее не позвать. Он готов был сходить за ней, но Иван Яковлевич попросил не создавать лишней ходьбы.

Так совершилось рукоположение, оставив какой-то нехороший осадок. Я не раз вспоминал слово

Писания: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви». Как верно Слово Божье характеризует наши действия!

Церковь в Тбилисской росла — каждый год совершалось крещение, а также очень многие переезжали сюда из Сибири, Казахстана и с Алтая. В 1965 году переехал из Темиртау благовестник Абрам Петрович Дерксен. Наши богослужения оживились — брат хорошо проповедовал. Он стал моим помощником. Через некоторое время переехал и Иван Яковлевич Фаст — талантливый служитель и проповедник. Когда он проповедовал, в зале не было спящих слушателей. Для церкви и лично для меня, как для служителя, эти братья послужили большим благословением.

Я очень любил братские совещания, на которые ездил с Абрамом Петровичем. Они проходили в основном в Кропоткине или в Краснодаре. Собирались обычно в субботу поздно вечером и до утра решали церковные вопросы.

В 1966—1967 году было большое пробуждение среди молодежи, и многие старшеклассники заявили на крещение. У нас обострились отношения с властями.

В церковь приходили и молодые, и старые, и дьявол не мог оставаться равнодушным, теряя своих подданных.

Покаялась одна девушка, комсомолка. Я пригласил ее на молодежное общение, назначенное в Ростовской области, в Новоазовске. Она поехала. Общение проходило во дворе, прямо на берегу Азовского моря. Когда эта девушка вошла во двор и

увидела так много христианской молодежи, она прямо у калитки упала на колени и молилась Господу, чтобы и ей быть в числе искупленных детей Божьих.

Она сразу запереживала, что делать с комсомольским билетом. Я посоветовал поступить честно. Девушка решила сдать билет, но ее долго уговаривали не делать этого. За ней закрепили какого-то комсомольца, который возил ее по прекрасным местам Краснодарского края, обещал блестящие перспективы, но она оставалась непоколебимой, утверждая, что Бог дал ей несравненно лучшее. Она дружила с молодым человеком, но после покаяния рассталась с ним.

Кто-то из наших братьев встретил однажды пьяного старика. Этот человек прошел три войны, имел немало партийных наград, но пристрастился к алкоголю. Вид его жилища трудно описать — он все пропил. Наш брат серьезно говорил со старцем о будущем, напоминал, что пора готовиться к вечности, к встрече с Богом и пригласил на богослужение. Старик отказался, ссылаясь на больные ноги. Брат пообещал отвезти его на мотоцикле, и тот согласился.

Войдя в помещение, где собрались верующие, старик долго и внимательно всех рассматривал, особенно детей. Когда мы помолились и запел хор, старик заплакал. Потом были проповеди, общее пение, молитвы, стихотворения. Он все внимательно слушал, а после собрания спросил, можно ли еще прийти.

На следующее собрание старик пришел со своей женой. На третьем богослужении он покаялся, а за ним и его супруга. Они по-детски поверили в прощение грехов и радовались, что Христос стал их

Спасителем. Когда слух об этом дошел до райкома, там всполошились.

Сперва стариков посетили представители местной парторганизации, потом приехали из крайкома, уговаривали оставить христианство. Деду говорили, что общество строит светлое будущее, а он под старость с ума сходит. Но дед твердо отвечал:

— Зачем мне ваше будущее? Посмотрите, как я живу: мой дом пустой и ободранный, у меня нет ни постели, ни электричества, ни дров, ни угля. Я сам во всем виноват — моя жизнь прошла в пьяном угаре. Кто из вас хоть раз меня остановил? Кто протянул мне руку помощи? Вот эти простые люди, о которых у меня было страшное представление, подошли ко мне с любовью и попросили хоть перед смертью задуматься о будущем. Они навели порядок в моем жилище, они помогли мне, чем могли. Нет, я теперь ни за что не оставлю Бога!

После этого разговора рано утром к старикам приехали электрики, поставили столб, провели электричество. Немного позже им привезли уголь и дрова, причем совершенно бесплатно.

— Такого еще никогда не было, — восторгался старик. — Господь Бог на самом деле есть!

Наша церковь насчитывала уже сто тридцать членов. Отношение властей к нам обострялось. На работе появился уголок атеиста, где нас критиковали, как только могли. В школе к старшеклассникам, которые обратились к Богу, относились крайне враждебно, особенно директор — один из воинствующих атеистов. Он вместе с другими депутатами ходил по домам, где проходили наши собрания, и составлял протоколы.

Как-то зимой атеисты пришли к нам в нетрезвом состоянии. Мы как раз стояли на коленях и молились. Пока шла молитва, они в грязных башмаках (на улице была грязь) пробрались к столу, где лежали книги, и стали собирать их. Я молился: «Господи! Не введи нас в искушение, но избавь от лукавого».

После молитвы я спокойно подошел к директору школы, который держал мои книги, и попросил положить их на место. Он ответил, что не отдаст, они подлежат проверке. Я взялся за книги и попросил не бесчинствовать — книги принадлежат нам, и он должен отдать их. Но директор противился. Тогда я вырвал из его рук книги и крепко прижал к себе. Он хотел составить протокол, но я сказал:

— Мы будем жаловаться, что вы посетили нас не как представители власти, а как уличные хулиганы, в пьяном состоянии. Вы в грязной обуви ходили по чистым паласам, бесчинствовали в нашем доме! У нас много свидетелей, а у вас их нет.

Видно, хмель немного прошел, и воинствующие атеисты оставили нас.

После Пасхи парторг нашего завода в обеденный перерыв подошел к отдыхающим рабочим и начал настраивать их против меня. Он изображал меня человеком, которого религия сделала отсталым и забитым.

— Вы знаете, почему они на Пасху красят яйца? — с ухмылкой спросил парторг. — Это древний обряд. Люди приносили в жертву богам животных и птиц, а потом начали приносить яйца, и, чтобы они богам больше нравились, стали красить их. Придерживаясь таких обычаев, Классен и подобные

ему верующие отстали от современного общества на триста лет!

Я спросил, видел ли он у меня когда-нибудь крашеные яйца?

— Нет, — сказал он, — но вы соблюдаете этот странный ритуал.

— Видел ли ты хоть раз, что я ел крашеные яйца? — снова спросил я.

— Нет, не видел, — признался он.

Тогда я обратился к рабочим:

— Хочу сказать, что сегодня в обед я наблюдал за парторгом и мастером. Они оба партийные, но сидели на транспортерной ленте и ели крашеные яйца. Не знаю теперь, кто из нас отстал на триста лет...

Рабочие разразились смехом, а парторг быстренько ушел.

Собираться нам становилось все труднее. В дни богослужений почти за каждым домом следили дружинники. Они звонили в опорный пункт, и оттуда приезжал на собрание наряд милиции. Мы старались пробираться через соседние усадьбы, ходили окольными путями, но и это не помогало. Тогда мы стали собираться в лесопосадке.

В 1966 году, когда во ВСЕХБ намечался второй съезд, чтобы утвердить руководство, которое еще в 1943 году избрала не церковь, а власти, было многое сделано, чтобы провести его совместно с отделенным братством Совета церквей. В то время большинство наших руководящих братьев находились в заключении. На краевом совещании у нас приняли решение, что посещать расширенные совещания ВСЕХБ можно, но если будут предлагать поехать на съезд, то не соглашаться, так как наши братья томятся

в лагерях и ссылках, а мы считаем, что именно им принадлежит право проводить съезд и решать церковные вопросы.

Получив приглашение на совещание ВСЕХБ в краснодарский молитвенный дом, я поехал с Абрамом Петровичем. Мы немного опоздали, совещание уже началось, но нас сразу пригласили вперед, на возвышенность, где сидели старшие братья. Я с ними не был знаком, за исключением братьев из Ладожской церкви, а заочно знал лишь старшего пресвитера Карнаухова и его заместителя Савина.

Сверху хорошо было видно сидящих в зале, и я глазами пробегал по рядам, но никого из знакомых не увидел. Мне стало как-то не по себе, особенно от того, что пришлось сидеть среди старших служителей.

На перерыве к нам подходили ответственные служители, знакомились и предлагали ехать делегатами на съезд, объясняли условия. Мы сказали, что не правомочны решать этот вопрос, так как наши братья в основном находятся в тюрьмах, да и здесь почему-то нет никого из наших. Они пытались уговорить нас, но мы стояли на своем.

После Савина на кафедру поднялся Тимченко — представитель из Москвы, плотный мужчина среднего возраста. Он был в темных брюках и кремовом пиджаке. Мы сидели рядом с кафедрой, и Абрам Петрович обратил мое внимание, что у Тимченко на правом боку под пиджаком виднеется кобура. Неужели это правда?!

Тимченко говорил долго. Он рассказывал, как планируется проведение предстоящего съезда, а мы за его спиной вели свое совещание. Абраму Петровичу очень хотелось провести рукой по кобуре и

спросить, что это такое? Я не советовал ему делать это, но он не мог успокоиться, пока не наступил перерыв.

К нам опять подсели несколько служителей и стали убеждать в необходимости ехать на съезд. Мы категорически отказались. После этого разговора отношение к нам заметно изменилось.

После перерыва были вопросы и ответы. Кто-то спросил, можно ли христианину пользоваться огнестрельным оружием. Прочитав записку, Тимченко поднял ее и спросил:

— Кто написал этот вопрос?

Встал мужчина средних лет.

— Из какой вы церкви? — поинтересовался Тимченко.

— Из регистрированной.

Тогда он стал пояснять, что иметь оружие — это не преступно. Если власть доверяет нам кого-то защищать, мы должны это выполнять. Братьям часто приходится перевозить крупные суммы, и хорошо, если в случае нападения они могут защититься. Господь Иисус тоже говорил ученикам: продайте одежду и купите меч. И апостол Павел, когда находился в опасности, послал своего племянника к тысяченачальнику, и тот выделил довольно воинов, чтобы сохранить узнику жизнь. Тимченко привел еще несколько примеров, и Абрам Петрович успокоился, ему стало все понятно.

Обед был легкий — бутерброды и чай. Мы тоже ели. Когда объявили, что за обед нужно заплатить, и для этого по рядам пройдет тарелка, Абрам Петрович сказал:

— Точно знаю, что за меня какая-то вдова заплатила.

Я тоже ничего не положил.

После обеда с нами беседовал сам Савин. Он еще раз пригласил на съезд и пояснил, что необходимо внести в кассу пятьдесят рублей за три дня, что будем находиться в Москве. Это за питание, ночлег и транспортные расходы.

— Почему так много? — спросил я. — Пятьдесят рублей — это половина месячного заработка!

Савин пояснил, что заказаны гостиницы, рестораны, такси.

— Сколько же будет делегатов?

— Пятьсот, а может, немного больше.

Я не выдержал и откровенно возмутился:

— Если за три дня отдать пятьдесят рублей, плюс стоимость билета и дорожных продуктов, не скажет ли Господь, что вы поедаете дома сирот и вдов? Мы живем в станице не очень зажиточно, но пятьсот делегатов могли бы разместить по домам без гостиницы. Ресторан тоже не нужен, наши сестры с удовольствием приготовили бы пищу и накормили всех.

Потом я спросил, что они думают о братьях, которые находятся в неволе — нормально ли это? Он промолчал.

После этого разговора мы ясно поняли, что нам там нечего делать.

Вернувшись домой, мы на следующий день, как и полагается, пошли на работу. К тому времени я числился уже механиком и работал на агрегате, протравливающем семена. Начальство считалось со мной, хотя и поступали тревожные сигналы о моей

религиозной деятельности. На заводе установили агрегат, на котором не всякий мог работать. Человек, употребляющий алкоголь, работая на этом агрегате, покрывался красными пятнами, а на непьющего ядохимикаты не действовали. Поэтому директор, будучи расположенным ко мне, перевел меня на эту работу. Естественно, здесь было несравненно легче, чем на укладке мешков.

Итак, я с утра приступил к работе, а после обеда подошел ко мне механик автоколонны, мой однофамилец, и рассказал интересную историю. Он только что вернулся из райкома. Там его сильно бранили за то, что не регистрирует секту, и угрожали арестом. Он сперва ничего не понял, а потом догадался и сказал, что они ошиблись и вызвали не того, кто им нужен.

— Ты же Классен, механик? — удивились они.

— Да, — отвечал он, — но не руководитель общины.

Брат знал о нашей поездке в Краснодар и пришел предупредить, что за мной приедут.

На другой день, в обеденный перерыв, рабочие завели разговор о том, что религия скоро отомрет. Верующих, мол, осталась горсточка, и когда они вымрут, некому будет исповедовать религию. Мой двоюродный брат тут же возразил и спросил у сидящего рядом:

— Сколько у тебя детей?

— Двое.

— А у тебя? — спросил он у другого.

— Тоже двое.

— А у тебя? — спросил у третьего.

— У меня нет детей.

— А у меня десять, — улыбнулся брат и добавил: — У моего друга — пятнадцать, у брата — девять, и наши дети в основном следуют за своими родителями. Теперь подумайте, что стоит под угрозой — религия или атеизм?

Рабочие засмеялись, и разговор закончился.

Под конец смены ко мне подошел незнакомый мужчина и попросил проехать с ним в исполком. Там меня спрашивали, почему мы не хотим ехать на съезд, почему не регистрируемся? Угрожали арестом, но отпустили. Из беседы я понял, что сюда передали разговор, который состоялся у нас в Краснодаре.

На следующий день вызвал директор завода. Закрыв дверь своего кабинета на ключ, он тихо сказал, глядя мне в глаза:

— Я очень не хочу терять тебя. Неужели нет другого пути кроме тюрьмы?

— Я убежденный христианин, и идти на компромисс со своей совестью не могу, хотя в тюрьму мне совершенно не хочется, — искренне сказал я.

— Ты на самом деле веришь в Бога? — спросил он.

— Да.

— Это же сущая нелепость!

Я попросил его пояснить, как возник мир, как появилась на земле жизнь.

— У тебя какое образование? — спросил он.

— Полностью закончил только один класс.

— А я — три института, и если начну тебе пояснять по-научному, ты все равно ничего не поймешь.

— Постараюсь понять, поясните, пожалуйста.

— Знаешь, для этого надо много времени, жизни не хватит.

Я улыбнулся.

— Насколько проще жить мне! На первой странице Библии написано: «Вначале сотворил Бог небо и землю». Эта истина превосходит все атеистические теории, и нужны всего лишь секунды, чтобы поверить ей.

Директор напомнил подвиг Гагарина, который так высоко летал и Бога не видел. А я заметил, что блоха по своему объему и прыжку без техники могла бы больше хвалиться, чем Гагарин, но она Бога не отвергает. Мы около двух часов беседовали, но каждый остался при своем мнении.

— Жаль мне тебя! — сказал директор на прощанье, и мы расстались.

Спустя несколько дней у нас сделали обыск. Меня дома не было. Христианской литературы в то время было очень мало, но и это малое власть имущие безжалостно отнимали. У меня были гусли на цифрах и русская Библия, которую прислал отец из Канады, а также юбилейная немецкая Библия с симфонией и комментариями и сборник немецких песен.

Во время обыска к нам никого не впускали и из дома никого не выпускали. Все, что находили, клали на стол — это подлежало конфискации. Когда туда попали Библии, Талита стала вопиять к Богу о сохранении этих книг. Неожиданно к нам пришла девушка, которая покаялась в Новоазовске. Ее тогда знали еще как комсомолку и впустили. Она улучила момент, спрятала за пазуху юбилейную Библию и вынесла из дома. Таким образом одна Библия сохранилась.

Обыски делали и в других домах верующих. У моей сестры взяли магнитофон с кассетами. В то время это была дорогая и редкая вещь.

На следующий день по заводу ходили слухи, что у Классена при обыске нашли рацию. Когда эта молва дошла до сторожа автоколонны — пожилого члена нашей церкви, он без удивления сказал:

— Я знаю. У него не одна, а две были, сам видел их!

Его тут же окружили рабочие и попросили подробнее рассказать об этом деле.

Старичок помолчал, посмотрел на всех лучистыми глазами и спросил:

— А вы знаете, что такое рация по-немецки? — Рабочие переглянулись, — Это крыса! Я сам помогал Рудольфу ловить двух жирных крыс!

Рабочие этого не ожидали и, рассмеявшись, разошлись. Безусловно, молва о рации была выдумана.

Шел 1968 год. Меня все чаще стали вызывать в прокуратуру.

Абрам Петрович надумал уезжать и поспешно собирался. Я сказал, что без прощания с церковью этого делать нельзя. Надо предстать перед членским собранием, попрощаться и потом ехать. Если же уехать молча, то пойдет молва, что сбежали. В то время мы готовились к крещению и за нами сильно следили. Но членское собрание состоялось, и мы расстались с семьей Абрама Петровича.

Крещение совершали ночью. Узнав, что вдоль Кубани дежурит милиция на легковых машинах, мы все же собрались за прибрежными кустами. Как только машина проехала мимо нас, служитель и крещаемые

спустились в воду. Пока машина вернулась, крещение было совершено, и мы пошли в дом недалеко от реки, где совершили возложение рук и вечерю Господню.

Среди крещаемых был брат Ваня из соседнего совхоза. Его жена уже заключила завет с Господом. У Вани было двое детей, и неожиданно его призвали в армию. За день до отправки его желание осуществилось — он тоже стал членом церкви.

Новобранцев увезли на станцию Кавказская, где стояли воинские части. Ваня решил не принимать присягу, хотя не был наставлен в этом вопросе и не знал, чем обосновать свое решение.

В день присяги Ваня усиленно молился, чтобы Господь помог ему поступить по Евангелию. Солдат выстроили на плацу. Когда подошла Ванина очередь, он выступил из строя и отчеканил:

— Принять присягу не могу, так как пообещал Господу Богу служить свято. От оружия отказываюсь.

— Встать в строй! — то краснея, то бледнея, скомандовал комбат.

— Есть встать в строй! — ответил Ваня.

До вечера все было спокойно. А потом Ваню вызвал дежурный по части и спросил, не передумал ли он? Но Ваня решил до конца стоять твердо.

Перед отбоем его вызвали на вахту и через пару минут отпустили. И так начались испытания. Три ночи ему не давали покоя — как только начнет одолевать сон, поднимают по команде и, когда оденется, отменяют команду. Время от времени дежурный по части интересовался, не передумал ли Ваня, и даже угрожал, что никогда не увидит ни жену, ни детей.

На третьи сутки Ваня так устал, что ему было уже все равно, что с ним сделают. Под утро, услышав

команду: «С вещами!», Ваня оделся, но ему принесли гражданскую одежду и заставили переодеться. Затем посадили в машину, оборудованную для перевозки заключенных, и повезли.

Впереди, рядом с шофером, сидел полковник. Дорога проходила через лес. Неожиданно полковник остановил машину и велел Ване выйти.

«Неужели здесь мой конец? — подумал Ваня, спрыгнув на обочину. — Боже, да будет на все Твоя воля!»

Полковник, открыв папку, подал Ване бумаги, быстро сел в машину и умчался, обдав солдата пылью.

«Демобилизован», — прочитал Ваня в недоумении, почувствовав, как заколотилось сердце. Он с трудом верил, что происходящее — действительность, а не сон.

На попутной машине Ваня добрался домой, на всю жизнь запомнив, как может Бог вознаграждать нашу верность Ему и желание жить свято.

После крещения меня прямо с работы опять вызвали в прокуратуру. Я ездил на работу на велосипеде, так как завод стоял на окраине станицы, и в прокуратуру тоже поехал на велосипеде. Поставив его во дворе, зашел в кабинет помпрокурора. Он долго беседовал со мной, а напоследок сказал:

— Должен сообщить вам неприятную весть: вы арестованы!

Я попросил сообщить жене, чтобы забрала велосипед. Таким образом она будет знать, что меня арестовали.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Прокурор позвонил, и приехал милиционер, который доставил меня в КПЗ (камера предварительного заключения). Там сдали меня дежурному, он записал мои данные и повел по коридору, с обеих сторон которого было несколько металлических дверей. Одну из них он открыл большим ключом и скомандовал:

— Заходи!

Я шагнул в полумрак. Небольшое окно, с улицы забитое жестью с маленькими отверстиями, слабо пропускало свет. Камера небольшая. Сквозь завесу махорочного дыма разглядел пятерых мужчин. Они сидели на замусоленных нарах и играли в самодельные карты. Кто-то из них сразу спросил:

— С какого фронта?

— С религиозного, — ответил я.

— Разве такой бывает?

— Бывает!

Мужчины отложили карта и попросили объяснить, что это значит. Я рассказал о своей вере в Бога. Эти бывалые заключенные еще не слышали, чтобы за веру в Бога сажали в тюрьму.

В КПЗ кормили один раз в день — давали пайку хлеба и горячее: щи или рассольник и какую-нибудь кашу. Утром и вечером предлагали кипяток. Здесь никто никуда не ходил — считали за счастье утром вынести парашу, чтобы глотнуть хотя бы немного свежего воздуха. Конечно, для здорового организма этого было очень и очень мало. Передачи здесь в основном не получали, так как сидели

преимущественно оставленные и забытые люди. Мне Талита принесла передачу уже на второй день.

Через день четверых заключенных увезли в краснодарскую тюрьму, и я остался с мужчиной лет за пятьдесят. По-видимому, он был бомжом. Его тоже вскоре увезли, и я на какое-то время остался один, отдыхая и телом, и душой. Правда, камера оставалась прокуренной, моя одежда тоже насквозь провонялась, но не было дыма и скверной брани.

Ходя по камере взад и вперед (здесь было всего три метра), я пел. Я знал наизусть много песен, особенно на немецком языке. Иногда так увлекался, что дежурный открывал «кормушку» (окошко в дверях, через которое подавали пищу) и просил петь потише. Но я и в этих условиях от всего сердца пел:

Мы дети Божии, мы всех счастливее,
Мы всех счастливее на всей земле!

На следствие вызывали обычно поздно вечером. Не знаю, с какой целью это делали, но иногда допрос тянулся за полночь. Вел дело заместитель прокурора Решетников. Он составлял протокол из моих слов, но подписывать его я отказывался, мотивируя тем, что мои слова потом могут извратить и использовать для того, чтобы вынести мне, может быть, смертный приговор. Поэтому заместитель прокурора каждый раз должен был найти понятого, которому зачитывал протокол, и тот подписывал его вместо меня.

Как-то поздно вечером, заканчивая допрос, прокурор попросил дежурного милиционера выйти на улицу и найти понятого. Тот скоро привел мужчину средних лет, крепкого телосложения, с умиротворенным лицом. Зампрокурора пригласил его сесть и пояснил суть дела. Мужчина окинул меня

сочувственным взглядом, и на его глаза вдруг навернулись слезы.

Я, конечно, в какой-то мере уже потерял человеческий облик. Прошло несколько месяцев, а я ни разу не мылся в бане, не брился, у меня не было даже расчески, чтобы привести в порядок свои волосы.

Прочитав протокол, Решетников попросил мужчину подписать его, но тот категорически отказался:

— Я тоже верующий, и против брата ничего подписывать не буду.

Прокурор возмутился. Рассердившись на все и на всех, он велел дежурному найти другого понятого, только не боговерующего.

Через какое-то время милиционер привел женщину лет пятидесяти. Она перепуганно посмотрела на меня, потом на прокурора.

— Вы случайно не боговерующая? — хмуро спросил Решетников.

— Да! — широко открыв глаза, со страхом сказала женщина и в доказательство показала крестик на шее.

— Но вы, наверное, из правоверных христиан, не из сектантов ?

— Конечно.

— А я вот имею дело с главарем баптистов-раскольников, — вздохнул прокурор. — Он не хочет подписывать протокол допроса, хотя и признает его верным.

— Этот? — кивнула женщина взволнованно.

— Да!

— А что вы с ним нянчитесь? — энергично заговорила она. — Их раньше на кострах жгли, зверям

бросали, казнили, иначе с ними невозможно справиться. В мешок его надо затолкать, облить смолой и поджечь!

Следователь пристально наблюдал за моей реакцией. Я вспомнил, как сжигали Яна Гуса. Одна из таких женщин принесла охапку дров и бросила в огонь, чтобы осужденный быстрее сгорел, а он сказал только: «Святая простота!» Я тоже не питал зла к этой ревностной православной.

Решетников спросил меня, что я на это скажу. Я ответил, что в лице этой женщины вижу настрой современного общества. Она так наставлена, поэтому нельзя ожидать лучшего.

Прокурор зачитал ей протокол и попросил расписаться.

— Я неграмотна, — сказала женщина

— И все-таки вы как-то расписываетесь, когда получаете деньги? — нервно спросил Решетников.

— Рисую птичку.

— Тогда и здесь нарисуйте птичку, — сказал он, и на этом допрос закончился.

Не знаю, кто этой ночью лучше спал — я на голых нарах, окруженный тысячами насекомых, или заместитель прокурора на чистой и мягкой постели. В моем сердце царил Божий мир, мой недруг был лишен этого.

Следствие подходило к концу, и меня отправили в краснодарскую тюрьму.

КРАСНОДАРСКАЯ ТЮРЬМА

Как социально опасного, меня поместили в малогабаритную камеру. В таких камерах обычно лучше. Здесь находятся в основном кладовщики,

мастера, даже директора и подобные им люди, которые злоупотребляли своим служебным положением. Нас было восемь человек.

Решетников и здесь посетил меня, потому что дело еще не закрыли. Он заметил, что мне в тюрьме лучше, чем моей жене на воле, которая в жару должна выстаивать огромную очередь, чтобы передать передачу. Я понимал это, но ничего не мог изменить.

Здесь у меня была одна неприятность — страшно болели зубы. Особенно ночью я мучился, ходил из угла в угол, а ходить ночью не разрешалось. За ночь несколько раз открывалось окошко в двери, и надзирательница спрашивала, почему я не сплю. Я ей ничего не сказал, зная, что она все равно не поможет, и продолжал ходить и стонать.

Утром, когда пришла смена, надзирательница открыла камеру и, вызвав меня, повела по длинному коридору мимо бесконечных металлических дверей. Свернув в другой коридор, завела в кабинет, где находились люди в белых халатах, и попросила удалить мне зуб, рассказав, что я всю ночь не мог спать. Оказывается, и в этих суровых условиях есть люди, которые умеют сострадать.

Спустя несколько дней мне приказали выйти с вещами. Сокамерники — в недоумении. Мое дело еще ***не*** закрыли, и причины выводить из камеры не было. Но дверь открылась, и я вышел.

Надзиратель долго вел по лабиринтам тюрьмы. Разговаривать или задавать вопросы запрещалось. Наконец мы пришли в здание, середина которого открыта снизу доверху. Он завел меня на второй этаж и открыл вторую от утла камеру под номером 52. Сперва отворил большим длинным ключом

металлическую дверь, потом решетчатую, потом еще одну решетчатую, и я очутился в спецкамере. За мной с грохотом закрылись все двери.

Камера была маленькая — около двух метров в ширину и такой же длины. Стояло две шконки — это зауженные и укороченные двухъярусные кровати с листовым железом вместо сетки. Между ними стояла тумбочка. Возле дверей с одной стороны стояла табуретка с бачком для воды, а с другой — параша. Между кроватями светилось высокое узкое окно. По оконному проему видно, что толщина стены около 80 см. Окно зарешечено четырьмя рядами решеток, потом закрыто листом железа в дырочку и еще одной решеткой. Потолок в камере — полукруглый, как в печи. Это старая, еще екатериновская тюрьма. Глянув на кровать, я понял, что одно место занято, — лежал матрац (это все, что давали в камеру). У дверей на гвозде висел светлый костюм, такого же цвета шляпа и стояли белые туфли. Куда я попал? Что это означало? У меня возникало много вопросов.

Прошло минут пятнадцать. Я успел помолиться. Вдруг загремел ключ, отворилась дверь, и зашел мужчина лет на пять старше меня, с шрамом на лице. Он поздоровался и охотно рассказал, каким образом попал в это заведение. Это была целая история.

Сам он юрист, закончил два института — юридический и педагогический. Восемнадцать лет проработал адвокатом. Жил, как и все люди с широкими возможностями. С первой женой развелся. Женился на другой, но и этой не был верен. В воскресенье поехал с двухлетней дочерью на день рождения к одной из любовниц. Возвращаться домой пришлось на трамвае, так как такси не оказалось.

Время было позднее, и девочка начала хныкать, беспокоить отца. Он вначале успокаивал ее, а потом начал высовывать в открытое окно и угрожать, что выбросит, если она не замолчит. Люди останавливали его, чтобы не пугал ребенка, но он говорил: «Не ваше это дело! Ребенок мой, что хочу, то и делаю!». Кто-то из пассажиров, заметив на улице сотрудника милиции, попросил водителя остановиться и пожаловался на пьяного пассажира.

Милиционер вывел подвыпившего на улицу, но тот не хотел подчиняться ему и, схватив булыжник, велел не подходить близко. Однако милиционер кинулся на него и, получив крепкий удар в плечо, упал в лужу. Бросив булыжник, юрист сам упал в лужу. Самая большая беда была в том, что в этом инциденте оторвался погон, а милиционер был капитаном по званию.

Воспользовавшись свистком, милиционер позвал еще несколько сотрудников, юристу скрутили руки, надели наручники и повезли в медвытрезвитель. Там его били так, что он потерял сознание. А очнувшись, понял, что находится в незавидном учреждении. Его дочь благополучно доставили домой, а сумка, в которой лежали некоторые ценности и деньги, — пропала.

После вытрезвителя юриста привезли в тюрьму, где он восемнадцать лет трудился, но никогда не был в таком положении, как этот раз. Поэтому при обходе он сказал начальнику тюрьмы, что покончит с собой, если не подсадят к нему человека, который мог бы влиять на его психику. Он действительно был в отчаянии и с ходу рассказал о себе все.

Я стал рассказывать о своей жизни, как пришел к Богу, как стал служителем, за что попал в тюрьму. Время позволяло, и рассказ получался подробный, юрист слушал внимательно. Когда я закончил, он глубоко вздохнул:

— Как бы я хотел побыть в твоей шкуре! Ты здесь как герой, как защитник своей идеи, а я — блюститель закона — оказался хулиганом!

На следующий день моего сокамерника вызвали на следствие. У него не было ничего съедобного. У меня тоже осталось от передачи только четыре кусочка сахара.

Я сказал, что слышал от братьев, которые уже отсидели, будто сахар благотворно влияет на нервную систему, и дал ему два кусочка. Он высоко оценил мое расположение к нему и долго вспоминал те два кусочка сахара.

Мы много беседовали. Я рассказывал ему о Христе, о Его учении, а он говорил о той испорченности, которой пропитана правоохранительная система. Нам вместе жилось не плохо. Он не сквернословил. Выходя в прогулочный дворик, мы не перекрикивались с другими двориками, не перекидывали записки, поэтому нашу прогулку никогда не прерывали. В камере никакого шума не было, юрист не курил.

Талита регулярно приносила передачи, и продуктов нам вполне хватало. Бывало, что и моему сокамернику сотрудники что-нибудь приносили, и тогда мы должны были следить, чтобы ничего не пропало. Я мог молиться и петь вполголоса, это никому не мешало. Юрист говорил, что ему никогда не приходилось встречаться с верующими. И если бы

представилась такая возможность, он охотно защищал бы меня на суде, хотя вполне соглашался со мной, что Бог лучше защитит.

Ко мне еще раз приехали из прокуратуры, чтобы закрыть дело, и теперь я ждал этапа на суд. Мне пришлось раньше идти на этап, чем юристу, но я успел полностью объяснить ему путь Христа. Мы расстались добрыми друзьями, хотя каждый остался со своим мировоззрением. Он пожелал мне счастья, и наши пути разошлись.

От Краснодара до нашей станции — сто тридцать километров. Повезли в вагоне для заключенных. Внутри вагон разделен на купе без окон. Передняя стенка в купе и дверь — решетчатые. Вместо верхних полок в купе — сплошные нары, чтобы поместилось больше заключенных, а возле дверей — отверстие для спуска.

Наконец поезд остановился. На перроне я увидел некоторых родственников. Как истосковалось мое сердце по любимым! Как хотелось выскочить из вагона, обнять всех и расцеловать!

Конвой засуетился. Я надеялся еще раз увидеть родных, но воронок подогнали к вагону настолько близко, что ничего не удалось увидеть. В воронке нас долго возили, поворачивая то вправо, то влево. Видно, хотели замести следы, чтобы верующие не поняли, куда меня везут.

В конце концов машина вплотную подъехала к какому-то зданию, и меня затолкали в одиночку. Я не мог определить, что это было — прокуратура или нарсуд. Через короткое время погрузили на газик, оборудованный для перевозки заключенных, и снова куда-то повезли.

Я сидел в задней части автомобиля, отгороженный сеткой от шофера и сопровождающего милиционера. Сквозь сетку можно было смотреть в переднее окно. Ехали в сторону зерносовхоза. По пути машина заглохла. Водитель никак не мог найти неисправность, а милиционер нервничал. Видно, с десяти часов должен начаться суд, а мы задерживались. Простояли, наверное, полчаса.

Из разговора водителя с милиционером я узнал, что суд должен проходить в клубе зерносовхоза, и мы были недалеко от него. Я предложил пройти пешком, но мне приказали не вмешиваться. Наконец машина завелась, и мы поехали.

Возле клуба толпились люди, издали их трудно было рассмотреть. К парадному входу подъезжать почему-то не стали.

Когда автомобиль огибал здание, я увидел несколько сестер из молодежи. Они подбежали к машине, но водитель развернулся и задом стал подъезжать к черному входу. Поскольку возле здания прорыли траншею, близко не смогли подъехать. Меня высадили и провели через мостик в заднюю дверь.

В зале стояла клетка из нестроганных досок вышиной в полтора метра. Спускаясь по ступенькам, я поднял руку в знак приветствия и зашел в клетку.

Зал был полный. Возле всех окон и дверей стояли дружинники с красной повязкой на рукаве и сотрудники милиции. Перед сценой стоял длинный стол, покрытый красной скатертью, и три стула с высокими спинками. Слева от сцены — стол поменьше, покрытый плюшевой скатертью с большим государственным гербом, а справа стоял стол с простой скатертью и двумя стульями.

Я пробежал глазами по большому залу, но, к сожалению, из своих братьев и сестер никого не увидел, за исключением Талиты и одной сестры из станицы Ладожской.

Меня посадили в клетку и закрыли калитку, так что я ничего не мог видеть — клетка была высокая. За мной сели два конвоира. Раздалась команда:

— Встать, суд идет!

Все встали. Судейская коллегия заняла свои места: в центре — судья с двумя заседателями, слева — прокурор, справа — секретарь и адвокат.

Пока судьи обменивались мнениями, ко мне подошел представительный мужчина:

— Я адвокат. Вы нуждаетесь в моей защите?

— Как вы будете это делать? — поинтересовался я.

— На основании закона.

— А вы знакомы с моим делом?

— Нет, но по ходу дела познакомлюсь.

— Вы верите в Бога?

— Я атеист.

— Основное обвинение, которое мне предъявляют, заключается в моей вере в Бога. Как же вы думаете защищать меня, будучи атеистом?

Он пожал плечами и сделал вид невежды.

— У меня есть лучший адвокат — Христос, и Он меня защитит, — добавил я.

— Значит, вы отказываетесь от меня?

— Да.

Он повернулся и вышел.

Судья попросила меня встать и, зачитав состав суда, спросила, имею ли я претензии. Затем она стала зачитывать фамилии свидетелей, которые находились

в боковой комнате. Их было много, в том числе и моя супруга. Когда черед дошел до нее, она ответила из зала, и ее попросили выйти в боковую комнату. Талита пошла так, чтобы пройти мимо меня. Поравнявшись со мной, она сказала по-немецки, что все друзья находятся во дворе.

«Господи! Что делать?» — затрепетало мое сердце.

Зачитав фамилии свидетелей, меня спросили, есть ли что сказать по поводу предъявленного обвинения.

— Судебное заседание открытое или закрытое? — спросил я.

— Открытое.

— Почему же тогда все двери закрыты и охраняются усиленным нарядом милиции, а в зале сидят незнакомые люди? Почему мои братья и сестры находятся на улице?

— Все места заняты, больше не положено впускать слушателей, — сухо ответила судья.

Я попросил открыть двери и окна, чтобы все могли слушать, но мою просьбу отклонили.

— В таком случае я вынужден отказаться от моего последнего права — давать показания, — сказал я.

Перед этим как раз зачитывали мои права и обязанности, и давать показания относилось к моим правам.

Таким образом суд состоялся без моих показаний. Опрашивали многих верующих, которые не хотели давать показания и говорили, что знают обо мне только хорошее.

— Так говорите хорошее! — требовала судья.

И они рассказывали, как я помогал в строительстве, не жалея сил и времени, трудился и до работы, и после, до самой ночи. Но и это свидетельство судья хотела повернуть против меня, подозревая, что таким образом я вербовал людей в свою секту.

Свидетелями были учителя и директор школы. Они обвиняли меня в том, что дети не вступают в пионеры и в комсомол.

Судья отметила, что это добровольное дело.

— Да, но ведь от нас требуют, чтобы все были пионерами! — со слезами сказала учительница.

В церкви у нас была молодая сестричка, сильно больная. Она в ранней юности надорвалась, работая в колхозе. Теперь меня обвиняли в том, что ее болезнь стала следствием крещения. Чтобы обвинение сделать более основательным, ее насильно отправили на курорт, и лечащий врач высказал предположение, что она заболела от холодной воды.

Директор свидетельствовал, что я выкручивал ему руки, когда они приходили разгонять наши богослужения.

Свидетели утверждали, что под моим влиянием комсомолка сдала свой комсомольский билет, а член партии вышел из ее рядов. Детей школьного возраста мы вовлекаем в секту рождественскими подарками, и это надуманное обвинение тоже относилось ко мне.

Рядом со мной, только по другую сторону клетки, посадили восемнадцатилетнего юношу, подсудимого Альберта Ветке.

Это был очень способный к музыке и пению, ревностный христианин. Он занимался с молодежью еще до того, как принял крещение. И вот ему

исполнилось восемнадцать лет, он заключил завет с Господом. Поскольку мой помощник уехал, возбудили уголовное дело на этого юношу. До суда он был дома под распиской о невыезде.

На суде Альберт вел себя дерзновенно. Когда ему дали последнее слово, он сказал, что идет христианским путем сознательно, а гонения, которые приходится переносить, лишь подтверждают подлинность выбранного пути, так как Господь сказал: «Раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Иоан. 15, 20).

Суд вынес жестокий приговор: мне — пять лет общего режима, Альберту — два года.

Из зала суда нас вывели в воронок через черный ход. Только вышли на улицу, друзья закидали нас цветами. Конвоиры испуганно затолкали нас в воронок. Один букет залетел в машину, и пока конвоир заскочил, чтобы забрать его, я успел выдернуть большую розу и спрятать за пазуху.

Привезли в КПЗ. Там кроме дежурного милиционера сидел представительный мужчина в черном костюме и в такой же фетровой шляпе. Он строго приказал нам раздеться до белья.

Сняв рубашку, я выронил розу. Мужчина тут же подошел, небрежно растоптал ее и сказал:

— Ишь какой, розы захотел! Ты их не заслужил!

«Он прав, — подумал я. — Мой Господь заслужил больше, чем цветы, и то Ему дали терн, а почему у меня должно быть иначе?»

Кроме розы у меня ничего не нашли, и мужчина велел дежурному закрыть меня в камеру.

Позже я узнал, что человек в штатском был главным уполномоченным по религиозным делам

города Краснодара. С ним однажды произошла такая история.

Как-то на праздник Жатвы он посетил Тимашевск. В доме шло собрание, а на кухне сестры готовили обед. Он зашел на кухню и говорит: «Мир вам, сестры дорогие!» Его встретили с миром и спросили: «Издалека, брат?» — «Издалека!» — «Как вас зовут?» — «Я брат Волков. А вы как поживаете? Не беспокоят вас?» — «Как не беспокоят? Разгоняют, штрафуют», — «Ну, вы крепитесь, сестрички!»

Собрание закончилось, люди стали выходить во двор. Гость внимательно наблюдал за всеми. Некоторые братья спросили у поваров, кто этот человек. Сестры сказали, что это брат Волков, приехал издалека, опоздал на праздник. Его стали приветствовать как верующего. Тут вышел брат, который неоднократно бывал у этого человека на приеме. «Братья, с кем вы приветствуетесь! — воскликнул он. — Это же уполномоченный!» Но Волков не смутился, разговаривал с верующими как ни в чем не бывало.

В КПЗ нам не пришлось долго сидеть — в тот же вечер отправили в краснодарскую тюрьму. В КПЗ мы с Альбертом были в разных камерах, а в воронке сидели вместе.

Воронок жесткий, водитель ехал очень быстро, и нас всю дорогу швыряло из стороны в сторону. Альберта сильно укачало. Ему было плохо, и я переживал — если он так трудно переносит даже дорогу, то устоит ли в верности при больших испытаниях? Ведь он только что принял крещение!

Привезли в Краснодар поздно. До утра определили в отстойник. Это небольшая камера, где

нельзя ни сесть, ни лечь. Можно только стоять. Здесь не кормят, в туалет отсюда тоже не водят. Утром завели в оперчасть и предупредили, чтобы ни с кем не разговаривали о Боге. Мы промолчали.

К удивлению, нас поместили в одну камеру. Это было большое помещение, в котором разместилось около ста человек. Вдоль стен с двух сторон тянулись двухъярусные деревянные нары. В камере надо быть осторожным, там проводятся разного рода «прописки», и я предупредил Альберта, чтобы не участвовал ни в каких играх и не попал в какую-либо зависимость от нечестивых.

В камере нас сразу же окружили и стали спрашивать, за что посадили. Таким образом появилась большая возможность для свидетельства о Господе.

Вскоре открылась «кормушка» и дежурный напомнил:

— Осужденный Классен! Ты предупрежден и несешь ответственность.

Но заключенные наперебой закричали:

— Гражданин дежурный! Мы пытаемся их переубеждать!

Повернувшись к нам, они попросили рассказывать дальше.

В тюрьме разрешено две передачи в месяц. Через день Талита и мама Альберта принесли нам продукты. Я шепотом спросил:

— Альберт, не желаешь ли ты осчастливить этих людей?

— Как? — не понял он.

— Пройди по камере, посчитай, сколько человек, потом раздели обе передачи на всех, и увидишь, как они будут радоваться.

Он так и сделал. Все внимательно следили за происходящим.

Когда Альберт раздал гостинцы, некоторые спросили: — А себе сколько оставил?

— Всем поровну разделил, — ответил Альберт.

Это доброе свидетельство расположило к нам заключенных. Они гораздо охотнее слушали весть о спасении, а когда кто-то получал передачу, нам выделяли добрую часть. Другим обычно не давали, а нас никогда не обходили.

Кормят в тюрьме, конечно, скудно, лишь бы заключенный не умер. Но Бог благословлял нас, и мы не страдали от голода.

Здесь я в полной мере понял, что праздность — мать всех пороков. Чего только не придумывают люди от безделья!

В камере дни серые и однообразные. Утром в семь часов — подъем, приносят завтрак, и кто-то из осужденных должен принять кипяток и хлеб, разрезанный на пайки. Хлеб — специальной выпечки: темный, сырой и кислый. Почти все страдают от него изжогой. Дают также сахар в чашке, и дежурный делит его: черпнет спичечным коробком и ровным предметом проведет по кромке — это порция. Потом приносят жиденькую кашу — овсяную (неочищенную), пшенную или перловую. За свой вид и вкус эти каши приобретали у заключенных самые нелестные названия. Мы же просили благословения и ели, надеясь, что не всегда так будет, и нужно просто потерпеть. Кашу раздают небольшими черпачками.

Чашки и ложки каждый раз дают по количеству людей в камере. А кружки алюминиевые выдают каждому, кто приходит в тюрьму. При отправке на этап кружку положено сдать.

В обед дают капустную, крупяную /или рыбную похлебку и черпачок каши. Вечером опять кипяток и черпачок каши. Хлеб и сахар дают только утром. Около 10 часов утра, а также около 4 часов дня в камерах бывает проверка. Заключенные должны выстроиться в два ряда, и дежурные надзиратели считают, не сбежал ли кто.

Два раза в неделю приходит кто-то из медчасти с таблетками. Заключенные берут любые таблетки, приходится только удивляться.

В течение дня заключенных могут вывести на получасовую прогулку. Прогулочные дворики — это клетки разного размера, стены которых отштукатурены под шубу, чтобы на них не писали, на высоте трех метров — потолок из колючей проволоки. Над двориками сделана дорожка, по которой ходит часовой и наблюдает, чтобы заключенные не перекрикивались, не перебрасывали записки или курево. Если кто-то нарушит порядок, прогулку прерывают и всех заводят в камеру.

Во время прогулки в камере могут сделать обыск, оставив все в полнейшем беспорядке. Заключенных после прогулки тоже могут обыскивать.

В камере ужасно тяжелый воздух и неприятный запах. Туалет здесь очень простой — клетка из кирпича высотой сантиметров семьдесят и в ней отверстие в канализацию, а сверху — водопроводный кран, чтобы умываться. В камере всегда влажно — из-за духоты люди часто моются. Здесь еще целый день

дымят, причем вонючей махоркой. Когда во время проверки открывают двери и в камеру поступает свежий воздух, некоторые падают в обморок. Если же заключенные попытаются вынести такого в коридор, то в награду получат отборную ругань.

Очень трудно переносить табачный дым. А если появляются вши или клопы, трудности увеличиваются.

Каждые десять дней заключенных водят в баню, но далеко не всегда можно нормально помыться. Например, заводят в баню всю камеру — а душевые приспособления не все работают. Тогда под одним душем приходится мыться по четыре-пять человек. Дают маленький кусочек хозяйственного мыла, и если удастся постирать свое белье, то чувствуешь себя счастливым. Часто случается, что ты еще намыленный, а воду уже перекрывают. Бывает, забивается канализация, и приходится по щиколотки стоять в мутной луже, рискуя заразиться каким-нибудь грибком.

Альберта скоро отправили на этап. Я не позволял себе скучать или бездельничать. У меня было предостаточно занятий. Например, наслаждался «золотым алфавитом» — сперва вспоминал библейский стих, который начинается на букву: «А», потом на «Б» и так дальше. Затем таким же образом начинал петь про себя гимны. Я знал больше ста гимнов на немецком языке.

Вечером после ужина я старался посещать своих братьев и сестер. У нас в церкви было сто тридцать членов. Станица растянулась почти на десять километров, и я мысленно проходил по улицам, где жили верующие, и задерживался в каждом доме. Если до отбоя не успевал обойти всех, то мне никто не

препятствовал делать это после отбоя. Для меня это были благословенные часы.

Думал я и о том, кто из братьев мог уже побывать в этой камере. На окнах, на косяках дверей я искал какие-либо надписи, но ничего не находил. Их время от времени перекрашивали, чтобы не оставались следы. Мне хотелось оставить памятную надпись, которая ободрила бы кого- либо из братьев. Как-то я слышал, что один брат сделал надпись на деревянной табуретке, опрокинув ее. Но в нашей камере стол металлический и скамейки железные, приваренные к полу, их не опрокинешь.

Недаром сказано, что ищущий — находит. Я тоже нашел место, недоступное для глаз сыщиков. «Иго Мое благо и бремя Мое легко», — написал я и поставил свою фамилию, инициалы и дату. Очень хотелось, чтобы кого- то из братьев Господь утешил этим словом.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ КОЛОНИЯ

Как ни тянутся однообразные дни, они все же выстраиваются в недели и месяцы. Время идет. Настал и мой черед отправляться на этап. Сперва поместили в отстойник, потом проверили вещи и погрузили в воронок. Ехали долго, а куда — неизвестно. В воронке окон нет, только впереди, за решетками, где сидит конвой, есть одно окно, но заключенные не могут смотреть в него, им виден только свет.

Через несколько часов привезли в Первомайку. Здесь, в двадцати километрах от Курганинска,

располагалась зона. Загнали в отстойник, обыскали и повели на комиссию для знакомства.

Начальником зоны был полковник Пимкин — шестидесятилетий, суровый на вид мужчина среднего роста. Когда я предстал перед ним и отрапортовал фамилию, имя и отчество, год рождения, статьи, срок, начало и конец срока, он просверлил меня суровым взглядом и спросил:

— Сектант?

— Верующий!

— Пропагандируешь?

Я не успел ответить.

— Здесь не будешь пропагандировать! Я тебя сгною, если будешь заниматься этим! А вообще, через пять лет ты у меня будешь таким же безбожником, как и я.

Я отрицательно покачал головой, но он, отвернувшись, уже листал мое дело.

Посовещавшись, Пимкин сказал:

— Пойдешь в шестой отряд.

Из всего этапа я один попал в шестой отряд, где начальником был Орехов Александр Сергеевич — невысокий, щупленький, очень ядовитый человек.

Мне выдали костюм, ботинки, зэковский чепчик, нижнее белье, кружку и ложку, а также матрасовку и наволочку. Бригадир указал место в бараке и велел набить матрасовку и наволочку соломой. Потом выдали еще одну наволочку, простыню, одеяло и полотенце — это все богатство, которым обладает заключенный. Затем нас повели в баню, где мы сдали свою одежду на хранение и оделись в новую форму.

На ужин повели строем. Я получил черпачок каши, кружку кипятка без сахара и двести грамм хлеба.

Бригадир со своими друзьями обычно сидел во главе стола, им подавали особо. Это люди, которые ели то, что получше, и не работали, за них должны работать другие заключенные. Так во всех отрядах и во всех бригадах.

Садиться за стол заключенные должны по команде и вставать также. Поэтому у меня бывали проблемы из-за молитвы. Если я не садился вовремя, бригадир мог подойти сзади, ударить кулаком по голове и крикнуть: «Садись!»

После ужина мне велели зайти в кабинет отрядного.

— Знакомясь с твоим делом, я узнал, что ты руководитель общины, — сказал отрядный, — Вы боретесь, чтобы в вашем обществе не было воров, хулиганов, обидчиков. Это хорошо. Мы тоже боремся против этого, поэтому у нас в зоне есть разные секции: молодежная, внутреннего порядка, коллектив отряда и другие. Члены секции носят повязки, отличающие их занятие. Кто активно трудится, тех освобождаем досрочно.

— Мы действительно боремся против зла, — подтвердил я, — За активное участие в этом деле меня как раз и наказали. У нас в этом неплохой успех.

— Отлично!— оживился отрядный, — Здесь тебя никто за это не накажет!

— У нас разные средства борьбы, и христианские методы вы не разрешите применить.

— Как вы достигаете успеха?— все же поинтересовался отрядный.

— Нарушающему порядок надо пояснить, что он делает зло и это приведет его к несчастью. Ему надо указать на Иисуса Христа, Который прощает грехи и

изменяет сердце тех, кто обращается к Богу с молитвой покаяния. Для такой работы среди заключенных нужна Библия.

— Еще чего не хватало! — вскипел отрядный.

Он позвал бригадира и велел поставить меня на самую тяжелую работу.

— Пойдешь на разделку леса, заготавливать дрова, — сказал бригадир.

Утром, после завтрака, нас построили и повели в промзону. Там, возле больших металлических ворот надзиратели пересчитали всех по пятеркам, и бригадир повел на место работы. Мне дали в помощь человека, выдали кувалду, три металлических клина, пилу поперечную и колун. Бригадир показал бревна диаметром около трех метров и сказал, чтобы к вечеру нарубили десять складометров. То есть нам надо было сложить поленницу — метр ширины, метр высоты и десять метров длины. У меня мурашки по спине пробежали: как расколоть такие бревна?

На Кавказе есть леса, где растет дуб, граб, бук и другие деревья твердой породы. Комели этих деревьев ни одна организация не брала — не было таких пилорам, чтобы их распиливать. Зона получала этот лес бесплатно. Здесь его разделывали на дрова и продавали населению. За счет этого зона жила.

Чтобы справиться с делом, мне приходилось влезать на лестницу и раскалывать бревно клиньями. Когда металлических клиньев не хватало, загоняли в трещины деревянные. Расколов бревно на шесть-восемь частей, пилили его, а потом кололи на дрова. Труд тяжелый. Я думал, что не выдержу. К счастью, в зоне было немало братьев, и они поддерживали меня.

Здесь отбывали свой срок два брата из Тимашевска: Даниил Ковалев и Володя Чепиков. Они плели авоськи. Братья Григорий Иванович Землянко из Апшеронска и Анатолий Иванович Константиниди из Нефтегорска ходили в поле собирать сорго и, бывало, вязали из него веники. Был еще благовестник Володя Кукарцев из Новороссийска, а также Павел Денисович Куница — служитель из станицы Елизаветинской. Он работал в зоне электриком и пользовался уважением. Может, из-за его больших рыжих усов, которые придавали ему представительный вид, все, даже начальство, думали, что он наш главарь. Этот брат поддерживал меня питанием. У него работа была не тяжелая, и после обеда он часто отрезал половину пайки (как электрик, он имел право пользоваться ножом), разрезал ее пополам, поджаривал намного в электродуховке и приносил мне. Я, бывало, откушу и держу во рту — жаль проглотить, так вкусно! Заключенные не имеют права посещать друг друга, но Павел Денисович, как электрик, мог ходить по всей зоне.

По воскресеньям, когда зона отдыхала, у нас была возможность встречаться где-нибудь за бараком или на плацу.

Работа была мне не под силу. Порой мне казалось, что желудок прикасается к позвоночнику. Я едва справлялся с нормой, и то благодаря тому кусочку хлеба, который получал от дорогого брата.

Однажды во время работы у меня выскочил клин. Он упал мне на ногу, рассек кирзовый сапог и травмировал пальцы. Санчасть освободила меня от работы на несколько дней, и это послужило хорошим физическим подкреплением. Выйдя на работу, я

заметил, что начальник цеха ширпотреба — гражданский человек — часами стоит возле нас и наблюдает, как мы работаем. Я подумал, что его поставили надзирателем, но ошибся.

Как-то он подошел ко мне во время передышки и, улыбаясь, заметил, не в лесу ли я вырос, что так хорошо работаю с деревьями. Потом он спросил, не хотел бы я перейти к нему сбивать ящики? Я сказал, что меня специально поставили на такую трудоемкую работу. Но он заверил, что при моем согласии завтра буду работать на ящиках. (Наша бригада частично работала на дровах и частично на ящиках.)

Утром бригадир сказал, чтобы я шел сбивать ящики. Здесь тоже были завышенные нормы — помидорных ящиков нужно было сбить 74 штуки, огуречных и яблочных — 48. Первые два дня у меня не получалось сдавать норму. Тогда я стал наблюдать, как делают другие, и Господь дал успех.

Каждую пятницу нас водили в красный уголок на политзанятия. Там рассказывали о гуманных законах, о справедливости, о том, что ни в одной капиталистической стране заключенные не пользуются такими большими правами, как у нас, — мы имеем право на труд на отдых, на образование. Тому, кто выполнял норму, платили 2 рубля 40 копеек в день. Половину этих денег забирал начальник зоны для обслуживающего персонала, для охранников. Если бы нас, мол, не охраняли, то наши обидчики или пострадавшие давно бы уже отомстили нам и убили, а здесь проявляется к нам такая гуманность.

Несмотря на то, что эти речи произносились довольно часто, верить им было просто невозможно. Ведь картина жизни заключенного выглядела

совершенно иначе! У большинства осужденных не было заработанных денег, чтобы отовариваться. В 60-е годы на общем режиме можно было отовариваться в месяц на десять рублей.

Мы имели право на отдых, но нас могли даже ночью поднять, выгнать на улицу и часами пересчитывать, пока не сойдется количество заключенных. В выходной тоже старались найти какое-нибудь занятие, чтобы только не дать отдохнуть.

Заключенный имеет право на образование. А кому меньше сорока лет, тот даже обязан учиться, если не закончил восемь классов. Я попал под эту графу, так как закончил только один класс полностью, а частично дошел до пятого. Теперь я должен был учиться.

Общеобразовательная школа в зоне выглядит мрачно. На занятиях один пишет письмо, другой читает роман, кто-то плетет авоську, чтобы завтра сделать норму, а кто-то спит, похрапывая. Учительница просит хотя бы не храпеть — спать можно. Она может рассказать, как у них окотилась кошка или еще что-нибудь в этом роде. Правда, были и добросовестные учителя, но редко.

Как-то завуч спросила меня на уроке:

— Вы верите, что человека сотворил Бог?

— Верю, — ответил я.

— А что Бог сотворил Еву из ребра Адама?

— Верю.

— Это же абсурд! — воскликнула она. — Как вы, такой разумный мужчина, можете верить небылицам?! Мы с мужем не раз считали друг у друга ребра и нашли, что у нас одинаковое количество, а по Библии у мужчины должно быть на одно ребро меньше!

Я рассмеялся и рассказал про одного мужчину, которому на фронте оторвало ногу. После войны он женился и у них родились дети все с двумя ногами.

— И правда! — удивленно воскликнула завуч.

И все же это не помогло ей поверить в Бога.

К счастью, почти сразу после моего прибытия начальника зоны Пимкина перевели в зону строгого режима, а вместо него поставили старшего лейтенанта Никифорова. Его помощником по режимной части был майор Влестков — единственный человек, которого боялась вся зона. Замполит был на звездочку выше старшего лейтенанта, очень грузный, неуклюжий человек. Из-за назойливости его недолюбливали. Начальник был строг, но справедлив. Он требовал, чтобы делали норму и соблюдали режим содержания.

Как-то вечером, в воскресенье, все ушли смотреть кино, а мы, братья, стояли полукругом в конце барака и беседовали. С нами был юноша, сын генерала, получивший пятнадцать лет сроку. Он по характеру был гордым, своевольным человеком, но к нам, на удивление, расположился и с удовольствием слушал о Боге.

Неожиданно к нам подошел заключенный с повязкой на руке (член секции внутреннего порядка) и велел мне, Кунице и Константиниди срочно явиться к ДПНК (дежурный помощник начальника колонии).

Когда мы вошли, ДПНК по кличке «Блокнот» встретил нас с улыбкой. Он всегда ходил с блокнотом, вылавливая нарушителей. После вечерней проверки он зачитывал фамилии и определял — кого в изолятор, кого во дворик на ночь, это была его пища.

— Ну что, святые отцы, вам хочется пострадать за веру? — спросил ДПНК насмешливо. — Снимите теплое белье, шерстяные носки, телогрейку, ремень, выньте шнурки из ботинок, и я поведу вас в «шоколадный домик».

— За какое нарушение? — спросил Павел Денисович.

— Будете знать, как вербовать других, — злорадно сказал он.

Оказывается, нас обвинили в агитации молодого человека, который любил слушать беседы о Боге.

Дежурный повел нас в штрафной изолятор и закрыл в расположенные рядом камеры-одиночки. Длина камеры два с половиной метра, ширина — один метр. Нары, представляющие собой металлическую полку на шарнирах, в этой камере закрывали на замок и открывали только на ночь, после отбоя. Клали их на бетонный столбик, стоящий посредине камеры. Днем на этом столбике можно было сидеть. Из высокого узкого окна дул холодный ветер. Заткнуть его было нечем, пришлось терпеть холод. Мы с братьями могли перекрикиваться, ничего не боясь, так как большего наказания, чем штрафной изолятор, не существовало.

Спустя некоторое время мы запели. Дежурный велел замолчать, но заключенные просили продолжать пение. Пели в три голоса и на трех языках: Анатолий Иванович Константиниди — дискантом, по-русски, я — тенором, по-немецки, а Павел Денисович Куница — басом, по- украински. Заключенные изумлялись.

В одиннадцать часов отстегнули нары и объявили отбой. Уставший, я быстро заснул, хотя нары были слишком холодные. Проснулся от крика Анатолия

Ивановича. Он умолял начальника перевести его в общую камеру. Павел Денисович тоже не спал, слышно было, как он прыгал, чтобы согреться. Равным образом и у меня зуб на зуб не попадал. Я начал прыгать, но быстро устал, а согреться так и не получилось.

Дежурный несколько раз подходил к моим дверям и, заглядывая в волчок, спрашивал:

— Не спится?

Я делал вид, будто не слышу. Но он вдруг открыл дверь и перевел меня в другую камеру. Там спало человек пятнадцать. Камера — сплошные нары, только впереди метровый проход.

В камере было тепло, хотя воздух довольно тяжелый. Я мысленно помолился, протиснулся между двумя заключенными и скоро согрелся. Еще долго слышался вопль Анатолия Ивановича, и я думал: почему меня перевели, а брат так умоляет, и его будто не слышат? Позже братьев все-таки привели в мою камеру.

Утром нас перевели в рабочую камеру, дали кусочек хлеба и чашку кипятка. Здесь мы должны были делать щетки из усиков сорго. Норма — двадцать одна щетка, но мы, конечно, не успевали их делать. Блатные просили нас петь и не заботиться о норме — ее сделают другие. Но мы такую услугу отклонили, работая своими руками. При этом много пели, рассказывали о Боге. Заключенные не могли понять, за что нас, святых отцов, водворили в изолятор.

Постановление о ШИЗО нам не зачитывали, и на пятые сутки выпустили Павла Денисовича, на

восьмые — меня, а на десятые — Анатолия Ивановича.

После, когда мы уже влились в лагерный режим, блатные, с которыми познакомились в ШИЗО, были нашими лучшими защитниками.

В зоне принято на праздники, а особенно на религиозные, проводить антирелигиозные лекции. Замполит не всегда мог это сделать и пользовался заключенными. Среди них тоже бывают образованные — учителя, директора училищ, а то и высших заведений. В то время в лагерь прибыл из Сочи директор пионерского лагеря. Замполит сагитировал его приготовить антирелигиозную лекцию ко дню Пасхи. В отряде, где находился этот осужденный, был один из отрицаловки — низкий ростом, очень проворный человек, с ним нам пришлось побывать в изоляторе. Он увидел, что директор после работы исследует антирелигиозную литературу, и спросил:

— Чем это ты решил заниматься?

Тот чистосердечно рассказал, что замполит дал ему нагрузку. Тогда этот блатной стал ему объяснять, что знает нас.

— Это смертники, они не боятся ни воды, ни огня, я побывал с ними в «шоколадном домике». Если хочешь увидеть свою жену и детей, — предупредил он, — будь осторожен. Узнав, что ты готовишься выступать против них, они тебя угрохают...

Таким образом блатной нагнал на директора страху, и тот отнес замполиту книги и отказался читать лекцию. Поскольку до Пасхи оставались считанные дни, замполит ничего не смог придумать, и в праздник даже не явился в лагерь.

На Пасху был теплый солнечный день. Высшее начальство занималось своими делами, и в лагере оставался только ДПНК с надзирателями. Мы с братьями по двое прогуливались на плацу. Я ходил с Павлом Денисовичем. Плац кишел заключенными. И вдруг перед нами вынырнул парень из отрицаловки:

— Как нравится вам праздничная обстановка?

— Прекрасно! — ответил Павел Денисович.

— Благодаря моему чуткому руководству, — улыбнулся он.

— Замполита нет, вот и спокойно, — сказал я.

Тогда он стал рассказывать, как ему удалось сорвать лекцию. Нас это рассмешило, но не обрадовало. Я лишь после этого стал понимать, почему директор пионерлагеря стал избегать нас.

Позже наши отношения все же наладились. Но директор поднимался в глазах администрации. Сперва он стал председателем СКО (секция коллектива отрядов), а потом СКК (секция коллектива колонии). Нам он не вредил. Разве только присвоил себе мою шариковую ручку, которую я получил из Канады (здесь таких еще не было). Я сказал работнику оперчасти, что у меня исчезла шариковая ручка — подарок от отца, и на следующее утро ручка была у меня.

В изготовлении ящиков у меня не было проблем. Норму я не только выполнял, но и перевыполнял. На моем лицевом счету появились деньги, и я мог отовариваться в ларьке.

Начальник цеха ширпотреба был неравнодушен к нам. Как-то он предложил мне работать приемщиком — в конце смены принимать у рабочих готовые ящики и не пропускать брак. Я отказался, потому что в лагере в основном все бракоделы, а

наживать врагов мне совсем не хотелось. Однако начальник заверял, что все будет хорошо. Он поговорил с бригадиром и с бригадой, и те согласились, чтобы меня поставили приемщиком.

— Как будете относиться ко мне, когда забракую ваши ящики? — спросил я у заключенных.

Они обещали, что постараются не делать брак.

— В таком случае я тоже отвечу вам добром, — сказал я. — В свободное время буду сбивать ящики, и кто не успеет выполнить норму, постараюсь покрыть недостаток.

Недолго пришлось мне работать приемщиком. Благодарю Бога, что не было ни одного конфликта с заключенными, чего я очень боялся.

Начальник взял меня и еще трех братьев к себе на склад в ОТК. Мы должны были принимать продукцию и упаковывать для отправки. Работа не тяжелая, но ответственная. Здесь мы получали оклад, и на счету у нас всегда были деньги. Работая, мы часто рассуждали о судьбе Иосифа, Даниила и его друзей. Нелегкая была у них доля, но они боялись Бога, хранили себя от осквернения, и Бог был с ними. Эти библейские образы укрепляли нас, и мы тоже старались хранить себя от зла и греха.

Как-то прибыл этап, и мне сообщили, что привезли председателя райисполкома из нашей станицы. Я знал этого человека — на административных комиссиях, куда меня нередко вызывали за проведение богослужений, он играл не последнюю роль. Председателю дали срок за аварию — сел за руль в нетрезвом состоянии и сбил человека. В лагере его поставили собирать усики сорго. Это не тяжелая, но довольно нудная работа —

ровно отрезать кончики готовых веников и связывать их в пучки.

И вот этот грузный мужчина стоит в очереди, чтобы сдать мне свою дневную норму. Я наблюдал за ним, и мне казалось, он готов провалиться сквозь землю. Мне пришлось указать ему на брак и помочь исправить его. Больше этот человек не подходил ко мне. Видно, попросился на другую работу.

В лагере был участок земли около двух соток, который служил штрафплощадкой. Провинившихся заключенных заставляли там работать — копать, полоть, что-то сеять, в общем, — ухаживать за землей и растениями. Бывало, среди лета загоняли туда провинившихся, а они от злости пололи все — и траву, и цветы. За это их сажали в изолятор, а в цветник посылали других заключенных.

Наблюдая за этим, я пошел к начальнику лагеря и попросил:

— Позвольте мне в свободное время заниматься цветами на штрафплощадке.

Он посмотрел на меня с недоумением:

— Это по части замполита.

Замполит, в ответ на мою просьбу, спросил:

— Что для этого нужно?

— Разрешите жене привезти семена, и все!

Замполит велел срочно написать Талите письмо и сам отправил его.

Талита от радости не только в церкви сказала об этом, но и написала родным в Канаду. На Пасху она приехала ко мне, привезла семена и продукты. Мне дали краткосрочное свидание. Оперативник вначале разрешил взять только семена. Но потом все же принял все, что привезла Талита к празднику.

Так у меня появился новый вид занятия. Увидев мое усердие, начальство перевело дневальным — убирать в жилой зоне, где находились бесконвойные. Братья не одобряли моей затеи с цветами. Они считали, что в этом месте нужно сеять только полынь и крапиву. Но я хотел делать добро и среди злых, негодных людей, не смягчится ли их жестокое сердце?

Убирать за заключенными мне было не в тягость, я делал все с любовью, и секция скоро преобразилась. Цветы начали расцветать и радовать глаз. Многие из вольнонаемных приходили любоваться цветником. Нередко приходили ко мне за букетом. Самовольно резать цветы начальник лагеря строго запретил.

Цветы приносили мне благословение — я не ходил на политзанятия и на разные другие мероприятия. Начальство было расположено ко мне.

Однажды всех заключенных выгнали на летнюю эстраду для какого-то мероприятия. Мы с братьями собрались отдельно на свое общение. Вдруг пришел на зону майор Влестков, которого все боялись, и направился прямо к нам. После короткого разговора он сказал:

— Я знаю, что вас все это, — он кивнул на эстраду, — не интересует. Классен, отведи своих друзей в цветник, полежите там на травке.

Мы с трудом поверили в то, что услышали. Такого нельзя было ожидать, причем от заместителя начальника лагеря.

Один раз он вызвал меня к себе в кабинет:

— На твое имя пришла бандероль из Канады. Напиши, чтобы этого больше не делали, а то меня скоро уберут отсюда.

Бандероль мне, конечно, не отдали, но за цветами я продолжал ухаживать.

Наш отряд работал за зоной — на ферме, на птицеферме, В саду и огороде. Многие заключенные были расположены ко мне, старались что-нибудь принести с работы, хотя это и запрещалось. При обыске, когда обнаруживали бутылку молока, яйца или что-то из фруктов и овощей, говорили, что это для цветовода, и конвоиры в основном пропускали, потому что сами нередко приходили за цветами. Таким образом вечерами мы с братьями могли немного пировать.

Как-то начальник лагеря вызвал и сообщил, что переводит меня в хлеборезку. Меня туда не влекло, но я вспомнил Иосифа — его тоже не влекло в Египет, а Бог и там был с ним. Начальник объяснил причину: хлебовоз завозит в лагерь алкоголь и другие запрещенные вещи, и, если там будет работать верующий, нарушения исчезнут. Он пояснил, что моя обязанность — резать хлеб строго по пайкам и развешивать сахар по двадцать грамм на человека. Я сказал, что не смогу там работать, так как туда идут пить чай и из санчасти, и дежурные, и даже надзиратели, и мне, чтобы накормить их, надо обвешивать заключенных. Начальник пообещал, что этого не будет, а излишком хлеба разрешил распоряжаться по своему усмотрению. Излишки получались за счет освобождающихся. Они должны получать трехсуточный паек, но очень редко кто приходил за этим пайком.

Так я стал хлеборезом. Заключенные в основном оставались благодарными, особенно те отряды, которые были на тяжелых работах. Я часто мог давать

им дополнительно по полпайки. Крутые ко мне не подходили, вольнонаемные тоже. Я точно знал, сколько людей в лагере, и каждый день должен был писать приход и расход. Меня могли в любое время проверить, и концы с концами должны сходиться.

Больше года я делил хлеб по пайкам. Замечаний не было, но морально сильно уставал. Заключенные часто приходили просить больше, чем я мог дать, и мне очень хотелось освободиться от этой работы. Хотя сам я был сыт и пользовался уважением всего пищеблока. Начальство тоже относилось ко мне не так, как ко всем.

Как-то во время проверки я попросил начальника перевести меня на другую работу.

— Только через штрафной изолятор, — сказал он.

— Хорошо, посадите на пятнадцать суток и переведите на любую работу.

— Сделай нарушение, посадим.

Проверка давно кончилась, а мы все еще рядились. Наконец я сказал:

— Гражданин начальник, что вы так ухватились за меня? Ведь я в ваших глазах такой же преступник, как все остальные! Пожалуйста, уберите меня из хлеборезки!

Он похлопал меня по плечу и говорит:

— Вы такие же преступники, как все? Подойдем поближе к этому стенду, — кивнул он на «галерею святых».

— Да я каждый день смотрю на него! — засмеялся я.

Мы стояли неподалеку от щита, на котором висело около десяти фотографий верующих разных деноминаций, отбывающих срок в этом лагере.

— Я покажу тебе то, чего ты не заметил. Посмотри: все вы сидите в костюмах, в белых рубашках, да еще в галстуках, все такие дородные. А теперь посмотри на доску почета, где фотографии ударников висят. Они в арестантских робах, исхудалые — нос да уши торчат, а ты говоришь равные!

Возразить было нечего.

И все же пришло время и меня освободили от этой работы.

Приближалась половина срока, и начальник предложил нам через лагерный суд пойти на стройки народного хозяйства. Мы сразу сказали, что нас не пропустят даже через суд. Но он настаивал, утверждая, что на суде нам ничего не придется говорить, все скажет администратор — лучший начальник отряда.

Итак, приехал суд. Первым вызвали Григория Ивановича Землянко.

— Вы свою вину осознали? — спросил судья.

— Да, — ответил начальник отряда, — он добросовестным трудом и примерным поведением оправдал свою вину, и администрация предоставила его на стройки народного хозяйства.

— Мы спрашиваем у подсудимого, — заметил прокурор. — Вы осознали свою вину?

— А какая у меня вина? — спросил Григорий Иванович.

— Вас судили за активную религиозную деятельность. Вы под видом религии посягали на права граждан, а также нарушали закон об отделении церкви от государства и школы от церкви.

— Я не вижу себя виновным в этом.

— Можете быть свободным.

Следующим вошел я. Мне очень хотелось на свободу. Я знал, что Талита приедет ко мне хоть куда, но очень боялся сказать неправду.

— Осужденный Классен, как вы считаете, народный суд правильно осудил вас?

— Да.

— Так вы уже осознали свою вину?

— В чем конкретно?

— Вы сказали, что вас правильно осудили, значит, была вина. Вы ее осознали?

— Правильно с точки зрения Библии. В ней написано, что нас будут судить, презирать, обвинять, ненавидеть за имя Господа Иисуса Христа.

— Иди, досиживай срок! — оборвал меня судья.

Последним предстал Даниил Ковалев.

— Вы признаете себя виновным в нарушении советских законов?

— Я христианин, а советский закон противоречит христианскому, поэтому приходится его нарушать, так как хочется оставаться христианином!

— Подсудимый Ковалев, если вы, исполняя христианский закон, будете нарушать советский, вам придется здесь сгнить!

— Пусть я сгнию в неволе, но закону Божьему не предпочту советский.

— За неуважение к советскому закону — пятнадцать суток ШИЗО! — произнес судья.

Даниила отвели в изолятор.

На этом наш праздник закончился. Суд уехал. Мы и не ожидали лучшего, но лагерная администрация нас обнадежила.

Начальника лагеря не было во время суда, но ему все доложили. Приехав на зону, он сразу отправился в штрафной изолятор и вызвал осужденного Ковалева.

— Расскажи, как случилось, что ты попал в штрафной изолятор, — попросил начальник.

Брат чистосердечно рассказал.

— Хотел вывести вас на свободу, но не удалось, — задумчиво произнес начальник. — Однако здесь я хозяин, собирайся на зону!

После всего этого начальник еще лучше стал относиться к нам. Почти всех братьев он отпустил на бесконвойку.

Павел Денисович работал старшим электриком в поселке и в лагере. Он мог в любое время выйти из зоны, если это нужно было. Володя Чепиков стал фотографом, тоже на бесконвойке. Меня поставили кочегаром на ферме, а Володю Кукарцева — банщиком в гражданской бане.

Очередным этапом пришел на зону Ваня Талалуев из Елизаветинской церкви. Он благодарил меня за цадпись, оставленную в краснодарской тюрьме. Слова Христа ободрили и укрепили его именно в тот момент, когда он особенно нуждался в этом.

Весной, когда кончился отопительный сезон, меня отправили на ферму. Перед обедом обычно привозили для свиней обрат. Мы старались отлить себе поллитра в банку и где-то спрятать, чтобы в обед, когда привезут из зоны еду, поесть кашу с этим молоком. Но надзиратели приходили как раз перед обедом, и если находили наши банки, разбивали их и ругали нас, что поедаем корм, потому свиньи такие тощие.

Когда Володя Кукарцев освободился, меня поставили на его место. Работа банщика мне понравилась. Я попросил у начальника штакетник и поставил вокруг бани ограду, посадил цветы. У входа с одной стороны посадил плакучую иву, а с другой поставил пирамиду — закопал трехметровую трубу, внизу положил большое колесо от граблей, а вверху — от велосипеда, натянул проволоку и посеял вокруг вьюнок.

Баня стояла метров пятьсот от поселка, и добраться до нее после дождя было очень трудно из-за грязи. Я попросил у начальника бракованных кровельных плит и с помощью заключенных проложил до бани тротуар, по обе стороны которого посадил пирамидальные тополя. Получилась красивая аллея. Эта работа позволила мне с утра до одиннадцати вечера находиться за зоной. Я мог там пользоваться Евангелием.

Летом баня выглядела сказочным домиком. Мне очень хотелось, чтобы люди, наслаждаясь красотой и уютом, вспоминали о Боге, о том, что здесь работал верующий человек, который свидетельствовал им о любви Божьей и о спасении в Иисусе Христе.

В свободное время я выпиливал из березы подошвы самых разных размеров. А потом попросил гвозди, набил поперек ремни и получились хорошие банные шлепанцы. Решил сделать и для замполита, и если всем делал из дюймовки, то замполиту — из пятидесятки. Заключенные говорили: «Смотри, накажет!». Но когда я поставил их рядом с другими, он сразу спросил с улыбкой:

— Это для меня?

Я получил искреннюю благодарность.

Вольнонаемные работники лагеря уважали меня и часто хотели чем-нибудь благодарить, хотя это строго наказывалось как связь с заключенными. Перед баней стояла колонка, и люди приходили сюда за водой. Бывало, поставлю там пустое ведро, а они принесут что-то в ведре, свое оставят, а в мое наберут воды и уйдут.

Больше года проработал я в бане. Иногда здесь мылись и мои братья. Начальник, помывшись, каждый раз благодарил за приятную баню.

Иногда начальник лагеря с женой и детьми уезжал к родителям в Армавир. Тогда он давал распоряжение, чтобы я и Коля Данильченко (пресвитер Кропоткинской церкви, пришел на зону одним из последних) присматривали за его хозяйством. Обычно он оставлял дома старшую дочь, лет семнадцати, а она приглашала к себе подругу — дочь инженера.

Однажды мы сидели у них во дворе под тутовником и обедали, а девочки стали есть ягоды с дерева. Коля, не зная, как рассказать им что-то о Боге, спрашивает меня:

— Рудольф Давидович, ты слыхал когда-нибудь рассказ про Варфоломейку?

— Расскажи, — попросил я.

Девочки забыли про свои ягоды и слушали увлекательный рассказ о том, как два мальчика, родители которых тщательно оберегали их от того, чтобы они ничего не знали о Боге, все же услышали удивительную весть. Варфоломейка, приехавший в деревню на каникулы, собирал детей на лесной поляне и рассказывал им о Боге. Однажды мальчики случайно попали на это собрание и потом тайком от

родителей стали каждый день убегать в лес, чтобы послушать Варфоломейку.

Девочки сидели возле нас, пока Коля не закончил словами:

— Родители хотели уберечь своих детей, чтобы они ничего не узнали о Боге, а они таким чудным образом услышали библейские истины.

Девочки поняли, что это сказано в их адрес, рассмеялись и убежали со двора. А мы радовались, что хоть немного рассказали им о Боге, сотворившем небо и землю.

Мой срок подходил к концу. Настал день, когда я последний раз протопил баню. Пришел начальник лагеря. Вволю напарившись, он вышел в предбанник и сел у окна.

— Классен, не будь ты заключенным, не отпустил бы тебя, — сказал он, глядя на тополевую аллею, — Ты оставляешь добрую память о себе...

Мне было приятно и в то же время печально — очень хотелось оставить добрую память о Христе, а не о себе.

НА СВОБОДЕ

28 июня 1973 года я распрощался с братьями. В лагере их осталось двое. Ударили в рельс, оповещая о конце проверки, и я со своим небольшим сидором пошел на свободу.

За воротами лагеря меня ждала Талита с цветами. Она приехала на «Волге» — в то время редкая машина. Водителем был наш односельчанин, тоже верующий, но на собрания не ходил. Он был очень расположен к нам. Я переоделся, и мы отправились в Тбилисскую.

Трудно описать чувства, переполнявшие мое сердце. Свобода, общение с подругой жизни, предвкушение встречи с церковью — все смешалось в одно целое, и сердце мое трепетало.

Как только машина остановилась напротив нашего дома, сбежались люди. Соседи, даже неверующие, встречали с радушием. Мы провели радостное общение, прославляя Бога за услышанные молитвы, за покровительство и благословения. Мы и впредь хотели идти узким, евангельским путем, несмотря на то, что некоторые Паши друзья избрали путь полегче.

Я опять устроился на семзавод хотя чувствовалось, что мне здесь не очень рады.

Несколько богослужений прошло спокойно, а потом почти на каждое собрание приходили представители власти. Они переписывали нас и штрафовали, разгоняли и принимали все меры, чтобы уничтожить веру в Бога.

Прошел почти год, и мы получили весточку, что родители Талиты, особенно мама, в тяжелом состоянии. В церкви к этому времени многие стали уезжать из-за невозможности спокойно проводить богослужения. Из регистрированной общины пришел один брат и предупредил меня, что я несу ответственность за церковь, чтобы ввести ее под регистрацию. Он принес «Братский вестник» (печатный орган ВСЕХБ) и, показывая фотографию, на которой наши выехавшие братья — Абрам Петрович и Иван Яковлевич — сидят в регистрированной церкви в первом ряду, сказал:

— Ваши орлы поступили точно как мы!

Но я отказался от такого пути, желая лучше страдать, чем преступать Христовы заповеди.

Мои братья и сестры потихоньку уезжали. Кому-то еще в те дни удалось уехать в Германию. Большинство уехали в Прибалтику, а оттуда в Германию. Мы решили вернуться в Караганду. Пришлось расставаться с уютным домиком и хорошим садом. Взяв небольшой контейнер, мы погрузили самое основное. Талита заплакала — жалко оставлять нажитое с большим трудом.

СНОВА В КАРАГАНДЕ

В конце июня 1974 года мы прибыли в Караганду. Прошло одиннадцать долгих лет. За это время многое изменилось. Мой дядя Отто Петрович Вибе умер загадочной смертью еще в 1964 году. Мама в 1966 году уехала в

Канаду на соединение с отцом. Служитель церкви, которого совсем недавно рукоположили, умер от рака мозга. Мой брат Давид, освободившись из заключения, тоже уехал с семьей в ФРГ. Талитина мама заболела водянкой.

Узнав, что неподалеку от нашего Альберта продается дом, мы решили посмотреть его.

Молодые супруги на наш вопрос, продают ли они дом и сколько хотят за него, весело сказали:

— За сколько купили, за столько и продаем. Вот шифоньер и сервант были здесь, все вместе четыре тысячи триста рублей.

На Кубани мы продали свой домик за пять с половиной тысяч, поэтому цена нас устраивала. Но...

— Что же мы будем делать с таким большим домом? — спросил я у Талиты. — Мне придется по полдня искать тебя по комнатам!

Взглянув на меня, хозяйка дома вдруг спросила:

— А вы разве не баптисты?

— Баптисты.

— Вот и будете проводить у себя собрания!

«Раз “ослица заговорила", наверное, надо брать», — подумал я.

Мы зашли к Альберту, рассказали свои впечатления и купили этот дом.

Я устроился грузчиком на овощной базе. Присоединились мы к церкви, состоящей из одних немцев. Здесь был брат, рукоположенный на пресвитерское служение. Он тоже приехал с Кубани, из небольшого села, где была группа верующих. Руководить большой общиной он не брался, поэтому я принял церковь, хотя у меня тоже опыта было немного. Помогала в деле служения любовь к Богу и к святым.

Шахтерский поселок Курьяновский, где мы приобрели себе жилище, располагался недалеко от Нового Майкудука. В поселке жило много верующих, преимущественно немцев, но не все принадлежали к нашей церкви.

В Караганде было три баптистских общины — Копайская, принадлежащая ВСЕХБ, община братских меннонитов и наша. В первых двух было где-то по тысяче членов.

Братские меннониты неоднократно ездили в Москву и выпросили себе, как они свидетельствовали, автономную регистрацию. Но по жизни было видно, что они не свободны и должны исполнять

Законодательство о религиозных культах. Посещая их, наши братья попросили посмотреть документ, на основании которого их зарегистрировали. В этой бумаге черным по белому было написано: «С Законодательством о религиозных культах ознакомлены и обязуемся исполнять». Как же можно было исполнять законодательство, только один параграф которого гласил: «Верующие не имеют права на кассу взаимопомощи, не имеют права оказывать материальную помощь своим членам, организовывать рукодельнические женские и мужские кружки, молитвенные кружки, детские площадки, создавать библиотеки и читальные комнаты...»?! Я однозначно понимал, что исполнять этот закон — преступно.

Наша церковь была самая малочисленная — около ста семидесяти членов. Правда, была еще одна группа баптистов, которая официально принадлежала Совету церквей. Мы почему-то долго опасались такой принадлежности, хотя с деятельностью этого союза полностью соглашались.

В нашей общине велась большая работа с детьми. Сначала это были только наши дети. Потом стали приходить родители из других церквей и просить, чтобы мы приняли и их детей. Таким образом большинство детей из всех общин стали посещать наши собрания. Также и молодежь. Они здесь каялись, потом принимали крещение и становились членами нашей церкви. Это не всем родителям нравилось, и многие стали звать обращенных детей в свою общину.

Занятия с детьми и молодежью мы проводили по программе братства Совета церквей. Церковная жизнь

тоже строилась, как и в братстве СЦ. Наши служители не только посещали межобластные совещания, но и охотно участвовали в труде. Все пожертвования от нашей церкви передавались братству, и жертвовали усердно, доброхотно. Церковь не раз посещали благословенные труженики на ниве Божьей: П. Ф. Захаров, М. П. Кондрашов, К. К. Крекер, Н. А. Крекер, Н. Г. Батурин, И. Я. Антонов, Я. Е. Иващенко, Д. А. Пивнев, Б. Я. Шмидт, Н. П. Храпов и многие другие.

На одном из братских совещаний в 1975 году меня избрали членом Среднеазиатского совета, и церковь дала на это свое согласие и благословение. Я любил моих братьев и посвятил немало времени посещению церквей и групп, особенно где не было служителей. В нашей церкви был еще один пресвитер, а также дьякон и много проповедников, так что я мог ездить по окрестным общинам и служить народу Божьему.

Работал я на плодоовощной базе грузчиком. Потом поставили бригадиром, хотя я упирался, мотивируя тем, что обманывать не могу, а от этого будет страдать бригада — сразу снизится заработок. Работники планового отдела посовещались с директором и пообещали, что сами будут вести документацию, а я должен только руководить бригадой и работать. На это я согласился, и мне пришлось увидеть очень много лукавства и фальши. Действительно, «сыны века сего догадливее сынов света в своем роде».

Когда на базу стали привозить алкогольные напитки, я категорически отказался выгружать их. Начальство снисходило ко мне и советовало посылать туда других рабочих, а самому разгружать машины с фруктами. Но ребята не успевали разгрузить и

полвагона, как падали пьяными, и их приходилось заменять. Такого положения я не мог терпеть и уволился.

Недалеко от поселка располагался детский психиатрический диспансер, и Я устроился туда кочегаром. Завхоз — Мария Александровна — быстро расположилась ко мне, так как я в свое дежурство старался отремонтировать какую-нибудь мебель, а также качели на игровой площадке и другие вещи. Работа мне нравилась — здесь было много времени для чтения Библии и другой литературы. Я мог отпрашиваться на несколько дней — попрошу сменщика отдежурить за меня смену, и неделю свободен, потому что работали сутки через трое. В воскресенье за меня обычно кто-то дежурил, а я или дежурил вместо него среди недели, или платил за смену. Летом можно было брать отпуск без содержания и совершать дальние поездки.

Ежегодно к церкви присоединялись новые души, в основном дети верующих родителей. Один раз в год мы со всей молодежью выезжали за двести километров в Каркаралинск — там были красивые скалистые горы и леса.

Духовное состояние молодежи меня не радовало, хотелось лучшего. Например, выезжая на лоно природы для духовного общения, они охотно играли в мяч, и для некоторых он становился просто идолом. Библию могли забыть дома, а мяч не забывали. Внешний вид молодежи тоже свидетельствовал о низком духовном уровне. Много приходилось в то время скорбеть и вопиять к Богу о милости.

ТРУД И СТРАДАНИЯ

В середине семидесятых годов, на одном из общений ко мне подошел служитель Алма-Атинской церкви.

— Как у вас дела с немецкими песенниками? — спросил он.

— Плохо, — сказал я. — И Библии, и песенники — большой дефицит.

У нас завязался разговор. Этот брат сказал, что есть возможность получить достаточно песенников. Он предложил мне закупить как можно больше писчей бумаги в пачках и найти надежный дом.

— Когда у вас все будет готово, сообщите, — просто сказал он. — Пригласим друзей, они напечатают, сколько вам нужно, а остальное распределят по другим церквам.

У меня загорелось сердце. С церковью обсуждать это дело нельзя было. Один молодой брат по-особому внушал доверие, и я поделился с ним своими планами. Ему мое предложение пришлось по сердцу. Он был сообразителен, в церковных делах проявлял большую ревность. Вскоре он женился, и мы начали закупать бумагу. Сначала брали пачками, а потом стали искать возможность покупать прямо из склада. Дело шло, хотя и очень медленно.

Когда мы посчитали, что бумаги уже достаточно, я сообщил служителю в Алма-Ату, и он пообещал приехать.

Но время шло, никто не приезжал, и я стал переживать, не напрасны ли все наши труды.

И все же служитель сдержал свое слово. Глубокой осенью он приехал с братом — невысоким,

широкоплечим, начинающим седеть, на вид ему было лет сорок пять. Пресвитер попросил посмотреть заготовленное. Поздно вечером мы пошли в дом, где хранилась бумага. У брата был какой-то прибор с антенной, он проверил помещение, нет ли подслушивающего устройства, и сказал, что все нормально.

Прощаясь, пресвитер сказал, что в дальнейшем мы будем иметь дело с этим братом. Мы познакомились. Он дал мне короткие рекомендации и велел ждать сигнала.

В ожидании прошла зима. Лишь поздней весной приехал молодой брат и предупредил, что по нашему адресу приедут брат и сестра среднего возраста. Брат будет в костюме стального цвета, худощавый, а у сестры в руках будет самодельная ручка с надписью: «От друзей».

И вот наступил долгожданный час. К нам пришли люди, которых мы сразу узнали по приметам. Поприветствовались. Брат прошел к столу и сел на стул, а сестра — на низкую скамеечку возле дверей. Она достала ручку и стала крутить ее в руках. Будто не зная, с чего начать, мы молчали. Потом я сказал сестре:

— Можешь спрятать ручку, мне все известно.

После этого они начали задавать мне вопросы и делиться некоторыми планами.

Когда стемнело, мы пошли на место, приготовленное для работы. Осмотрев помещение, друзья остались довольны, заметив, что его нужно еще оборудовать. Брат объяснил, что нужно сделать. Одну дверь следовало замуровать, другую — сделать двойной и обшить. К ней со стороны хозяев

приставить плательный шкаф, убрав заднюю стенку, чтобы через него можно было проходить. Окна надо закрыть матрасами, чтобы не проникал свет и звук. Необходимо еще сделать умывальник, туалет, оборудовать кухню.

После короткого отдыха друзья уехали, пообещав скоро вернуться и приступить к работе.

Мы с братом делали что могли. Заказали двери, соорудили туалет, поставили газплиту, смастерили нары для отдыха. В общем, выглядело почти как в тюрьме — все в одной комнате, только для машины потребовалось отдельное помещение из-за сильного запаха краски.

Едва мы успели все сделать, как приехало несколько сестер с обычными хозяйственными сумками. С ними был и брат в стальном костюме. Они вели себя очень осторожно, тихо.

Я удивленно, полушепотом, почти мимикой спросил:

— Где же машина?

Они кивнули на сумки.

Неужели?! Я не представлял, как это все будет, и сердце мое трепетало и от радости, и от неизвестности.

Я видел, что брат с сестрой, у которых остановились печатники, были очень рады, просто счастливы, хотя на них обрушилось немало хлопот. Надо было закупать продукты так, чтобы ни у кого не вызвать подозрения. Ни члены церкви, ни даже служители не должны были знать об этом деле. Насколько возможно, мы старались держать все в секрете, соблюдать конспирацию.

Первый раз я шел к друзьям на цыпочках. Раздвинул одежду в шкафу, открыл тихонько одну дверь, потом другую и увидел их за работой. Мне казалось, я вошел в святое святых. За машиной сидела сестра и подавала листы. С другой стороны листы выходили уже отпечатанные, и брат следил, чтобы не было брака. Он время от времени регулировал краску, что-то подкручивал. Несколько сестер складывали отпечатанные листы пополам и наблюдали, чтобы не пропустить какой-либо брак. Все работали очень быстро и тихо.

Таким образом мне посчастливилось увидеть, как работает типография издательства «Христианин». Никогда не подумал бы, что это совершается в такой простоте! Мы знали, что издательство работает нелегально, но нам и во сне не снилось, что это может произойти у нас.

Я совершал свое служение в церкви и делал все с усердием, но к этому труду мое сердце прилепилось по- особенному. Я полюбил всех друзей, хотя некоторое время не знал даже, кого как зовут.

Так у нас отпечатали немецкие песенники. Закончив тираж, печатники провели благодарственное служение и спросили, желаем ли мы и дальше участвовать в этом деле, будем ли заготавливать бумагу? Мы согласились с трепетной радостью.

Друзья уехали, а мы взялись переплетать сборники. В этом деле проявляли усердие даже молодые братья из регистрированных церквей. Они также подвизались в этом святом деле тайно, чтобы не знало руководство церкви.

Вечерами, после работы, переплетчики спешили на труд. Работали до двух-трех часов ночи, а утром

опять шли на работу. Для переплета мы выбирали дом, куда редко ходили верующие, чтобы не привлечь внимание тех, кто не посвящен в это дело. И все же крут переплетчиков со временем расширялся. Правда, никто из них не знал, где печатается литература, об этом не говорили и не спрашивали.

В развозке книг участвовали и сестры. Сумки или чемоданы надо было нести так, чтобы не подавать виду, что они тяжелые, и не вызвать подозрение, особенно при посадке в поезд. Но это не всегда получалось. Руки немели, казалось, пальцы вот-вот разожмутся и выронят ношу. И если идти больше не в мочь, то просто ставишь чемоданы, достаешь платочек и делаешь вид, что вытираешь нос. Отдохнув за это время, идешь дальше. Бедные сестры! Как они подрывали свое здоровье на этом труде!

Я тоже участвовал в развозке литературы. Ехало нас обычно несколько человек, но мы делали вид, что не знаем друг друга. Приходилось искать братьев покрепче и посильнее, и, слава Богу, — находились!

Нас часто посещали служители братства, и по-особому церковь полюбил Николай Петрович Храпов. Он не только любил беседовать с членами церкви, но охотно встречался с молодежью и даже с детьми.

Молодежи у нас было много — около ста человек. На богослужения собиралось до трехсот душ, и наши дома с большим трудом вмещали всех желающих поклониться Богу. Приходилось выносить всю мебель и ставить разборные скамейки. Бывало, приходилось убирать и их, и люди стояли. В потолке специально делали люки для вентиляции.

Наш дом был одним из самых вместительных. Я сломал две внутренние стены и сделал вместо них одну легкую перегородку, которую на время богослужения, убирали. Получался зал площадью около шестидесяти квадратных метров. К залу с одной стороны примыкали три спальни, а с другой — большая веранда. Проповедник становился у дверей между залом и верандой, и его слышали во всех комнатах. Таким преимуществом обладали далеко не все дома.

В 1976 году нас посетил старец из Закарпатья — бывший профессор. Он познал Господа в отрочестве. По его неотступности ему преподали крещение очень рано — в тринадцать лет. У него была возможность учиться, и он стал профессором. Уже во время советской власти ему предложили: или Бог, или кафедра, и он избрал Бога. Оставшиеся до пенсии годы он проработал дворником, но сохранил от осквернения свое сердце и совесть.

Брат провел у нас урок библейской астрономии. Он привез с собой диафильм и не только рассказывал, но и показывал, как устроено небо, что его наполняет. Беседа длилась около трех часов. Брат просил, чтобы пожилые не приходили, поэтому дом наполнился молодыми людьми. Столько народу в нашем доме никогда не было. Расходились поздним вечером. Я прислушивался к отзывам и слышал, как десятиклассники говорили между собой: «Сегодня за три часа получили больше, чем за. десять лет в школе!»

Когда все разошлись, мы обнаружили, что в зале просел пол. Пришлось прорезать люк и поправлять пол. Но при такой работе поистине испытываешь

радость, как и Господь Иисус говорил: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Однажды нас опять посетил Н. П. Храпов и после утреннего собрания в воскресный день беседовал с молодежью. Беседа была откровенная, непринужденная. Николай Петрович говорил о посвящении Богу, приводил примеры из жизни молодых людей, которые отдали себя Господу и послужили большим благословением для церкви. Молодежь собралась из всех трех церквей, многие слушали со слезами.

Николай Петрович напомнил о жертвенном служении издательства «Христианин», где есть нужда в тружениках, и призвал не советоваться с плотью и кровью, но решаться на служение живому Богу и отдаваться Ему всецело.

После этой беседы ко мне подошла одна сестра из меннонитов и сказала, что желает трудиться для Господа. Я предложил ей служение в типографии, и она с трепетом согласилась, тут же спросив, как ей быть с членством. Она думала, руководство будет обвинять ее, что не поставили их в известность. Я предложил ей освободиться от членства. Сестру отпустили из церкви с миром, она уволилась с работы и приступила к труду. Через какое-то время власти стали наблюдать за ее домом.

Однажды эта сестра приехала к родным на побывку вместе со своей подругой. Поздно вечером они пришли к нам, и сыщики заметили это. После десяти вечера власти не имели права заходить в дом с проверкой, поэтому возле двора с обеих сторон встали машины.

К нам зашла родственница и сообщила, что за домом наблюдают. Я решил проверить. Вышел на улицу — правда, чуть ли не у самой калитки стоит ГАЗ-66 с поднятым капотом. Увидев меня, два человека сделали вид, что ищут поломку. Водитель начал ругаться, не понимая причины неисправности. Я тоже сделал вид, что не обращаю на них внимания, прошел мимо и через два дома свернул во двор брата. Постояв немного, пошел домой. Действительно, с другой стороны, на углу улицы, через дом от нас, стояло жигули.

Убедившись, что это не случайные автомобили, что из них ведется наблюдение за нашим домом, я вывел сестер через заднюю дверь в соседский двор и отправил на другую квартиру.

Рано утром я ушел на работу, машины все еще стояли. Потом они уехали, а к нам пришел начальник паспортного стола проверять домовую книгу. Полистав ее, он вдруг сказал:

— Хочу посмотреть, как вы живете.

Он прошел по всем комнатам и, никого не найдя, удалился.

Наблюдение властей за домами отражалось на всю церковь. Не все хотели жить жертвенно, испытывать волнения, трудности. Как-то пришли ко мне два брата и сказали:

— Говорят, у нас где-то работает печатная точка. Мы этого не хотим. Если ее обнаружат, мы вообще не сможем собираться. Надо это дело прекратить!

— Такого мне еще никто не говорил, — покачал я головой, с глубокой печалью глядя в глаза своим братьям. — Если вы что-то конкретное узнаете, сообщите мне!

Я знал, что в церкви есть не только самоотверженные христиане, но и боязливые, поэтому надо терпеть и сносить их немощи.

Один раз я потерял разнарядку на литературу, которую оставили мне печатники после тиража. Чтобы сделать новую, нужно было пересчитать пачки, каких книг сколько отпечатано. Я попросил Талиту сделать это, и она пошла к брату, у которого хранилась готовая продукция.

Брат стоял в комнате, а Талита поднялась на чердак и стала считать, перекладывая пачки. Литературы было около двух тонн. Когда она уже заканчивала считать, неожиданно оборвался потолок (он был подшивной), и весь груз вместе с Талитой рухнул вниз. Хозяин успел отскочить, а Талите упал на ногу сундук и раздробил ее. Брат тут же на мотоцикле отвез Талиту в травматологический пункт. Нога оказалась поломанной в семи местах, и ее загипсовали.

Весной 1980 года у нас было особенно неспокойно. Как-то под вечер к нам заехали два брата из Павлодарской области. Они держали путь во Фрунзе по личным делам. Я спросил, не возьмут ли они груз для той местности, куда едут. Братья охотно согласились. Вместе с ними попросилась поехать и сестра из Иссыка (одна из тружениц), гостицшая в это время у нас.

Немного отдохнув, братья поехали загружаться. Поскольку в багажнике было не очень чисто, они попросили что-нибудь подстелить. Хозяйка принесла пачку газет «Индустриальная Караганда». На полях стоял номер дома — 34, а улица не была указана.

В пути случилась авария. Друзья попали под КамАЗ, и смерть наступила мгновенно. Эта авария принесла нам новые переживания. Газеты указывали дорогу в Караганду, и поскольку мы уже находились под наблюдением, то 3 марта сделали обыски одновременно в нескольких домах, в том числе и у нас.

2 марта, в воскресенье, у нас был Н. П. Храпов. На понедельник мы назначили молодежное общение. Последний раз Николай Петрович беседовал с молодежью на две темы: «Христианская молодежь и Бог» и «Христианская молодежь и церковь». Об этих беседах ходило много хвалебных толков, и молодежь из регистрированных общин просила, чтобы в следующий раз им тоже позволили присутствовать на беседах. Но у нас была проблема с помещением. В моем доме могло поместиться от силы триста пятьдесят человек, а большего дома не было. Тогда молодежь из меннонитской общины привезла к нам своего пресвитера, и он разрешил провести общение в их молитвенном доме. Конечно, он понимал, что за это его могут отстранить от служения, но пошел на риск, так как много знал о Николае Петровиче и хотел послушать его.

Вечером Николай Петрович попросил Талиту привести в порядок его брюки, которые испачкал за столом кто-то из детей, а сам стал готовиться к молодежному общению. Он долго стоял на коленях и молился, и лишь под утро лег спать. В шесть утра я ушел на работу.

В то время я работал в городе, так как детский психдиспансер перевели в новое помещение. Дверь в

дом в то утро я не закрыл на ключ. Талита еще отдыхала, но вот-вот должна была встать.

Только я ушел, к нам прибежал брат и закричал:

— Тетя Талита, в поселке подозрительные люди! Разбудите срочно Николая Петровича, его надо увести! Я отнесу сумку с литературой и приду!

Только он выскочил через задние двери, как в дом стали заходить сотрудники милиции и люди в штатском. Они потребовали зажечь свет. Их было одиннадцать человек. Они сразу рассыпались по всему дому, два человека зашли в зал и сказали Николаю Петровичу, что вынуждены его задержать до выяснения личности. В доме сделали тщательный обыск, перевернув все вверх дном, но желаемого, видно, не нашли. Обыск длился одиннадцать часов.

В начале девятого ко мне на работу приехали два молодых брата и сообщили, что у нас и в других домах делают обыски и здесь, на улице, тоже стоят машины с рацией. Братья уехали, а я стал взывать к Богу: «Господи! Что мне делать?»

Через время зашла кладовщица и сказала, что возле диспансера стоят две машины на расстоянии пятьсот метров и переговариваются по рации. Я сказал, что они меня караулят, а дома делают обыск по поводу религиозной литературы и, по всей видимости, меня арестуют. (Мы с ней были в хороших отношениях, она читала наши книги.)

Кладовщица тут же предложила вызвать такси и в багажнике выехать за пределы диспансера. Я не согласился на это и только попросил, чтобы дали сменщика, а остальное сам придумаю. Я переживал за Николая Петровича, а также за печатную точку, на которую могут случайно наткнуться.

«Господи! Будь нашей охраной!» — мысленно молился я.

Сменщик пришел уже после обеда, и я ушел, оставив под вешалкой свою сумку с книгами. У меня на работе было немало литературы — русская и немецкая Библия, песенник, симфония и кое-какие назидательные книги. В сумку я положил и четверо часов, которые давали мне сотрудницы диспансера на ремонт — Талитин брат был хорошим часовым мастером. Часы я принес, а раздать не успел.

Вокруг диспансера стоял высокий металлический забор. Я перебрался через него в соседний огород, вышел через калитку и, не оглядываясь, пошел по улице. Я понимал, что домой идти нельзя. Добравшись до автобусной остановки, приехал в свой поселок и зашел к единоверцам. Здесь я узнал, что Николая Петровича арестовали. Что у нас нашли — неизвестно, обыск еще не закончился.

Поздно вечером, узнав, что нежеланные гости покинули поселок, решил все же попасть домой. Сестра пошла провожать меня, чтобы в случае ареста сразу сообщить Талите.

У нас дома в кровати лежало несколько свинцовых пластинок с надписью «Песнь возрождения» для оттиска на корочки. Кровать — самодельная, на пружинах, сделана из старого дивана. Ее двигали и кантовали, но Бог хранил, пластины остались целыми.

Уже почти ночью пришла одна сестра из нашей церкви и сообщила, что меня кто-то ждет у друзей, живущих возле трамвайной остановки. Я пошел и стал свидетелем чуда — молодой брат привез формы для печатников. Он приехал в Караганду вечером и,

добравшись до поселка, спросил у первого встречного, где находится улица Малый Проезд. Его встречной оказалась сестра. Узнав, что он верующий и ищет Рудольфа Давидовича Классена, она сказала:

— Не ходи туда, там обыск!

Она направила его в другой дом и, когда все успокоилось, сообщила мне о приезде гостя.

Мы с братом сердечно поблагодарили Господа за чудное водительство, я положил за пазуху драгоценный пакет и в ту же ночь пробрался к печатникам.

Они слышали, что во многих домах делают обыски, но, уповая на Господа, продолжали свое служение. Мое посещение очень ободрило их.

Молодежь, узнав об аресте Н.П.Храпова, поехала в горисполком с требованием отпустить служителя. Перед зданием они молились и пели допоздна. На следующий день снова пошли туда и весь день ходатайствовали за брата. На третий день был выслан большой наряд милиции, который перекрыл все подходы к зданию горкома.

На третьи сутки я пошел на дежурство. Придя на работу, обнаружил, что моя сумка с книгами исчезла. Подозрения падали на сменщика. Видно, подумал, что меня посадили, и решил погреть руки. Я поведал об этом кладовщице, и она сказала, что вечером поедем к нему домой и выясним, куда делась сумка.

Мой сменщик был горьким пьяницей. Мы еле достучались — хозяева спали после очередной попойки.

Мария Александровна взяла с собой двух сыновей, которые работали в диспансере шоферами, и они разговаривали с этим несчастным человеком.

Они потребовали вернуть сумку. Он вынес мне сверток с книгами. Ребята велели положить все в сумку и вернуть, как было. Тогда он признался, что часы пропил, а сумку сжег. Я, конечно, радовался книгам, но за часы было неприятно.

Летели дни за днями. Я продолжал работать. Ко мне по-прежнему относились хорошо, за исключением заведующей — чувствовалось, что она не хочет из-за меня неприятностей.

Богослужения наши стали частенько посещать представители власти. Приходили и на детские собрания, и на молодежные, а следствием посещения был штраф — 50 рублей (при зарплате 80—100 руб.). Сотрудники милиции составляли протокол и передавали в райисполком. А там собирали комиссию по соблюдению Законодательства о религиозных культах во главе с третьим секретарем исполкома Евгенией Николаевной Поддубной и вызывали меня. Посадят в торец длинного стола с красной скатертью, за которым заседает человек двенадцать, и решают мою судьбу — оставить мне деньги на существование или нет.

Как-то представители власти пришли на детское собрание с кинокамерой но дети не хотели сниматься и протягивали вперед руки с растопыренными пальцами. Эти кадры показывали по телевизору, по-своему комментируя реакцию детей — сектанты, мол, запугивают детей лишают их детской радости, и потому они так выглядят.

И вот я опять сижу перед комиссией.

— До каких пор вы будете нарушать законодательство? — спросила Е.Н.Поддубная.

— Пока буду христианином, я вынужден его нарушать. Если же начну исполнять, перестану быть христианином, — ответил я.

Тут соскочил седовласый мужчина и раздраженно закричал:

— Ты что, никогда не слышал пословицу: «Попал к волкам, вой по-волчьи»?

— Я давно понял, что попал к волкам, но вот выть по-волчьи до сих пор не научился.

Весной 1980 года совсем неожиданно родители из регистрированных общин забрали своих детей и из детских групп, и из молодежи. Дети и молодежь перенесли это болезненно. Думаю, что это произошло не без вмешательства внешних. В регистрированных общинах тоже стали проводить детские и молодежные занятия. Только наши собрания разгоняли, нас штрафовали, а к ним даже не приходили. Бывало, что детские собрания проводились по соседству. К нам приходила милиция, а на регистрированных будто закрывали глаза.

ВТОРОЙ АРЕСТ

20 июня 1980 года ко мне на работу подъехал тот же ГАЗ-66, который однажды дежурил возле нашего дома всю ночь. Два человека в штатском потребовали, чтобы я поехал с ними в прокуратуру.

— Можно в рабочей одежде? — спросил я.

— Нет, лучше переоденьтесь.

Время было обеденное. По дороге они спросили, есть ли у меня с собой паспорт.

— Нет, он дома, — сказал я.

Они велели шоферу ехать ко мне за паспортом. А это было километров двадцать в сторону.

В дом меня одного не пустили — следом пошел сопровождающий.

Талита принесла паспорт и взволнованно спросила:

— Надолго?

— Нет, часа на два, — сказал вошедший со мной.

Но этим людям верить нельзя. Верно говорит Библия, что их отец — лжец, и потому они могут бесстыдно обманывать.

Приехали в областную прокуратуру. Меня завели в один из кабинетов на втором этаже. Начался допрос. По вопросам я понял, что их интересует. Следствие вел интеллигентный человек — Владимир Яковлевич Кузьмин. Другой выдавал себя за стажера, но я понял, что он по чину выше следователя. Он спросил меня за сестру из меннонитской общины, которая ушла на труд в издательство, и угрожающе заметил, что я загубил ее юность и буду нести за это ответственность. Стажер на время уходил, потом опять появлялся.

Допрос длился больше двух часов, и я понял, что домой уже не попаду. Вроде не так давно прошел путем страданий, и все было хорошо, а теперь плоть дала о себе знать. Какая-то дрожь прошла по всему телу, колени начали биться одно об другое. Я не хотел, чтобы следователь видел это (стажер как раз вышел), и, подняв руку, ударил по ноге:

— Прекратите!

Следователь поднял глаза от своих бумаг и спросил:

— Что вы сказали?

— Это не вам, — ответил я.

Не знаю, что он подумал, но мой ветхий Адам подчинился, и колени перестали дрожать.

Часа через два в кабинет зашел широкоплечий пожилой мужчина с большой пролысиной.

— Ты ему уже объявил? — спросил он у следователя.

Я сразу догадался, о чем.

— Еще нет, — ответил он.

Пожилой ушел, а следователь сообщил, что прокурор дал санкцию на арест, и мне придется идти в шестнадцатую тюрьму. Мой паспорт изъяли, и я попал домой не через два часа, а через шесть лет.

Меня обыскали. Запретных вещей не было, за исключением немногих денег, и в считанные минуты я оказался в малогабаритной камере. Выдали алюминиевую кружку и потрепанный матрац. Взяв его в руки, я подумал: сколько людей умерло на нем, освободившись от жизненных скорбей?

В камере, как всегда, первый вопрос — какая статья. Наши статьи мало известны среди преступного мира, поэтому требуются пояснения. Поведав о своем «преступлении», я занял свободное место у стены наверху.

Заключенные относились ко мне, как к иностранцу, языка которого не могли понять. Но один, лежащий напротив, следил за мной по-особому.

На следующий день меня вызвали к окошку в дверях, и женщина в белом халате спросила, от кого ожидаю передачу. Я ответил, и мне вручили пять килограмм продуктов.

Сколько любви, заботы и рассудительности можно было видеть в этих передачах! Передавали самое лучшее, питательное и самое необходимое в тех

скудных условиях. Получил я еще и вещевую передачу — две пары белья, несколько пар носков, полотенце, мыльницу с мылом, зубную щетку и порошок. Зубную пасту не разрешали, потому что заключенные разводят ее и пьют, а потом беснуются. Я понемногу угостил сокамерников, и отношение ко мне резко изменилось. Оказывается, любовь — всем понятный язык!

Карагандинская тюрьма очень вшивая. Здесь два вида вшей — серые и черные. С ними нужно было каждый день воевать. Бывало два, три раза в день снимали нательное белье и убивали вшей. Некоторые заключенные просто бросали их на пол, но от этого было мало пользы, потому что они опять заползали на нас.

Как-то вечером, помолившись, я лег на свои нары. Молодой человек, лежащий напротив, спросил, какая у меня вера, и поведал, что его мама тоже была членом церкви у меннонитов, а его посадили за квартирные кражи.

Я подумал: бедная мать! Если бы она знала, куда приведет сына ее беспечность, она, наверно, не покорилась бы законодательству и вела бы его с собой на собрание! Как много тех, которые подчинились безбожному запрету и потеряли своих детей! И это не один такой сын и не два, а целое поколение! Кто понесет за это ответственность? Мое сердце наполнялось радостью за тех детей, которые росли и воспитывались в церкви, которые могли посещать детские и молодежные занятия, где им предлагали лучшее богатство, чем награбленное добро. Воистину, «благословение Господне обогащает и печали с собой не приносит»!

Не желая терять драгоценное время, которого здесь предостаточно, я мысленно ходил по улицам поселка и посещал членов церкви, молился о них. Как приятно любить святых и дивных Божьих! «Память праведника пребудет благословенна». Не успеешь всех обойти, как уже гремят бачками. Покушаешь, и опять отправляешься в путешествие.

Очень любил я размышлять о Слове Божьем. Как не хватало на это времени на воле! Там очень много всяких дел, лишающих этой сладостной возможности. А здесь можно было не тяготиться серостью и однообразием будней, вникая в глубину Писания и находясь в общении с Богом.

Карагандинская тюрьма — не режимная. Здесь творится много произвола. В режимной тюрьме верующим намного лучше. А здесь с утра до ночи «гоняют коней». Конем называют длинную нитку, которую добывают в основном из безразмерных носков. С помощью этой нитки налаживается связь между камерами по всей тюрьме. Связь устанавливают не только по вертикали, но и по горизонтали. По этим ниткам переправляется все: одежда, продукты, табак, чай, деньги — словом, все, чем там владеют, лишь бы проходило через жалюзи. Нередко коневым приходится хорошо попотеть, пока груз достигнет места назначения.

Иногда заключенных выводят из камеры поработать на хоздворе. Администрация заставляет их обрывать нитки, когда они везут груз. Тогда со всех камер слышен крик: «Контора! Конокрады!», и все быстро затягивают нитки в окно. Как только тревога прошла, опять берутся за это ремесло. Если коневые упустят груз, их за это могут сильно побить. Но может

случиться неприятность и со стороны администрации. Заметив, что из камеры «выпускают коня», дежурный может неожиданно открыть камеру и, приказав всем выйти в коридор, избить дубинкой. Но этой процедуры обычно ненадолго хватало.

Второй вид связи в тюрьме — перестукивание по трубам. Например, заключенному в третьей камере нужен кто-то из пятьдесят пятой, он стучит по трубе пять раз медленно и пять раз быстро. В пятьдесят пятой камере ставят кружку дном к трубе и прикладывают ухо, а в третьей камере тоже ставят кружку и говорят в нее, вызывая на разговор, кого нужно. Могут долго разговаривать. Когда разговор окончен, пошаркают кружкой по трубе, и тогда могут другие звонить. Подслушивать чужой разговор нельзя, за это могут побить.

Третий вид связи — это канализация. В каждой камере есть туалет и кран для смывания нечистот и для умывания. Заключенные берут нитку из капрона (она не намокает), к концу нитки привязывают обломанную зубную щетку и передают соседям, чтобы сделали то же. Затем открывают воду и смывают поплавки в главную канализационную трубу. Там нитки перекручиваются, и в камеру можно затянуть конец нитки от соседей. Этим путем тоже переправляют письма, деньги и продукты. Передачу заворачивают в целлофан, привязывают к нитке и вытягивают груз из одной камеры в другую, пока она не достигнет цели.

Заключенные — интересный народ. Если у кого упал кусочек колбасы на пол, его нельзя поднять и есть, это считается чем-то скверным. А протянуть продукты через туалет — это престижно. Ополоснув

под краном, они с удовольствием едят все — масло это, колбаса или конфеты, не имеет значения.

В этой камере мне было неплохо, хотя смотреть на жизнь погрязших в пороках — очень трудно. Я не раз вспоминал Лота, который каждодневно мучился в душе, глядя на окружающих. От праздности заключенные придумывают всевозможные игры и играют на все, даже себя проигрывают. Это кончается содомским грехом, и такие люди потом считаются хуже прокаженных. Все это горе не опишешь словами.

Поэтому, когда в камеру входил юноша, не сведущий в этой жизни, я старался скорее познакомиться с ним и удержать от беды. Бывало, мужчины из отрицаловки говорили мне, что я ворую их жертвы, но отношения между нами сохранялись добрые.

Хуже пошло дело, когда спецслужба стала переводить меня из камеры в камеру. Во-первых, место новичка всегда где-то возле туалета. А во-вторых, путешествие по камерам вызывает подозрение, и можно попасть в немилость заключенных. Приходится жить в постоянном напряжении. И вот случилось, что я за полтора месяца побывал в девяти камерах. В одной из них была ужасная ночь.

Два рецидивиста издевались над двумя молодыми ребятами. Несчастные залезли под нары, ища укрытие, но их били скамейкой, и я думал, что убьют. Я вопиял к Богу и, не выдержав, подобно Лоту, умолял: «Братья мои, не делайте зла!» Но получил такой же ответ, как Лот: «Вот пришлец, и хочет судить? теперь мы хуже поступим с тобою, нежели с ними».

А надзиратель в коридоре спит, ему все до лампочки. Утром мне принесли передачу, но я отказался от нее. Мы условились с Талитой, что отказ от передачи будет знаком, что со мной неладно. Дежурная спросила, что делать с передачей?

— Возвратите жене, — ответил я.

Один из рецидивистов подошел и сказал:

— Бери передачу, а если не хочешь, отдай нам!

Я пояснил ему причину отказа.

— Можешь от баланды отказаться, но не от домашнего, — зло процедил он.

Дежурная ушла, а я получил удар, от которого потерял сознание. Что было потом, не помню. Но когда пришел в себя, у меня страшно горело лицо. Я пощупал щеку и понял, что перебита кость.

Дежурная доложила о моем отказе замполиту. Вызвав меня, он поинтересовался:

— Что случилось? Почему отказываетесь от передачи?

— Почему меня гоняют из камеры в камеру? — спросил я в ответ, — За месяц уже девятая камера!

Мне очень трудно было разговаривать, щека распухла. Помолчав. Я добавил:

— Если хотите убить, убейте сами, а зачем натравлять зеков?

Замполит выслушал и сказал, что ничего об этом не знает. Он спросил, из какой камеры меня перебросили. Я назвал 156-ю. Он вызвал старшего сержанта и велел ему перевести меня, заметив, что все мои вещи должны остаться у меня. Когда мы пришли за вещами, их уже не было — сокамерники все растащили.

Сержант спросил, что у меня было, и сказал заключенным:

— Если не хотите неприятностей, верните сумку со всем содержимым! Считаю до пяти!

Он только начал считать, как сумку вернули. Я взял свой матрац, и прапорщик отвел меня в камеру, где у меня было хоть какое-то взаимопонимание.

Через полчаса пришла женщина с передачей. Я взял ее, и мы устроили праздник.

Это произошло в субботу, а в понедельник меня опять перебросили в другую камеру. Кроме Бога я уже никому не мог жаловаться. В этой камере были и сочувствующие, и «пиявки» из отрицаловки. Когда я назвался священнослужителем, один, выдающий себя за главаря, велел написать жене письмо, чтобы она передала тысячу рублей (это при окладе 70 руб. в месяц!), и тогда я буду жить в камере припеваючи. Я сказал, что лучше умру от голода, чем совершу такое беззаконие.

Из 156-й камеры мне все-таки пришлось передать домой весточку такого содержания:

«Талита, не знаю, что со мной хотят сделать. В прошлом месяце перебрасывали в четыре камеры. Обещали все наилучшее, и я дал маленькую расписку, что администрация меня не избивала. Сегодня я этого сказать не могу. Меня опять переселяют, и эту записку передаю через сокамерников. Молитесь за меня. Может случиться, что на земле мы больше не увидимся. Я все доверил Господу. Ему доверяю и вас! Простите, если в чем-нибудь виновен. Рудольф».

Эта записка попала домой. Брат мой переписал ее и послал родителям в Канаду. Для гарантии, чтобы весточка дошла, письмо дублировали. Одно прошло, и

родители получили его через пять дней. Другое письмо попало под арест, и представитель госбезопасности предъявил его мне, подметив, что они зорко следят за всем. И хотя они еще несколько раз перемещали меня из камеры в камеру, чувствовалось, что за меня усиленно молятся.

Вызывали меня какие-то видные деятели из республиканской прокуратуры и очень хотели знать, кто меня избил. Я, конечно, не сказал этого, а ссылался на администрацию, прежде всего на госбезопасность — это они создают такую накаленную обстановку.

Последняя камера, в которой я сидел, находилась с северной стороны здания и была довольно холодной. Не знаю от чего, но у меня сильно воспалилось колено. Работники санчасти приходили и мазали мазью Вишневского, но улучшения не последовало. Колено распухло, и меня положили в тюремную больницу. Там было спокойнее и уютнее — порядочный матрац, простыня, подушка с наволочкой и одеяло. Питание тоже немного лучше.

Не знаю, поправилось ли в больнице мое здоровье, но отдых от камерной жизни Господь мне усмотрел. Правда, меня и там нашли «друзья» из отдела госбезопасности. Однажды они потребовали поехать с ними. Я сказал, что без костылей не могу ходить. Они раздобыли где-то палку метра полтора длиной, и с ней я попрыгал.

На удивление, приехал все тот же ГАЗ-66. Когда меня сажали в машину, во дворе толпились люди с передачами. Поскольку я медленно прыгал, меня успели узнать.

— Дядя Рудик! — услышал я.

Это одна сестра узнала меня и тут же закричала:

— Тетя Талита! Вон дядю Рудика сажают в машину!

Они вдвоем кинулись к машине, но шофер нажал на газ, и автомобиль умчался. Я подумал, что Талита непременно будет ждать моего возвращения, хотя не знал, куда везут.

Меня сопровождало двое — один сел рядом и назвал себя Мусиным, а впереди сидел круглолицый блондин, его звали Володей.

Привезли в телестудию. Следом за нами вошел мой следователь в праздничной одежде, и нас вдвоем снимали. Конечно, контраст между нами был огромный. Я спросил, для чего и кому это нужно? Мне ответили, что кадры пригодятся для истории, может, меня уже не будет в живых, а снимки все еще будут рассматривать.

Уже после вынесения приговора по местному телевидению показывали суд, и кто-то успел сфотографировать меня прямо с экрана.

В телестудии мы были не один час. Следователь и сопровождающие меня долго перешептывались. Потом приехала совершенно другая машина, и меня повезли обратно. Я понял их лукавство — машину поменяли, чтобы жена не подозревала, что на ней привезут меня.

Однако стоило мне выйти из машины, как подбежала Талита и бросилась ко мне. Сопровождающий меня Володя и водитель схватили ее и оттащили к забору. Мусин потащил меня. Я не успевал переставлять свою палку и, пересиливая боль, думал: если бы эту драму кто-то заснял,

получился бы совсем не такой снимок, как в телестудии.

Я был уже почти у крыльца, когда Талиту отпустили.

— Рудик, скажи, что с тобой сделали? — крикнула она.

Но Мусин не давал мне сказать что-либо. Я поднялся на ступеньки и еще раз посмотрел на Талиту. Она в отчаянии произнесла:

— Рудик, скажи хоть одно слово!

Но Мусин открыл дверь и втолкнул меня в здание.

Когда сотрудники КГБ передавали меня дежурному, мне пришлось сказать:

— Я не спокоен за происшедшее. Жена увидела, что я еле на ногах стою, а вы вели себя очень нетактично и по отношению к ней, и по отношению ко мне. Она теперь передаст родным свои впечатления, а мои родители живут в Канаде, брат — в ФРГ, посыпятся письма об этих впечатлениях, и вы потом будете винить нас за клевету на советскую действительность. А если бы дали нам полминуты переговорить, я бы пояснил, что у меня просто болит колено.

На этом мы расстались. Они пошли своим путем, а я в сопровождении надзирателя должен был прыгать в палату.

СУД

Следствие закончилось, и 27 ноября 1980 года состоялся суд. День выдался морозный. Около десяти заключенных, в том числе и меня, погрузили в воронок и развезли по разным нарсудам. Я остался

последним. Меня охраняли два рядовых милиционера и офицер.

Суд назначили на пластмассовом заводе, где работали некоторые наши сестры. Актовый зал находился на втором этаже административного здания. Когда меня ввели в парадную дверь, возле лестницы толпилось человек шестьдесят верующих. Значит, их не впускают. Увидев меня, они хором произнесли:

— Приветствуем, брат!

Я шел медленно, потому что еще сильно хромал, и успел рассмотреть друзей.

Зал был полный, но знакомых я не видел, за исключением сестер, которые работали на заводе, и тех, кого они смогли провести. Установили видеокамеру, значит, будут снимать.

Судья объявил состав суда, мои права и обязанности, затем спросил, есть ли у меня возражения?

— Почему не допустили в зал суда верующих, которые должны слушать судебное разбирательство? — поинтересовался я.

— Это учреждение завода, и здесь находятся рабочие, — сказал судья.

— Но в коридоре остались даже самые близкие родственники — жена и братья!

Им разрешили войти, и суд начался.

Главными обвинителями были: Е. Н. Поддубная — третий секретарь исполкома, директор школы, где учатся наши дети, некоторые учителя и председатель месткома пластмассового завода. Свидетелей тоже собрали немало.

Длился суд около двенадцати часов. Председатель комиссии по соблюдению законодательства поясняла, что я на протяжении ряда лет нарушаю закон.

— С переездом Рудольфа Классена в Караганду церковь заметно ожила, — говорила она. — Особенно живо стали проводиться занятия с детьми и молодежью. Главная вина подсудимого — упорное уклонение от регистрации.

Директор школы сказала, что дети из зарегистрированных церквей послушны, а наши не вступают ни в октябрята, ни в пионеры. Когда я спросил ее, знает ли она их детей и наших детей, она запуталась.

Меня обвиняли в негативном влиянии на сестер, работающих на заводе. Они, мол, под моим воздействием вышли из профсоюза. Сестры пояснили, что вышли самостоятельно, после того как их заставляли дежурить в ДНД[1].

Председатель месткома сказала, что завод на самом деле брал обязательство отдежурить определенные часы в ДНД, и никто не противился этому, кроме верующих.

— Какую работу вы с ними провели? — спросил судья.

— Послали летом на хлебоуборку.

— И какие результаты это дало?

— Плохие. Девочки умеют хорошо готовить и там работали поварами. Председатель колхоза прислал благодарность за их добросовестный труд.

---

1 ДНД — добровольная народная дружина — общественная организация по охране общественного порядка.

— Ну и что вы предприняли? — спросил судья.

— Мы не знаем, что с ними делать.

— Вы их исключили? — поинтересовался прокурор.

— Нет.

— Они до сих пор числятся членами союза? — допытывался судья.

— Не знаю, — стушевалась председатель месткома. — Они сказали: «Можете нас исключать, взносы мы больше платить не будем».

Прокурор нервно кашлянул, желая закончить этот неприятный допрос и свидетельство не в пользу обвиняемых.

Учителя свидетельствовали, что дети учатся неплохо и поведение у них хорошее, а вот в пионеры не вступают.

Было много и других показаний, но больше в нашу пользу.

Суд приговорил меня к трем годам строгого режима.

Братья и сестры забросали меня цветами, но унести их с собой не удалось. Из зала суда меня вывели в соседнюю комнату и посадили в угол, отгороженный столами. Через эту комнату можно было пройти к запасному выходу, и большинство неверующих воспользовались им. Я мог наблюдать за выходящими.

Комсомольцы окружили меня и стали задавать вопросы, создалась дружеская беседа, чувствовалось, что мои ответы их удовлетворяли.

Прошла мимо и Е. Н. Поддубная. Наши взгляды встретились, и я сказал:

— Ну что, Евгения Николаевна, наконец вы от меня избавились!

Она отрицательно покачала головой. Мне показалось, что у нее были влажные глаза.

Я весь день не ел, и друзья позаботились о еде. Пользуясь расположением конвоя, мне передали трехлитровую банку молока, сумку домашних булочек и пирожков. Помолившись, я поел, и еще много осталось. Начальник конвоя разрешил остатки взять с собой.

Уже после одиннадцати вечера пришел воронок. Видно, внизу ждали братья и сестры, и начальство решило вывезти меня другим путем. Повели через какой-то цех, по длинному коридору к запасной проходной. Работала ночная смена, и некоторые, видя, как меня ведут, выключали станки.

У проходной стоял воронок. Меня посадили одного, два милиционера заняли место в отсеке для охраны, а начальник конвоя сел рядом с шофером. Я сел так, чтобы смотреть в окно, расположенное в отсеке для конвоя.

Когда ворота открылись, машина набрала скорость, включила мигалки, но вдруг резко затормозила и остановилась. Оказывается, мои братья и сестры выстроились в два ряда, взяли друг друга за руки и перегородили дорогу. Водителю ничего не оставалось, как остановиться.

Друзья махали букетами перед окном, но, к сожалению, оно было замерзшее. Они пожелали мне верности и стойкости, пообещали молиться и только после этого расступились. Машина помчалась дальше.

Километра через три автомобиль заглох. Пока шофер искал причину, командир подсел ко мне и говорит:

— Ох и друзья у тебя! Какие вы дружные! Сколько служу, на таком суде еще не бывал. Обычно мы в четыре часа уже дома, а теперь двенадцать. Но я не жалею, хотелось бы еще послушать!

Машина завелась, и он ушел в кабину.

В тюрьме меня сдали дежурному и попросили не закрывать в отстойник, а сразу отвести в осуждёнку, иначе заберут еду.

— Можешь не проверять, там все проверено, — сказал конвоир.

Дежурный повел меня по длинному коридору в подвал, в 130-ю камеру. Когда дверь закрылась, я поставил сумку на металлический стол, к которому с обеих сторон приварены скамейки, и присел. Заключенные уже спали, но от лязга металлических дверей проснулись, и кто-то спросил:

— Откуда, пахан?

— Только что закончился суд, — ответил я.

— Не морочь голову! — не поверили они, — Кого ночью судят?

Я предложил им встать и угоститься передачей, а сам стал рассказывать о суде.

Таким образом я познакомился сразу со всей камерой. Долго мы сидели, было много вопросов. Уже под утро пошли на покой.

В осуждёнке было намного легче — перестали дергать и перебрасывать из камеры в камеру. Приезжал Мусин со следователем, и дежурная прапорщица водила меня к ним в кабинет. На

обратном пути, когда никого близко не было, она спросила:

— Что они от тебя хотят?

Я коротко засвидетельствовал ей о своей вере. Ей довольно часто приходилось водить меня, но из этой камеры нас вскоре перевели. Причина была в том, что над нами располагалась женская камера. Заключенные извлекли из кирзового сапога супинатор и проколупали в бетонном потолке отверстие в женскую камеру. Через него вели переговоры и разглядывали друг друга.

Эта женская камера доставила нам немало переживаний. Никогда не думал, что этот род, сотворенный Богом прекрасным, может так низко опуститься. Как счастливы мы, имеющие Бога в сердце и водимые Им! Общение с женщинами закончилось тем, что нас перевели в другую камеру.

Так бывает часто — стоит мужчинам поссориться с женщинами, как они открывают водопроводный кран и заливают камеру. Порог у дверей — двадцать сантиметров, на столько и поднимается вода. Иногда женщины вовремя перекрывают воду, и все обходится тихо. А если не перекрывают, вода перетекает через порог и заливает коридор. Тогда выселяют и женщин, и мужчин, а камеры закрывают на ремонт.

Услышав, что вызывают на этап, я обрадовался. Хотя это далеко не похоже на свободу, но все же — перемена обстоятельств.

Привезли в Целиноград, в пересыльную тюрьму.

Целиноградская тюрьма — режимная, там «коней» не гоняют, не перестукиваются и не перекрикиваются. Если в карагандинской тюрьме пробыть в прогулочном дворике положенное время —

редкость, то здесь — норма. Здесь ни деньги не гуляли по камерам, ни чай, но, бывало, запускали в камеру овчарок, и тогда была беда.

После Караганды я, можно сказать, отдыхал здесь. Но недолго. Снова вызвали на этап и повезли в Степногорск.

Поезд шел очень медленно. Триста километров ехали больше суток. На какой-то станции стояли ночью несколько часов. Утром прибыли в Аксу. Выгружали по перекличке. Когда подошла моя очередь, я назвал имя, отчество и статью.

— Нахулиганил, старина? — заметил офицер.

— Нет, я не хулиган.

— Как? — удивился он, — У тебя двухсотая статья!

— Двухсотая тире один, — сказал я, вспомнив, что мой Господь тоже был причтен к злодеям.

— А что это за статья?— спросил начальник.

— Верующий я, баптист.

На этом наш разговор закончился.

Нас погрузили на скотовоз с длинным полуприцепом и скомандовали сесть на корточки. Я сказал, что у меня больные ноги, и меня не принуждали.

Привезли в поселок Заводской, в зону № 68. При распределении я из-за плохого зрения попал в отряд стариков. Зона в основном строительная — строили огромный военный завод с подземными цехами, но наш отряд не выводили за пределы лагеря.

Меня посадили плести сетки. Работали все в клубе, на сцене. Три дня побыл в учениках, а потом с меня требовалась норма.

У меня не получалась эта работа. Я обратился в санчасть и сказал, что меня всегда освобождали от работ, связанных с напряжением зрения. Но ничего не менялось. Пришлось вырезать несколько челноков, несколько выменять за пайку хлеба и усердствовать.

Невыполнение нормы приносило неприятности — например, могли на ночь поместить в бункер. Это металлический ящик с дверями, высотой около двух метров, предназначенный для лопат, кирок и прочего инструмента. Туда загоняли по тридцать — сорок человек, так что руки невозможно было поднять. Летом бункер нагревался, как духовка, и люди теряли сознание, но из-за тесноты не падали. А зимой там обмораживали ноги. Этого бункера все страшно боялись. Меня несколько раз помещали в него.

Нитки в жилую зону не разрешали приносить, но заключенные разными путями заносили их и ночью, после отбоя, старались наметать на челноки под одеялом, чтобы никто не увидел. За это тоже могли наказать.

За невыполнение нормы могли также послать ночью чистить картошку. После такой ночи работоспособность еще больше падала.

Однажды в клуб зашла кладовщица — невысокого роста, видавшая виды женщина. Она объявила, что готова выслушать вопросы и жалобы, и заключенные тут же окружили ее. Я остался на месте, прикладывая все старание, чтобы сделать норму.

Наговорившись, кладовщица спросила:

— Осужденный Классен есть?

— Да, — отозвался я.

— Пойдем со мной в каптерку! — скомандовала она.

Я подошел. Она попросила подержать ее рукавицы, а сама продолжала пустословить с мужчинами. У меня лопнуло терпение, и я сказал:

— Женщина, мне нужно делать норму, и я дорожу каждой минутой, а вы меня отвлекаете!

— Посмотрите, еще недовольство проявляет! — вспылила она. — Напутал чего-то и ещё сердится! Следуй за мной!

Она повела меня в каптерку, закрыла дверь на крючок и спросила:

— Записку из рукавиц взял?

— Разве я могу проверять, что в чужих рукавичках? — пожал я плечами и отдал ей рукавицы.

— Потом прочитаешь!— сунула она мне записку и быстро сказала, что братья, проживающие в Степногорске, интересуются моей жизнью.

Развернув матрац, она положила наволочку с печеньем, сало и колбасу, ловко свернула и сказала:

— Это от твоих друзей. И еще — вот тебе жёлтая ручка, в понедельник подойдешь к ларёчнице, поднимешь ручку и спросишь, пришли ли деньги на твой счёт. Она отоварит тебя без очереди. Вместе с сумкой передай ей и ответ твоим братьям. Всё понял? Теперь отнеси матрац в отряд, а вечером принесёшь.

Я в тот же вечер выменял себе норму сеток, и в последующие дни, сколько не успевал сделать, добавлял.

Положение мое начало поправляться. Как дорого иметь таких братьев, которые проникнут и сквозь железные двери, и сквозь колючую проволоку, оказывая любовь и помощь!

В понедельник пошел в ларек. Возле него стояла толпа, протиснуться сквозь которую просто невозможно.

Я издали поднял ручку и крикнул:

— Скажите, пожалуйста, счет на Классена пришел?

— Пришел, — глянула она на меня.

Ларечница попросила, чтобы расступились, и я подошел к прилавку. Она посоветовала отовариться на половину положенной суммы, а другую половину получить через неделю. Я так и сделал и передал ей письмо для братьев. Так у меня появилась связь с волей.

Вскоре приехала Талита на краткосрочное свидание и привезла передачу. Церковь узнала мой адрес, и я стал получать письма из разных уголков нашей огромной страны. Кто-то вкладывал в конверт библейские картинки: стучащий Христос у дверей, Иисус — добрый Пастырь, рождение Христа и другие. Стал получать и фотографии от родителей — цветные. У нас тогда еще были только черно-белые. Вечерами многие заключенные и даже надзиратели приходили посмотреть фото.

Мы жили в бывшем военном гарнизоне — большие казармы, кровати тоже солдатские, двухъярусные. Отряд состоял из ста заключенных. Среди них был художник. Ему очень понравилась открытка, где изображен пастырь с овечками. Он попросил ее, чтобы срисовать, и через несколько дней вернул. Но случилась беда. Он поставил картину на окно, которое выходило на запретную зону, там кроме солдат никто не ходил. И вдруг замполит решил сделать обход и увидел необыкновенную картину.

После обхода он вошел к художнику, взял с окна картину и спросил:

— Это что?

— Для себя нарисовал, — ответил художник.

Замполит сказал, что заключенным такие картины не положено, и добавил:

— Я найду ей место.

Он унес картину с собой, а расстроенный художник пришел ко мне просить открытку.

Как-то во время работы заключенные завели разговор обо мне, положительно отзываясь о нашей вере. Неподалеку работал молодой человек, тоже немец, сын лютеранки. Он сказал, что верит в Бога, как и я. Но заключенные тут же ополчились на него, упрекая в том, что у него самая позорная статья. Этот человек до конца срока был благосклонен ко мне и после освобождения даже приезжал к нам домой. Я тогда думал: как это мало — только называться христианином! Даже мир смотрит на нашу жизнь и поступки и делает соответствующие выводы.

Где-то в конце апреля мне велели готовиться к этапу. Я не радовался — мне уже начало нравиться в этом лагере, начальство относилось ко мне неплохо. Но мое мнение никого не интересовало.

Когда собирался на этап, заключенные просили оставить хоть что-нибудь на память. Я раздал все открытки, только одну оставил себе.

Меня опять отправили в целиноградскую тюрьму, в транзитную камеру. А через несколько дней этапом доставили в Атбасар. Привезли в пятницу вечером, выгрузили в холодный швейный цех и продержали там до понедельника. В понедельник выдали постель и распределили по отрядам.

Мне предстояло убирать стружку в огромном токарном цехе. В этой зоне царил страшный беспорядок. Промзона находилась в двух километрах от жилой зоны, и нас водили на работу по коридору, с обеих сторон обтянутому металлической сеткой. Ходили под конвоем — впереди двое солдат с автоматами, по бокам — несколько с овчарками, сзади — тоже с овчаркой.

Это произошло на третью ночь, как я прибыл. Нас вели на работу. Строй сильно растянулся, и, чтобы подогнать задних, солдаты отпустили овчарку. Она тут же напала на одного из отстающих заключенных и вырвала из ноги кусок мяса. Поднялся шум, и отряд встал.

Заключенные стали требовать, чтобы вызвали лагерное начальство и командующего конвоем. Но этого не делали. Заключенные сбились в кучу и твердили, что на работу не пойдут, даже если в них будут стрелять. Когда прибыл замполит и ДПНК, заключенные потребовали заменить конвой, а собаку расстрелять. Пострадавшего унесли в санчасть.

Конвой пытался силой увести отряд на работу, но бесполезно. Стали расчленять по бригадам, но сдвинуть заключенных с места не удалось. Так прошла почти вся ночь, и лишь после того как заменили конвой, заключенные двинулись в промзону, но смена была сорвана. На пятые сутки мне объявили этап.

Этап — это самое тяжелое время. Я понял, что сотрудники госбезопасности решили взять меня на измор. Привезли в Целиноград, в транзитную камеру, потом в Караганду, тоже в транзитную камеру. В такое время со свободой нет никакой связи.

В транзитных камерах люди долго не задерживаются — приходят и уходят. Однако проходили дни, камера уже несколько раз обновлялась, а меня никуда не вызывали.

Меня съедали вши и клопы. Все тело страшно зудело. В баню транзитных не водят и прожарку одежды тоже не делают. Мыло обычно давали каждые десять дней хоть по маленькому кусочку (кусок хозяйственного мыла делили на десять человек), а здесь прошло уже полтора месяца, а обо мне будто забыли.

Сокамерники посоветовали написать заявление на имя начальника тюрьмы и спросить, на каких основаниях меня уже второй месяц держат в транзитке, тогда как не должны держать больше десяти суток. Я написал заявление и попросил объяснить, почему меня не водят в баню, не делают прожарку одежды, не стригут, не бреют и мыло не дают. Ответ не пришел, но через день меня вместе с другими заключенными отправили в Долинку.

По прибытии в лагерь мне даже не позволили покинуть воронок, всех приняли, а меня возвратили назад. Гораздо позже я понял, что им надо было вначале вывезти из зоны Николая Петровича Храпова, а потом только привезти меня.

Неопределенность отрицательно влияла на мою нервную систему. Хорошо, что я знал Господа, Которым мог утешаться!

На следующий день снова посадили в воронок. Со мной везли двух малолеток. Одному было лет двенадцать, второму чуть больше. Я спросил у младшего:

— Какое же преступление ты совершил?

— Двоих замочил! — гордо ответил он.

Бедный мальчик! Кто его воспитал таким? И кто теперь будет воспитывать?

Меня выгрузили в Долинке и поместили в штрафной изолятор, в рабочую камеру, где на бетонном полу стояла мазутная лужа. Посередине — станок, на котором крутят металлические сетки, тоже весь в мазуте. Эта камера почему-то пустовала, и в ней решили поместить меня на неопределенное время.

Законы здесь, видно, суровые. Еще в тюрьме, в отстойнике, зная, что в эти дни идет этап на Долинку, заключенные сказали, что туда не поедут. Конечно, их никто не слушал. Через короткое время начали стучать в железные двери и требовать носилки. В знак протеста заключенные порезали себя. Один разрезал лезвием живот, так что вывалились кишки, другой вскрыл вены на руке. Санитары унесли их в медчасть. Зашьют, а потом все равно отправят куда захотят.

Долинская зона — показательная, экспериментальная, «красная» зона, где все должны ходить с повязкой, то есть быть членом какой-либо секции. Меня вызвал прапорщик и направил к начальнику лагеря, предупредив, чтобы вел себя пристойно. Он вывел меня в коридор, довел до кабинета и скомандовал:

— Лицом к стене и руки на стену!

До сих пор я видел такое только в газетах, на снимках из Чили, а здесь, в лагерях, не встречал.

Мимо меня проходили два прапорщика, и один, ударив сапогом ниже спины, бросил:

— У нас руки выше держат!

Минут через десять начальник велел войти. Он предложил сесть и сказал, что заочно уже знаком со мной. Потом поднял клочок бумаги за утолок, будто боялся запачкать руку, и спросил:

— Это твое заявление?

Я понял, что это заявление, написанное начальнику тюрьмы.

— Оно не вам было адресовано, — сказал я.

— Знаю, — ответил он. — Оно написано начальнику тюрьмы, но у него нет времени, и он прислал тебя ко мне. Я займусь тобой. На зону выпускать не буду. Поживешь здесь, в изоляторе. Я буду тебя и мылить, и брить, и стричь, и жарить, и парить. Потом опять отправлю в тюрьму, поживешь там, и тебя опять привезут сюда. И так до конца срока. Молиться ты у меня здесь не будешь! Тебе все понятно?! — И, повернувшись к надзирателю, сказал: — Можешь его отвести.

Ко мне подсадили молодого человека с поручением препятствовать мне в молитве. Он был в одной куртке и в хлопчатобумажных брюках — белье, по всей видимости, отдал на «дрова» чифиристам. Я дал ему нижнее белье, а также один валенок, чтобы подложить под бок. На другом валенке спал сам.

Этот парень, видно, не угодил администрации, и его скоро заменили. Другой заключенный сильно мешал мне молиться, и тогда я стал ходить по камере и взывать к Богу. Он передал это начальнику. Меня опять вызвали.

— Ты все еще молишься? — спросил начальник.

— Мне легче перестать дышать, чем молиться, — я открыто посмотрел ему в глаза.

— Да? — злобно спросил он. — Я создам такие условия, что не будешь молиться!

— Гражданин начальник, вы не имеете представления о молитве. Даже здесь, в кабинете, разговаривая с вами, я связан в молитве с моим Господом. Иначе у меня не получилось бы сохранить спокойствие.

Начальник тут же велел отвести меня в камеру — не хватало еще у него в кабинете молиться!

Каждый день меня посещали — если не начальник зоны, то замполит, или режимник, или директор завода. Обычно они прихватывали с собой еще кого-нибудь из лагерных работников. Если хотели получше рассмотреть, то выводили в кабинет, где был дневной свет. Мой внешний вид наверняка напоминал дикобраза — больше двух месяцев не бритый, не стриженый, не мытый, исхудалый, без дневного света — одним словом, ужасающий вид.

Однажды вызвал меня замполит, чтобы показать некоторым женщинам — начальникам отрядов. Обращаясь к одной из них, он спросил:

— Маргарита Николаевна, в вашем отряде есть нужда в священнослужителе? Он в течение одной недели перевоспитает весь отряд!

Женщина в погонах, протянув ко мне руку и растопырив пальцы от негодования, вскрикнула:

— Нет-нет! Мне надо хорошего завхоза, но только не сектанта!

Проходили дни. Читать письма было невозможно — я не хотел их лишиться. Да и вряд ли получилось бы читать их в созданных условиях: сокамерник оказался весьма преданным прислужником. Но на сердце у меня было почему-то

отрадно, и молитвенно я пребывал в общении с Господом. Мне было о чем размышлять — ведь я знал живого Бога, Который никогда не покидал меня. Я хорошо знал, что мои друзья и вся церковь молятся обо мне, и это сильно утешало.

Однажды, беседуя со мной в кабинете, начальник кивнул на окно, за которым кипела работа:

— Смотри, как они усердно работают за дополнительный черпачок каши! Строят полуподвальный изолятор. Там вода будет выступать снизу и капать сверху, а до потолка будешь доставать головой.

Не знаю, удалось ли им построить такой изолятор, но от прапорщиков нередко приходилось слышать: «Не хочешь повиноваться, пойдешь туда, где через месяц легкие выплюнешь».

На семнадцатые сутки меня срочно повели в баню. Две конторские женщины, встретившись со мной в коридоре, со страхом произнесли:

— О ужас! Что за карикатура? Что они от него хотят?

Меня сперва повели в парикмахерскую, подстригли и побрили, потом — в баню, сменили белье. Затем отправили в отряд к Маргарите Николаевне, которая очень не хотела принимать сектанта.

Только я положил свои вещи на указанное место, как меня вызвали на краткосрочное свидание. Случилось все почти как у Иосифа, которого вывели из тюрьмы к фараону. Меня из тюрьмы, конечно, не выводили, но я встретился со своей любимой женой, с Альбертом и его старшим сыном Гергардом, который

приехал из армии в отпуск. Для меня это было очень большое событие.

После свидания у меня началась трудовая жизнь. Маргарита Николаевна относилась ко мне строго, видно, не хотела неприятностей от администрации. Вначале несколько раз вызывала меня, старалась переубедить, но потом оставила в покое.

Я попал в бригаду, которая подготавливала чугунные чушки для литейного цеха. Это слитки, имеющие форму шоколадных плиток в увеличенном виде. Бывало по три, а то и по четыре плитки в одном слитке. Их нужно было поднять перед собой и бросить на рельсу, чтобы разлетелись. Чушки весили от сорока до ста тридцати килограмм.

Как-то я хотел поднять очередной слиток, а рукавицы у меня были мокрые, и он выскользнул и упал мне на ногу. Я сразу заскочил в будку, где мы обогревались, и снял сапог. Кровь не шла, но два пальца были раздавлены, а большой ранен. Я попытался надеть сапог и не смог.

В санчасть меня повезли на автокаре. Большой палец был частично ранен и переломан, а два следующих — раздроблены. Стопу загипсовали, и первые дни разрешили оставаться в отряде, еду приносили. Потом дали один костыль, и я должен был прыгать в столовую (правда, без строя) и на проверку.

После болезни меня поставили убирать в гараже. Пол там был выложен чугунными плитами и весь изрезан канавками, которые заросли грязью. Пришлось хорошо поработать ломом, чтобы вычистить их. Убирал я и в конторе завгара, и в бытовке, где заключенные ели и переодевались.

В нашем отряде были одни водители — люди, которые попали сюда за аварию. В основном это не испорченный народ, хотя многие получили большой срок.

Я старался добросовестно исполнять свои обязанности, и моей работой были довольны. Гараж преобразился, особенно после того, как я вручную выбелил его.

Возле штаба был большой участок земли, должно быть цветник, но очень неухоженный. Я напросился ухаживать за ним в свободное от работы время. Талита привезла разных семян, я разбил участок на клумбы и посеял цветы. Зона была локальная, то есть каждый отряд окружала высокая металлическая ограда с калиткой, которая закрывалась на замок. Ходить из отряда в отряд запрещалось. Возле каждой калитки стоял дежурный, но мне разрешали передвигаться по всей жилой зоне.

Весной заключенные обязаны делать в секциях отряда ремонт. Я охотно белил, красил, убирал. Отрядница в это время не покидала нас — наблюдала за работой.

Как-то она отозвала меня в сторону и сказала:

— Классен, хочешь быть дневальным в отряде — следить за чистотой, мыть полы, кормить отряд?

— Мы с завхозом в конфликте, и мне будет не легко, — ответил я.

Конфликт случился по следующей причине. Завхоз водил наш отряд в столовую и из столовой. Из-за плохих зубов я не успевал съедать хлеб, а выносить его запрещалось. Я обратился с этим вопросом к отряднице, и она сказала завхозу, чтобы

он ориентировался по мне, когда выводить отряд. Это его задело, и он решил мне отомстить.

Случилось, что я ошибся и встал в строй не в свой отряд. Завхоз подождал, пока мы поравняемся со штабом, и сказал прапорщикам, что я следую за чужим отрядом. Он рассказал, что я жаловался отряднице, а сам рвусь вперед. Прапорщик был вредным человеком. Он вывел меня из строя и стал ругаться, обещая сделать мне все самое плохое, что только может.

Я вернулся с бригадиром к своему отряду, но с тех пор чувствовал, что завхоз имеет на меня зуб, хотя и просил у него прощения. А теперь быть дневальным — значит постоянно зависеть от завхоза.

Маргарита Николаевна пообещала поговорить с ним. Она устроила нам встречу, и мы примирились. Меня оформили дневальным, и я стал наводить порядок в секции. Отгородил вешалку для верхней одежды и полку для обуви возле дверей. На окна повесил шторы из простыней, на питьевой бачок сшил чехол. Потом нарезал стекло квадратиками, покрасил разной краской и сделал из них панели в коридоре. Заказал рейки, полакировал их и сделал также панели в кабинете Маргариты Николаевны. Она не могла нарадоваться.

Талите я написал, что отрядница поставила меня дневальным, и попросил привезти комнатных цветов.

С завхозом мы стали жить дружно.

У меня была своя, хоть и маленькая, каптерка.

Как-то отрядница пришла и, увидев где-то окурок, зашумела:

— Классен, опять окурки лежат, где не следует! Сколько можно говорить? Зайдешь ко мне в кабинет!

Я зашел, а она не перестает ругаться, да так громко, что далеко слышно. Потом успокоилась, открыла свою сумочку и говорит:

— Женушка была, вот передала, чтобы не похудел. В общем, можешь в столе у меня хранить. Возьми ключ — когда нужно, зайдешь.

Так через женщину, которая вначале с отвращением отказалась принять меня в свой отряд, у меня появилась связь с Талитой.

Маргарита Николаевна сильно изменилась. Мы могли подолгу разговаривать с ней о христианской жизни, о Боге. Я как-то сказал ей, что в принципе гораздо счастливее, чем она, хотя нахожусь в таком неприглядном положении. У меня есть будущность, а она этим не обладает. Смахивая слезы, Маргарита Николаевна соглашалась с моими доводами, но утверждала, что уже ничего не может изменить в своей судьбе. Она считала, что вера в Бога не для нее.

Когда умер мой отец, в лагерь, видно, пришла телеграмма. Отрядница вызвала меня, стала расспрашивать о родителях: старые ли они, где проживают, крепки ли здоровьем. Расположив мое сердце, она очень осторожно сообщила, что отец умер. Она неоднократно вознаграждала меня и личным свиданием, и отоваркой, и другими поощрениями. Я от сердца благодарил Господа, что Он и здесь не оставил меня и разными путями облегчал мой тернистый путь.

И все же это продолжалось не так уж долго. Как-то в секцию зашел замполит и спросил, знаю ли я Ивана Яковлевича Паульса? Получив утвердительный ответ, он недовольно сказал:

— Это плохо. Вы не должны с ним встречаться.

Но разве мог я в этом случае проявлять послушание? — Нет!

Ваню привезли в лагерь, и я не мог не встретиться с ним. После бани я пригласил его в каптерку, так как наш отряд располагался недалеко от бани. Это было наше первое общение. Мы закрылись и вместе помолились. Я угостил его, чем смог, и он пошел в свой отряд. Хотя общаться с ним запрещалось, ни завхоз, ни начальник отряда не препятствовали мне.

В нашем отряде многие выполняли норму и даже перевыполняли, за что получали дополнительный паек — сто грамм хлеба и черпак каши с ложкой растительного масла. А кто работал на вредных участках, получали спецмолоко. Иногда заключенные разрешали отдать эти продукты кому-нибудь, на мое усмотрение, и я отдавал их Ване.

Но и это длилось недолго — вмешивался замполит и запрещал это делать. Отрядница предупредила меня о коварных планах замполита и уговаривала изменить отношение к Паульсу. Но я не мог иначе относиться к брату.

Вскоре меня сняли с дневальных и послали в гараж — убирать, заправлять машины и трактора, выдавать бензин по норме. В промзоне у каждого было свое рабочее место, и никто не имел права оставлять его, даже по естественным нуждам. Чтобы выйти, нужно взять жетон у мастера или бригадира, а иначе попадешь в группу захвата, которая состоит из вольнонаемных лиц. Они ходят по территории промзоны и, встретив заключенного, записывают в так называемый черный список. А после работы, у ворот в жилую зону нарушителей выводят из строя и

определяют наказание: одних лишают свидания, передачи или отоварки, других отправляют на ночь во дворик, а кого-то и в штрафной изолятор.

К сожалению, в этой группе участвовали и члены зарегистрированной церкви. Старший бухгалтер, например, был членом церкви, и за три года мне ни разу не удалось поговорить с ним. Верующими были и два мастера из швейного цеха. Мы очень часто встречались, когда нас вели строем. Я старался встать в первую пятерку, чтобы хоть двумя словами переброситься с ними. Но они всегда опускали голову, чтобы не встретиться взглядом. Мне нередко вспоминалась степногорская зона — там было совершенно иначе!

С Ваней я встречался в промзоне. Завод выпускал сельскохозяйственные агрегаты, и их подетально красили. Ваня работал в покрасочном цехе.

В воскресные дни, когда в зоне играли в футбол, мы с Ваней записывались как болельщики, садились рядом и наслаждались общением, рассуждая, конечно, не о футболе.

Спустя некоторое время Ваня подружился с сомнительными заключенными. Я предупредил его, что они лукавят, но он не поверил. Один из них — Саша Бендер — всегда ходил с красной повязкой. И вот у Вани на работе сделали обыск и нашли тайник, в котором он хранил духовную литературу. Чтобы снять с себя подозрение, Саша назвал Ване имя одного заключенного, утверждая, что только он мог предать. На самом же деле Саша сам доложил начальству о тайнике.

Ваню посадили в изолятор, но Бендер и там посетил его и подарил верхонки, чтобы еще больше

войти в доверие. Потом Ваню поместили в ПКТ (помещение камерного типа), и в конце концов вывезли на Мангышлак.

Одно время у меня из тумбочки стали исчезать конфеты. Вообще, я никогда не отказывал тем, кто просил у меня, и пользовался немалым уважением. Я говорил, чтобы сами не брали, а лучше спрашивали. Самовольное хищение друг у друга называлось в лагере крысятничеством и строго каралось. И вдруг я стал замечать пропажу.

Один заключенный пообещал мне поймать вора и попросил пять конфеток. Это были круглые карамели без фантиков, обсыпанные сахаром (самые дешевые конфеты). Я дал ему пять штук. Он взял их в промзону, просверлил в них отверстие и насыпал порошок, наструганный из химического карандаша. Затем аккуратно заклеил и выкатал в сахаре. Вернув мне эти конфеты, он попросил положить их сверху.

На следующий день, как всегда, мы пошли на работу. А когда вернулись, нашего дневального не стало. В секции оставался заключенный, освобожденный от работы по болезни. Он рассказал, что дневальный, убирая секцию, вдруг начал плеваться. Больной спросил, что случилось, но тот, ничего не сказав, пошел умываться — его лицо было в чернилах. И чем больше мылся, тем больше размазывалось чернило. Тогда он побежал к ДПНК, чтобы его закрыли в изолятор.

Дневального вывезли из зоны, а меня вызвал замполит и сказал, что я полез не в свое дело. Я пояснил ему, что это не моих рук дело.

Мой срок подходил к концу. Осталось четыре месяца. Меня уже сфотографировали для справки об

освобождении и разрешили растить волосы. На работе все было хорошо, в свободное время я продолжал заниматься цветами.

Однажды вызвали в кабинет директора, где собралось все лагерное начальство и несколько незнакомых, в гражданском.

— Классен, куда ты намерен ехать после освобождения? — спросил начальник лагеря.

— У меня есть жена и дом, поеду на прежнее место жительства, — сказал я.

— А где будешь работать?

— Моя трудовая хранится в отделе кадров в детском психдиспансере, туда и пойду.

— А как твои мировоззрения — что-нибудь изменилось?

— Нет, за эти годы я еще больше убедился, что истина на моей стороне.

Последовал взрыв негодования. Меня стали всячески обзывать и угрожать, что мое упрямство добром не кончится.

После этой беседы Маргарите Николаевне велели уничтожить мои документы, свидетельствующие о поощрениях. Но она не пошла на это, мотивируя тем, что все запротоколировано и утверждено приказами. Она подозревала, что меня куда-то переведут.

И правда, спустя несколько дней объявили, что я переведен в одиннадцатый отряд.

От председателя СПП (секция профилактики правонарушителей) мне стало известно, что лагерь посещают какие-то подозрительные работники и вызывают некоторых осужденных по моему вопросу.

У меня из тумбочки исчезли все фотографии, полученные из Канады. А через время один из

расконвойников принес мне цветное фото отца, сказав, что поднял его за зоной на свалке.

НОВОЕ ОБВИНЕНИЕ И СУД

За девятнадцать дней до конца срока меня вызвали из промзоны в штаб. Двое мужчин в гражданском объявили мне новое обвинение и сказали, что должны отвезти меня в следственный изолятор.

— Для этого должно быть нарушение или свидетель, — возразил я, — а у меня его нет.

— Пройдём в жилую зону, — сказал один из них. — Там сделаем очную ставку и твое преступление подтвердится.

Переодеться не позволили. Привели к ДПНК и распорядились принести с работы мою чистую одежду — я был в мазутной робе. Из отряда принесли мой вещмешок и то, что лежало в тумбочке. Потом вызвали одного заключенного, и он засвидетельствовал, что я на протяжении двух лет клеветал на советский строй, что готовился к побегу и хотел пробраться в капиталистическую страну, чтобы возбудить войну против Советского Союза. Я не имел права задать этому заключенному какой-либо вопрос.

Таким образом я снова оказался в шестнадцатой тюрьме.

Заключенные в камере относились ко мне положительно, как к человеку, отсидевшему срок, и интересовались, за что готовят новый.

У меня был объемистый вещевой мешок, и некоторые хотели знать, нет ли там чего-нибудь съестного. Я сказал, что здесь у меня хранятся письма. В лагере я получал много писем, бывало, до

сорока штук в день. Это было хорошим свидетельством не только для заключенных, но и для администрации. Цензор говорила, что на мое имя приходит почты больше, чем на всю зону. Для многих было дивом, что меня знают по всей стране и, словно родному, пишут. Приходили письма и из других стран, друзья просили не унывать, и свидетельствовали, что молятся обо мне.

Письма являлись собственностью заключенного, и по закону их не имели права конфисковывать. Я завел общую тетрадь, в которой указывал, в каком письме можно найти какое стихотворение, в каком — песню, в каком — текст Писания. Талита списала мне весь Псалтирь, а также Послания Апостолов. В письмах было много жизненных примеров и назидания, и все это я отмечал в тетради.

Я датировал письма, и найти нужное было совсем нетрудно. В тетрадь заносил и адреса, от кого получал корреспонденцию. Когда писал домой, то на одной странице обычно помещал перечень адресов, от кого получил письмо, потом описывал свои обстоятельства и состояние. Талита размножала мои письма и рассылала по адресам.

Сохранял я не все письма. Поздравительные и малосодержательные приходилось сжигать. Интересных, насыщенных посланий скопилось за этот срок около тысячи. Теперь у меня было время перечитывать их заново.

Одна сестра из Омского объединения писала в простоте: «Как хорошо, Рудольф Давидович, что ты находишься там! Раньше твои проповеди слушали только в одной церкви, а теперь и мы можем их читать...»

Поскольку наш лагерь находился на территории Шахтинского района, следствие вела шахтинская прокуратура.

Это было весьма мучительно. На этап обычно собирали в понедельник утром, могли еще до завтрака отправить в отстойник, и тогда приходилось целый день голодать. В Шахтинск привозили к обеду, но поесть ничего не давали, так как еще не поставили на довольствие, а в КПЗ кормят только один раз, в обед Во вторник начиналось следствие, но обычно не спешили, и только в среду или в четверг составляли протокол, потом искали понятых, чтобы подписать его, и отправляли меня в камеру на голые нары с тьмой насекомых.

Клопы очень чутки, и как только тело прикоснется к нарам, они тут же спешат к своей жертве. Я пробовал поставить палец на нары и посчитать до шестидесяти. За это время на руку заползло восемнадцать клопов. Это днем, а ночью они чувствуют себя гораздо вольнее.

Следствие вел заместитель прокурора Балуев — блондин с приятным лицом, не достигший еще средних лет. Как-то после очередного допроса он позвал двух женщин в качестве понятых и, коротко пояснив, кто я, прочитал им протокол. Я сказал женщинам, что все это фальшивая фабрикация, и, хотя дело не изменят из-за моей росписи, я все же не хочу подписывать свой смертный приговор.

Балуев предложил женщинам подписаться, и они, хотя и робко, расписались.

— Зачем вы усложняете свою работу? — спросил я следователя, — Зачем нужны эти понятые? Раньше

судила тройка и не нужны были ни понятые, ни даже свидетели.

— Могу обрадовать вас, — авторитетным тоном сказал он, — это время возвращается.

Из меня сделали ярого антисоветчика. Я, конечно, не рассчитывал на жизнь. Так когда-то поступали с нашими отцами и дедами. Почему бы и мне не идти этим путем? Я молился только, чтобы Господь хранил меня от неверности.

В пятницу подследственных отправляли этапом в тюрьму, и это тоже был голодный день — в КПЗ еще не кормили, а в тюрьме уже поели. Притом в тюрьме приходилось ждать понедельника в отстойнике — в голой камере, где не на что ни сесть, ни лечь. Спать ложился на голый пол и всю ночь кормил насекомых.

Я искренне благодарил Бога за то, что при мне были письма. Как сильно они меня поддерживали! Сохранилось у меня и несколько черно-белых фотографий. Я не мог насмотреться на милые лица, тоскуя по общению с родными и любимыми.

Был такой период, что я просто не знал, как духовно выжить. Я вопиял к Богу, чтобы Он утешил меня и поддержал. И удивительно, ночью вижу сон — нахожусь на большом общении. Людей так много, что трудно определить количество. Проповедуют незнакомые братья, большой хор поет новые гимны, и я слушаю с огромным наслаждением. Когда проснулся, мне казалось, что только пришел со свободы. Так Бог утешил меня.

По возвращении с этапа меня нередко помещали в другую камеру, и это тоже приносило немалые сложности.

Как-то попал я в малогабаритную камеру, предназначенную для двенадцати человек, а в ней — сорок. Кровати спаренные, и на одной такой кровати нас спало семеро. Спали поперек, все на одном боку, ноги висели в воздухе. Если кто-то хотел повернуться на другой бок, то все должны были поворачиваться. Некоторые не могли всего этого выдерживать и ложились на грязный бетонный пол.

В этой камере многие курили травку, как, впрочем, и в других камерах. От нее одни начинали сосредоточенно ходить взад-вперед, другие неистово смеялись прямо-таки бесовским смехом. Травку не только приносили с этапа, но и приобретали через надзирателей за деньги, и это не было секретом. При обысках ее изымали, а потом продавали. Это золотое дно. Продавался и плиточный чай, в два раза дороже своей стоимости. Торговля шла каждую ночь.

В последний раз, когда привезли из Шахтинска, меня поместили в камеру убийц. Это были люди, которым ничего хорошего не светилось, как и мне. Но я жил надеждой на Бога. И это — несказанное преимущество.

В этой камере я не встретил понимания. Мне уже вручили обвинительное заключение, и я знал, что скоро могут вызвать на суд. Заключенные всячески насмехались надо мной, издевались, не признавая ничего святого. Я лежал на верхней шконке и вопиял к Богу. Страшно было слушать их истории, связанные с коварными убийствами.

Вдруг один подошел ко мне и ехидно спросил:

— Что, вникаешь?

Я читал обвинительное заключение. Он снял с меня очки, бросил их под ноги и стал топтаться. Я

взывал к Богу, чтобы Он сократил муки, так как понял, что обречен на смерть. И все же не хотелось умирать в таких ужасных условиях. Вспомнив, как Бог сохранил Даниила среди львов, я молился, ожидая, что вот-вот должно что- то произойти.

Вдруг открывается «кормушка» и раздается команда:

— Классен, с вещами!

Уже на выходе издевавшийся протянул мне очки.

— Ты ведь раздавил их! — сказал я недоумевая.

— Я раздавил кусок стекла и хотел посмотреть, как ты среагируешь, — рассмеялся он.

В это время открылась дверь, и я с удовольствием вышел, хотя и не знал, что ждет впереди. Доброго ожидать было невозможно.

Меня подвергли уже привычным процедурам и передали спецконвою. Начальник конвоя — довольно молодой, коварный человек — предупредил, что конвой этот особый, он не шутит. Меня сегодня будут судить не за веру, а как антисоветчика, поэтому на суде — ни слова о Боге. Отвечать и задавать вопросы строго по делу.

— Никаких молитв! — кричал он. — Если хочешь молиться, молись на меня, я сегодня твой бог! Хотя в Бога я не верю, я дьявол! Тебе все понятно?!

Я промолчал.

Повезли в облсуд. Конвой действительно вел себя так, будто охраняет особо опасного преступника.

Меня завели в помещение с заднего хода и закрыли в клетке. Из другой клетки послышались знакомые голоса — это свидетели, которые должны давать показания.

Начальник с двумя солдатами удалился, а двое охраняли меня. О еде сегодня никто не думал, здесь ожидается другая пища.

Наконец завели в зал суда. Зал небольшой, сидячие места заняты. Среди присутствующих я не видел знакомых.

Зашёл судебный состав. Все встали, потом сели. Судья зачитала процесс суда, познакомила с составом суда, объявила права и обязанности подсудимого, спросила, есть ли вопросы.

Я поинтересовался, знают ли мои родственники, что меня сегодня судят? Судья ответила, что родных оповестили, но причина их отсутствия неизвестна.

Начался суд.

В моем обвинительном заключении фигурировало восемь или девять заключенных. Некоторые — из моего отряда, среди них — Саша Бендер. Привезли также заключенных с особо строгого режима, которые много помогали администрации. С некоторыми я вообще не встречался в лагере. У всех были одинаковые показания, что я клеветал на советский строй, планировал свергнуть власть, стремился к побегу и хотел возбудить капиталистов пойти войной на нашу страну.

Лжесвидетели вставали один за другим и говорили шаблонно, как были научены.

После каждого показания судья спрашивала:

— Есть ли вопрос к свидетелю?

Я тоже почти шаблонно спрашивал:

— Если я на протяжении двух лет пропагандировал антисоветизм, что вы, как общественник, предприняли, чтобы это пресечь?

Конечно, ни один из них не ответил на этот вопрос.

Во время суда в зале появились мои родственники: жена, братья и некоторые члены церкви. Оказывается, им сообщили, что будет суд но по какому адресу — умолчали, разумеется, не без умысла. Мои родные побывали и в лагере, и в прокуратуре, пока наконец нашли место суда.

После показания свидетелей мне предоставили возможность сказать защитное слово.

— Почти не надеюсь, что от моего слова что-то изменится, — сказал я. — Если все, что здесь говорили, — истинно, то, с одной стороны, я уже не должен жить, С другой стороны, свидетели, в том числе и работники администрации, должны сидеть рядом со мной на скамье подсудимых. Если я на протяжении двух лет пропагандировал, а они не пресекли меня, то должны понести ответственность за укрывательство, а лагерное начальство должно ответить за то, что такого врага терпели возле себя два года.

Однако фальшивое уголовное дело возбудили, когда мне оставалось двадцать дней до свободы. И сделали это после того, как спросили, изменил ли я свое мировоззрение по отношению к Богу. Когда я сказал, что, напротив, еще больше утвердился, услышал угрозу — «тогда увидишь!». И вот — это то, что я увидел. Ни к какой клевете я не причастен и никуда не хотел убегать. Хорошего я не ожидаю, но от своих мировоззрений не отрекаюсь.

Прокурор в своей обвинительной речи сказал, что меня надо признать виновным, так как из психиатрического диспансера поступили сведения, что

я не душевнобольной и за свои действия должен нести наказание.

До суда меня подвергали психмедобследованию в связи с тяжким составом преступления. После всех процедур завели в кабинет профессора.

Седовласый мужчина преклонного возраста покрутил мое дело и спросил:

— Что это вы не довольны советской властью? Не нравится — уехали бы за пределы!

— Я не жалуюсь на советскую власть, не бунтую.

Профессор недоверчиво покрутил головой:

— Я же вижу по делу. Очень нехорошее дело.

— Моя вина заключается в том, что являюсь служителем церкви, — пояснил я, — и поскольку власть атеистическая, возникли проблемы, за что мне дали три года. Я их отбыл, но свои мировоззрения по отношению к Богу и Библии не изменил, и на меня возбудили новое дело, воспользовавшись негодными заключенными, которые совершенно ложно обвиняют меня.

— Вы на самом деле верите в Бога?

— Если бы не верил, перед вами не стоял бы...

Профессор сидел за столом, слева и справа от него сидели его сотрудники. За моей спиной стояли два милиционера.

— А чем вы докажете, что Бог есть?

— Этому надо просто поверить, — улыбнулся я. — А доказать это так же трудно, как доказать, что ваш отец является вашим отцом.

— Позвольте, — возразил он, — Это я могу доказать и по крови, и по сходству.

— Тогда и я могу доказать. При чтении Библии мне открывается Бог, и там написано, что Он сотворил

нас по Своему образу. Я никак не могу согласиться, что мы произошли от обезьяны...

Увлеченный разговором, профессор признался, что впервые встретился с верующим, готовым пострадать за свою идею.

Между нами состоялась неплохая беседа. Он попросил привести что-то веское в доказательство существования Бога, и я предложил ему диспут атеиста и верующего в стихотворной форме.

Профессор выслушал, сердечно поблагодарил за приятный разговор и пожелал не потерять того, что имею. Он написал медицинское заключение и отпустил меня. Это заключение фигурировало на суде.

Судья объявил перерыв на обед. Заключенным, которые свидетельствовали против меня, принесли горячее, и приятный запах наполнил все помещение. Это был совсем не такой запах, какой мы обычно вдыхали, приближаясь к лагерной столовой. Как прекрасно, что Бог дал нам обоняние, вкус, осязание, слух и зрение! Какими бедными мы были бы без этих чувств! Меня не кормили, но я мог подышать приятным ароматом. Зависти не было ни грамма, напротив, я вспомнил Исава, который променял нечто дорогостоящее на приятное, и это укрепило меня.

Обед длился довольно долго. Солдаты тоже ели.

После обеда меня завели в зал суда и зачитали приговор: три года лишения свободы в лагерях строгого режима. Учитывая статью 23, постановили отправить в отдаленные районы Советского Союза как социально опасного.

Не успели закончить чтение приговора, как в мою сторону полетели букеты цветов.

В одно мгновение на меня налетели солдаты, повалили и, схватив кто за что, вынесли из зала суда. Я думал, разорвут, но все обошлось благополучно.

Моих свидетелей увезли в лагерь первыми. Затем и за мной подошел воронок, в котором находилось несколько осужденных. Нас повезли в карагандинскую тюрьму.

Большие металлические ворота со скрипом раздвинулись и пропустили воронок. Нас выгрузили и приказали повернуться лицом к стене. Офицер спецконвоя, охраняющего меня, спросил:

— Где этот антисоветчик?

Подойдя, он изо всех сил ударил меня меж ног. У меня закружилась голова, я пошатнулся, но не упал. Потом нас завели в отстойник, обыскали и распределили по камерам.

Когда за мной закрылась железная дверь, я некоторое время стоял у порога, чтобы глаза привыкли к полумраку.

Вдруг из камеры послышался властный голос:

— Пахан, иди сюда!

Я видел лишь силуэты заключенных, рассмотреть их было трудно.

— Не узнаешь? — спросил кто-то.

— Нет.

— Посмотри внимательнее!

Я присмотрелся. Сидит человек средних лет, невысокого роста, похоже, кавказец.

— Нет, — говорю, — не узнаю.

— Ты с тридцать третьей шахты?

— Да.

— Тогда вспоминай!

— Не могу, — покачал я головой.

— Помочь? — не отступал он.

— Ну, напомни.

Заключенный стал рассказывать, где я жил, где жила моя мать.

— У вас был общий двор, и в вашем дворе часто проходили христианские праздники, свадьбы. Вы расставляли столы и ели во дворе. Правильно?

— Правильно, — кивнул я.

— Так вот, у вас во дворе была летняя кухня. На одной из свадеб вы хранили там все сладости, и мы, чеченские дети, забрались в кухню и набили себе карманы конфетами. Вдруг ты открыл дверь и сказал: «Ну что, попались! Теперь я с вами разделаюсь!» Помнишь?!

— Очень смутно, — пожал я плечами.

— Помнишь, как ты с нами разделался?

Я напрягся, но вспомнить не мог. Одно стало ясно, что теперь пришла расплата. Такое в этих местах происходит часто — заключенные предъявляют друг другу старые счета, и быть свидетелем при разборе таких долгов — страшно.

Я так и не смог вспомнить, как расправился с теми мальчиками и потому молчал.

— А я запомнил! — с непонятной улыбкой продолжал чеченец.

У меня мелькнула мысль, что этот второй суд может быть похуже дневного, откуда я только что прибыл.

— Рассказать?

— Расскажи, — обреченно вздохнул я.

И он рассказал, как я вывернул их карманы (им было по восемь — десять лет). Среди них была девочка, она тоже набрала конфет за пазуху, я и у нее

все забрал. Потом снял чашку с дорогими конфетами, которая стояла повыше, набрал каждому по горсти, сунул в карман и, открыв дверь, сказал: «А теперь, киш отсюда!»

— Было такое? — весело закончил чеченец.

Я так и не вспомнил этих подробностей, но благодарил Бога, что случилось не иначе. Упомянутое событие произошло в 1961 году, и кто бы подумал, что через двадцать два года мы встретимся?!

Чеченец верховодил в камере, и чувствовалось, что его все боялись.

— Теперь ты будешь спать рядом со мной, тебя здесь никто не тронет! — сказал он.

Я возразил:

— Мне лучше на втором ярусе, потому что я люблю преклонить колени и помолиться, а внизу неудобно.

Тогда он предложил выбрать любое место. Я удовлетворился свободным, и мне в той камере было относительно неплохо.

После суда сотрудники КГБ успокоились. До этапа они оставили меня в покое. Но я понимал, что приговор для меня окажется смертным. Меня даже не удивляло то, что по составу обвинения дали детский срок — всего три года. Николая Кузьмича Хмару и Отто Петровича Вибе лишили жизни в течение года. Я тоже этого ждал.

Прошло почти полгода с того времени, как меня увезли из лагеря. Хотя я не надеялся на справедливое разбирательство, все же написал кассационную жалобу. Ответ еще не пришел, а меня вызвали на этап.

Нас погрузили в вагон и повезли на восток. Дни тянулись долго, а ночи еще дольше. В купе было тесно, спали сидя.

Я думал о том, что Бог дал мне множество братьев и сестер, которые непрестанно молятся обо мне. Как дорого принадлежать такому братству, где «страдает один член, с ним страдает все тело...»! Сколько моих братьев и сестер везли по этой же дороге в неведомые края! Может, кто-то ехал и в этом вагоне? Один Бог знает... Многие из них никогда не возвратились в свою семью. Сколько их? Может, и я никогда не вернусь домой? Ведь еще в лагере, когда я непреклонно заявил о своей уверенности в истине, мне посулили, что пойду тем же путем, что и Храпов. Но ведь этим путем шел Сам Христос! Этими мыслями я утешался.

В пути мне удалось побыть на второй полке и немного отдохнуть. В купе находился заключенный, которого возвращали со строек народного хозяйства. Он раньше сидел в Красноярске, и теперь его снова везли туда. Он поинтересовался моей статьей, спросил, за что сижу. Узнав, что я верующий, стал рассказывать, что у них в лагере был золотой человек, которого все заключенные звали паханом зоны.

— Ты помнишь его фамилию? — спросил я.

— Бойко.

— Николай Ерофеевич?

— Да. Ты его знаешь?

У нас завязался разговор. Он открыл свой большой чемодан, достал хлеб, сало, колбасу...

— У меня сегодня праздник, — сказал он, — и я хочу угостить тебя вместо Николая Ерофеевича.

Я полакомился забытой пищей.

Среди заключенных есть личности, известные во всех регионах страны. Ведут они себя очень уверенно. Этот человек был одним из них. На протяжении всей дороги никто не смел дотронуться до его чемодана.

В Иркутске нас поместили в большую камеру, и все эти знатные сразу нашли друг друга. Они сложили свои вещи в кучу и разговаривали, понимая, что их разбросают по разным камерам. У них была своя жизнь. Потом они открыли свои сидора, чемоданы и стали есть. Вдруг красноярский позвал меня и, представив своим друзьям, сказал, что у нас жизнь разная, но такие, как я, достойны уважения. Он пригласил меня поесть вместе с ними. Его товарищи попросили не смущаться, и я, помолившись, стал есть.

В этом большом отстойнике мы были недолго. Зашел офицер и велел выйти вперед тем, кто пришел из других зон и чувствует за собой грешок. К ним относились завхозы, бригадиры, повязочники и обиженные. Офицер предупредил, что те, кто сейчас не признается, будут пенять на себя.

Произошло разделение. Тех, которые вышли, увели первыми, а потом нас. Я попал в камеру, где на полу лежал лед. Высокое трехметровое окно было без стекла, зарешеченное, квадратики около шести сантиметров. Заключенные сразу приступили к делу. Кто-то пожертвовал телогрейкой, ее распустили и ватой забили каждый квадратик, верхняя ткань пошла туда же. Одной телогрейки не хватило, и нашлась еще одна. Видно, люди не первый раз переживали такое.

Дневной свет исчезал, зато становилось теплее. Нашлись смельчаки, которые решили проверить вещмешки и взять, что понравится. Я находился на втором ярусе и молился Господу, чтобы Он хранил

меня от искушения. Когда два храбреца забрались наверх, я сделал вид, будто не замечаю их. Удивительно, но они проверили мешок у моего соседа, меня обошли и стали проверять у другого соседа. Значит, что-то удержало их от моего мешка! От таких переживаний трепетало сердце и всегда хотелось воздавать Богу хвалу.

Среди этапных был мужчина, работавший кладовщиком. Похоже, сидел за растрату. У него был полный рот золотых зубов. Он попал в поле зрения тех, кто претендовал на верховодство. Немного освоившись в камере, они предложили ему снять золото. Но он противился. Тогда они проявили насилие и чуть ли не вывернули ему скулы. Я думал: сколько моих сестер и братьев искушаются этим золотом! Некоторые утверждают, что оно очень полезно для организма. Но если бы они хоть раз увидели, как расправляются с такими людьми, думаю, у них пропало бы всякое расположение к этому металлу.

Пришел конвой из Якутска, и стали набирать этап. Конвой не принимал заключенных без бушлата, шапки, валенок и рукавиц, поэтому тюрьма одела нас с тем, что в лагере за все высчитают. Десять заключенных, в том числе и меня, повезли в аэропорт и посадили в хвостовую часть самолета. Охраняло нас двадцать три надзирателя с оружием.

В Якутске погрузили в воронок и привезли в отстойник. Время было позднее, и мы поняли, что ночевать будем в отстойнике. Эта камера здесь выглядела по-другому — посередине замурованы металлические стойки, вдоль камеры тянутся

скамейки из реек. Значит, можно полежать, но позволит ли температура — это вопрос.

В тюрьме, узнав, что я из верующих Совета церквей, мне рассказали, что не так давно Георгий Петрович Винс передал по радио персональный привет начальнику тюрьмы. Заключенные якобы сами слышали это. Они хорошо отзывались о Георгии Петровиче. Рассказывали, что он работал в лагере старшим электриком и пользовался у администрации большим уважением. Эта весть была елеем для моей истомленной души.

На следующий день нас разбросали. Я попал в студеную камеру. Возле бачка с водой нарос лед выше половины табурета, бачок тоже стоял замерзший. Мы бегали вприпрыжку, чтобы согреться. Через сутки перевели в другую камеру, и там пришлось быть до этапа.

ТАБАГА

При распределении по зонам я попал в Табагу — лагерь в тридцати километрах от Якутска. По приезду заключенных сразу стали распределять по отрядам. В зале за длинным столом, покрытым красной скатертью, сидела вся лагерная знать: начальник, оперативник, замполит, режимник, медработник, директор леспромхоза и прочие. Заключенных вызывали по одному.

Когда я отчеканил фамилию, имя, отчество, год рождения, статью, часть, срок, начало и конец срока, начальник посмотрел на мое дело и возмущенно произнес:

— Антисоветчик! Сектант! Раскольник!

Я отрицательно покрутил головой.

— Здесь ты у меня не будешь пропагандировать! — угрожающе сказал он.

— Гражданин начальник, я и там не пропагандировал, вы в этом убедитесь.

— Все ясно! — кивнул он и обратился к майору по санчасти: — Кстати, он прошел психиатрическую проверку?

Тот полистал мое дело:

— Да. Здесь отмечено, что рассказал какой-то диспут.

— Что ты там рассказывал?

Я передал разговор с профессором.

— Расскажи и нам, — попросил начальник.

Таким образом я стал известным. Шепотом переговорив, они объявили:

— Пока будешь на ОФР. Иди в первый отряд.

Табага — небольшой, старый лагерь. Здесь стояло четыре или пять двухэтажных бараков рубленных и несколько одноэтажных. Рядом — тубдиспансер, а также больничные корпуса и бараки, в которых жили больные.

Основная работа в Табаге — разработка леса. Зона располагалась недалеко от реки Лены, по которой сплавляли лес. Его вылавливали и привозили в промзону на пилораму.

В первый отряд входила хозобслуга — заключенные, которые работали на кухне, в бане, столярке, сапожной, а также те, кого определили на ОФР.

Я спросил у дневального, что означает ОФР. Он рассмеялся:

— Будешь летать на фанере!

Я не понял. Мне знакомо, как летать на вертолете, — когда бараки переполнены, тогда по проходу на спинки второго яруса кладут щиты, которые и называют вертолетами. На них я уже летал, а на фанере еще не приходилось. Повторно не хотелось подходить к дневальному, и я спросил у другого заключенного, надеясь, что он лучше объяснит. Тот сказал:

— ОФР означает отсутствие фронта работы. Без работы будешь сидеть на голом пайке, если у тебя нет заработанных денег на личном счету.

Мне стало смешно: в исправительно-трудовой колонии отсутствует фронт работы!

Табага стала для меня зоной отдыха. Месяца четыре я отдыхал. Правда, один раз попал в искушение. Ранней весной всех ОФРовцев вызвали в режимную часть, и начальник по режиму сказал мне:

— Ты, оказывается, на свободе работал на стройке! Вот тебе рукавицы, инструмент и рабочие. Будешь бригадиром. Постройте штрафной изолятор. Непонятные вопросы решайте на месте с начальником. В понедельник приступите.

Я вернулся в отряд с тяжелым сердцем. На свободе не разрешали строить молитвенные дома, а здесь я должен строить штрафной изолятор для мучения и уничтожения, пусть даже преступного мира! Я спал очень тревожно.

Утром в отряде узнали о том, что мне поручили строить изолятор. Многие подходили и спрашивали, сочетается ли это с нашим учением. Они знали Георгия Петровича и говорили, что он не соглашался на любую работу. Во мне происходила борьба. Не растолкуют ли мой отказ как антисоветизм?

Заключенные подталкивали меня принять решение и утешали, что больше пятнашки не дадут. Днем я услышал, что начальник по режиму опять принимает заключенных, и пошел на прием.

— Гражданин начальник! — сказал я. — Вы поручили мне работу, с которой я не справлюсь из-за болезни глаз. У меня в деле лежит справка об освобождении от работ, связанных с напряжением зрения.

Он посмотрел на меня, будто ничего особенного не произошло, и говорит:

— А почему ты сразу не сказал? Положи рукавицы и будь свободен!

Я ликовал. И не только я — за меня переживали многие из нашего отряда. Они подходили и выражали свою солидарность.

Скоро пришла личная карточка с деньгами, и я каждый месяц мог отовариваться на пять рублей. Я с наслаждением перечитывал старые письма, и скоро стал получать новые.

Когда Талита узнала о моем местопребывании, она приехала на краткосрочное свидание и привезла передачу. Правда, свидание было неполноценное — мы разговаривали по телефону. Меня, как и ее, завели в стеклянную будку, между будками был проход метра полтора. Надзиратель мог слушать наш разговор. Ни рукопожатие, ни поцелуй на этом свидании невозможны. Но мы радовались и такому общению. Я благодарил Бога за верность жены и ее любовь — с большими трудностями и затратами она совершила такую дальнюю поездку, чтобы два часа посмотреть на меня через стекло и поговорить по телефону! На это способна только любовь.

Моя жизнь в отряде протекала без напряжения. У соседей по кровати я пользовался уважением. И вообще не замечал, чтобы за мной кто-то следил, хотя и здесь были общественники с повязками. Начальство будто забыло, что в их лагере находится антисоветчик.

Как-то подошел ко мне уже немолодой китаец и попросил прочитать письмо от жены. Он был неграмотным, а жена — довольно молодая, русская, часто писала ему, и у него были проблемы с письмами. Китаец каждый раз должен был платить тому, кто читал или писал его письма.

Когда я прочитал письмо, он хотел отблагодарить меня.

— Иисус Христос учит: «Даром получили даром и давайте», — отказался я.

Китайцу это понравилось, и он попросил написать ответ. Он диктовал, но выражался неправильно, потому что плохо знал русский язык. Я воспринимал его речь христианским сердцем и писал. Когда письмо было готово, он попросил прочитать, что получилось, и искренне удивлялся, что написано лучше, чем продиктовано. Так китаец стал моим постоянным клиентом. Его супруга, узнав, что я верующий, заинтересовалась верой в Бога и задавала много вопросов.

В разгаре весны подошел ко мне мужчина из нашего отряда и спросил, не желаю ли я работать. У него кончался срок, и заведующий столовой попросил, чтобы он нашел на свое место порядочного человека. Работа была не так уж тяжелая — вытирать столы после каждой бригады и мыть пол в столовой.

Можно было оставаться на ОФР до конца срока, но я согласился поработать. Написал заявление на имя начальника лагеря и пошел к заведующему столовой. Он сидел в кабинете и, положив ноги на стол, смотрел телевизор. Даже не взглянув на меня, он подписал заявление и велел отдать начальнику. Через несколько дней я приступил к работе.

Заведующий дал мне двух подсобников и предупредил, что порядок будет спрашивать с меня. Мы старались, чтобы столы всегда были чистые. Хотя это нелегкое дело. Заключенным ничего не стоит перевернуть миску с кашей. Еще хуже бывает, когда бригада заходит и первые начинают обменивать миски и брать, где побольше. За это могут миску с кашей надеть на голову и начинается потасовка, пока на столе не кончатся миски. Безусловно, после этого заключенные сами в каше с головы до ног, а нам приходится не только столы мыть, но и скамейки, и стены, и потолок, и пол. Виновников отправляют в штрафной изолятор. Такое случается нередко. И еще — многие заключенные не садятся на скамейку, а залазят на нее ногами и сидят на корточках. После них нужно и скамейки вытирать. Особенно, когда на улице грязь.

Посуду собирают дневальные, которые и накрывают на стол. Помои сливают в бак, который стоит возле дверей, и, если бак полный, мы должны вынести его на улицу и вылить в большую бочку на колесах.

Работы хватало, но ее не сравнить с работой на промзоне. Питание у нас было диетическое. Каждое утро давали двадцать грамм сливочного масла. В кухне готовили и для туберкулезных больных, которые

стояли на диете, и им полагалось молоко. Оно часто оставалось, и нам каждое утро давали чайник с молоком. Мы были сыты.

Летом ели на улице, и тогда с уборкой становилось намного легче. Заведующий никогда не бранил нас. Офицеры, дежурившие во время обеда, тоже не предъявляли к нам никаких претензий. Нашей работой были довольны и заключенные, и администрация.

Однажды Талита приехала на личное свидание с пятью сумками. Я удивился:

— Как ты донесла их?

— Метров пятьдесят пронесу две сумки, поставлю, и возвращаюсь за другими, — улыбалась счастливая жена. — Так потихоньку и добралась.

Я, конечно, журил ее за это. Ведь не только тяжело нести, но и съесть столько за трое суток невозможно, и многое придется везти обратно! Но Талита утверждала, что не могла отказать братьям и сестрам, которые очень хотели что-то передать, и потому набралось много. Это было наглядное выражение любви, и забыть его невозможно даже спустя многие годы.

Долгожданное свидание проходит невыразимо быстро. Не успеешь насладиться встречей, только приготовишься к настоящему общению, а уже надо прощаться. Для меня свидание было трехдневным глотком свободы, а для Талиты — это три дня тюрьмы.

Через год я получил еще одно личное свидание. На этот раз приехали мои братья — Альберт и Андрей.

Почему-то нас заставили долго ждать. Говорили, что не готова комната. Это несколько настораживало. Встретившись, мы чувствовали себя немного скованно — вдруг подслушивают?

Услышав непонятный шорох из-за реек, которыми были обшиты отопительные трубы, мы прислушались. Несколько часов время от времени приходилось отвлекаться на подозрительные звуки, а потом я нашел в одном месте щель и стал наблюдать. Вдруг вижу — мышка гонится за мышкой! Я рассмеялся, и на этом все успокоились.

Мы вдоволь пообщались, и у меня опять появилась надежда на жизнь. Однако после свидания письма стали приходить реже. Не зная причины этого явления, решил отправить Талите письмо нелегально, через лесовоза, без обратного адреса. Написал, что в последнее время стал получать совсем мало писем, а до конца срока остается меньше года. Просил, чтобы не унывали, чтобы благодарили Бога за мои обстоятельства — живу хорошо, работаю в пищеблоке, мой вес приближается к ста килограммам.

Оказалось, нашу корреспонденцию арестовывали в Караганде. Как только мое письмо дошло до Караганды, уже на следующий день оттуда в Табагу прибыл человек. Он обвинял начальника зоны за то, что здесь откармливают антисоветчика.

Начальник дал отрядному указание срочно перевести меня в другой отряд и на другую работу.

Когда мне это объявили, я пошел к заведующему столовой.

— Никаких! — возмутился он. — Работай, как работал, я сам пойду к хозяину.

И пошел. Спустя немного времени приходит с опущенными крылышками и говорит:

— Хозяин ничего не может сделать, есть люди повыше него.

Я распрощался с пищеблоком и с отрядом и на следующее утро пошел на сортировку леса. Началась совершенно другая жизнь.

Якутская зима не скупилась на морозы, и мне, не приспособленному к работе с лесом, было нелегко. Моя задача — сталкивать бревна с конвейера в так называемый карман. Чтобы они ложились ровно, нужно было пользоваться двумя жердями, по которым катились бревна. Время от времени их надо было или высовывать, или затягивать, причем успевать на ходу. Пропускать бревна нельзя.

Недолго работал я на этом месте — однажды поспешил подвинуть бревно, поскользнулся и упал левым боком на жерди. Поломал два ребра. Две недели пришлось лежать в санчасти, потом выписали на легкий труд.

После болезни меня поставили убирать кору, которая отпадала от бревен, а также чистить от снега рабочую площадку и топить бытовку, где мы временами грелись. Заключенные помогали мне, но начальство, видно, получило задание усложнить мою жизнь, и это колесо привели в движение.

Работали мы в три смены. Бригадир у меня был неплохой, работящий, жалел меня. Мы имели право кончить работу за пятнадцать минут до конца смены и пойти в баню. Часы разрешали носить только бригадирам. Как-то мы хорошо поработали, запас сортировочного леса был немалый, и бригадир предложил мне пойти вместе с ним искупаться. (Мы не

каждый день купались.) Было не совсем без пятнадцати, но я пошел с ним. Только мы разделись, заскочили прапорщики и записали нас как нарушителей. В результате мне выписали пятнадцать суток штрафного изолятора, а остальным — ничего. Мой бригадир даже пошел на личное свидание после этого нарушения.

В штрафном изоляторе дежурный прапорщик назначает дежурного по камере. Его обязанность — поддерживать чистоту в камере, а когда приходит начальство — назвать свою фамилию и доложить, сколько человек в камере, есть ли нарушение. Меня сразу назначили дежурным.

В изоляторе, как там говорят, один день летный, другой — пролетный, то есть один день кормят, а на другой дают только кипяток. Для изолятора отдельно готовят обезжиренную пищу: жиденький супчик и такую же жиденькую кашу. Хлеба дают здесь уменьшенную пайку. Утром и вечером положено только кипяток.

Так меня поставили дежурным, а в камеру бросили заключенного, который считал себя невиновным и стучал в двери, требуя начальника. Вдруг резко открылась дверь и на пороге появился замполит. Заключенный вылил ему свое недовольство. А замполит, выслушав его, спросил:

— Кто сегодня дежурный?

Я назвался.

— За то, что не сразу доложил, лишаешься очередного свидания! — отчеканил он.

Уже выйдя из изолятора, я узнал, что в тот день на кратковременное свидание приехала Талита, и нас умышленно лишили радости встречи. Не знаю, с каким

сердцем она уехала, ведь из Караганды до Якутии — немалое расстояние! Верю, что за все несправедливое мы однажды получим воздаяние от Бога.

Наступило лето 1986 года. Отношение администрации ко мне оставалось напряженным. За короткое время у меня появилось четыре нарушения. В лагере повсюду висели выписки из приказа, что за систематические нарушения в местах лишения свободы могут продлить срок без выхода на свободу. Для меня это значило пожизненное заключение. И если бы не надежда на Господа, не знаю, как все это можно было бы перенести.

Однажды вызвал меня начальник спецчасти и показал ходатайство о досрочном освобождении от друзей из-за рубежа.

— До конца срока осталось чуть больше трех месяцев, — напомнил он. — Начинать собирать документы на досрочное освобождение или будешь ждать звонка?

— Конечно, лучше подать документы.

— Думаю, все равно не получится раньше, чем по сроку, — задумчиво сказал начальник.

Но я не хотел отказываться от любви незнакомых друзей.

Мысли об освобождении все чаще и чаще овладевали моим сознанием. Сердце тосковало по церкви, по семье.

Окружающая обстановка оставалась подозрительной — нарушения, приписанные мне, были явно надуманными. Иногда приходили мысли, что со мной могут поступить, как с Г. П. Винсом, —

выслать за пределы страны. Казалось, я был бы рад такому исходу.

Время шло, а потепления со стороны администрации не чувствовалось. До конца срока у меня так и не появилось твердой уверенности, что выйду на свободу. И все же я готовился к этому — сшил большую сумку и аккуратно упаковал свои письма. Ненужные сжег.

Накануне ожидаемого освобождения я заварил ведро чая, поставил рублевых конфет и пряников, которые сэкономил за два месяца, и пригласил заключенных на прощальный ужин. Среди них было немало изувеченных — без ушей, без рук, с ампутированными кистями, без пяток и полностью без ступней. Бедные жертвы греха! Кто теперь будет говорить им о любви Божьей и о Христе, Который дает свободу таким, как они?

И вот наступило 21 июня, день, когда вопрос моей свободы должен решиться конкретно. Мне вручили обходной лист, и я пошел подписывать его: столовая, каптерка, библиотека, медчасть, директор комбината. Я ни перед кем не был в долгу и, быстро подписав, сдал обходной.

Вот и последняя лагерная проверка. Для заключенных начался трудовой день, а я пошел в отдел кадров. Там мне выдали слезно заработанные деньги и справку об освобождении.

Начальник смотрел на меня испытывающе.

— Не знаю, что вам сказать, — улыбнулся я. — До свидания? Честно говоря, у меня нет никакого желания возвращаться сюда, разве только при других условиях и обстоятельствах... Поэтому скажу вам: пока!

И тут начальник сказал, что во избежание какой-либо беды меня будет сопровождать начальник спецчасти. Ну что ж! Ожидаемая свобода все еще не выглядела полноценной...

На проходной мои вещи не проверяли. Засовы одной калитки за другой автоматически открывались, и я продвигался в сторону воли. Не зря говорят, что в тюрьму широкие ворота, а из тюрьмы — узкая калитка. Это на самом деле так. Туда везли воронком через широкие металлические ворота, а обратно шел пешком, испытывая дрожь в коленях от радостного волнения.

За последней калиткой была свобода! Там меня ждали двое — мой брат Андрей и Яша, член нашей церкви. Мы обнялись. Сопровождающий меня капитан наблюдал за нами со стороны. Он был порядочным человеком, одним из тех, кого еще не испортила эта ужасная система.

Мы вошли в какое-то помещение, где я переоделся. На память взял только пиджак и фуражку.

ВОЖДЕЛЕННАЯ СВОБОДА

До Якутска мы добрались автобусом. В аэропорту билетов на наш рейс не было. Братья спросили у капитана, всех ли освобождающихся сопровождают так, как меня? Он ответил, что уже третий десяток лет служит, и это первый случай. Он сам не мог понять причину такого необыкновенного внимания ко мне.

Не видя возможности достать билеты, капитан сказал, что ему приказано посадить нас на самолет, но он не хочет ждать завтрашнего дня.

— Я вижу, вы порядочные люди и улетите без происшествий, — сказал он и распрощался с нами.

А мы поехали в город, к родным по вере. Там нас встретили дружелюбно, и даже упрекнули за то, что хотели улететь не повидавшись.

Мы побыли в Якутске на собрании, и кто-то из друзей по знакомству купил нам билеты. Братья советовали лететь до Новосибирска, там встретиться с церковью и на автомобиле поехать домой. Они планировали по пути посетить еще некоторые общины. Я согласился с таким предложением, потому что знал: из дому не скоро смогу куда-либо поехать — мне выписали годичный надзор. Это значит, что в течение года с семи вечера до шести утра я не имею права покинуть место жительства. В любое время суток могут проверить и за нарушение опять арестовать. Кроме этого, по понедельникам я должен отмечаться в отделении милиции.

Мы сели в самолет. Вот-вот покинем суровые места. Трудно описать свои чувства. Мысли летели вперед. Я был уже в Новосибирске, на встрече. Там у меня немало знакомых братьев и сестер, мне было интересно, с кем увижусь. Когда я первый раз возвращался из Якутии после шестилетней каторги, меня интересовали только родные — мать, братья и сестры. Тогда я был необращенным, а теперь принадлежал к большой семье Небесного Отца, и это родство было намного крепче и родней.

Мы летели ночью. Братья дремали, а мои глаза не закрывались. Казалось, самолет летит слишком медленно.

Приземлились в Новосибирске рано утром. Еще не совсем рассвело. Надеясь, что нас обязательно встретит кто-то из друзей, я хотел выйти одним из

первых. Когда подали трап и открыли дверь, я устремился вниз.

Как только моя нога ступила на землю, ко мне подошел мужчина в гражданском:

— Вы Классен?

— Да.

— Пойдемте в сторонку, — тихо, но властно сказал он.

Там стояли два милиционера и двое в штатском. Следом шел мой брат, его тоже пригласили отойти в сторону. Яша спускался позже, но вынужден был подойти к Андрею, потому что у них были одинаковые сумки, и Андрей спросонья взял не свою.

Яша подошел к Андрею и сказал:

— Вы не свою сумку взяли.

Обменяв сумку, он пошел в автобус, желая скрыться от этих неприятных людей. Однако ему это не удалось. Нас троих повели в отделение милиции. Яша сделал в Табаге несколько фотоснимков возле зоны, а также сфотографировал нас у въезда в город на фоне надписи «Якутск». Переживая, что пленку обнаружат и заберут, он выбросил ее в высокую траву, надеясь потом поднять.

В милиции нам учинили допрос. Допрашивал в основном сотрудник, выдающий себя за Данилова, — человек довольно сведущий в жизни братства. Он интересовался, почему мы взяли билет только до Новосибирска, заметив при этом, что я нарушил маршрут и меня опять могут взять под стражу и поместить в изолятор. Он задавал вопросы, связанные с руководством нашего братства, но я отказался отвечать на них.

Яша попросил, чтобы его отпустили получить вещи, а то они исчезнут. У багажной уже никого не было. Он взял мою сумку с вещами и письмами, и ему удалось уйти. Яша встретился с друзьями, которые ждали нас, и сообщил им, что случилось.

Данилов спросил, везу ли я свою робу.

— Для какой цели? — сверлил он меня глазами, — Для рекламы?

— Это же моя собственность, — сказал я. — С меня высчитали за нее.

— Знаю я вас! — иронически произнес он.

Я тоже попросился выйти по нужде, желая увидеться с кем-нибудь из своих, но меня повели строго под стражей. Многие наблюдали за мной, но знакомых среди окружающих не удалось увидеть.

После долгих расспросов и угроз Данилов потребовал наши документы и деньги, и нам купили билеты в Караганду.

Яша в аэропорт не вернулся. Он приехал в Новосибирск на своем автомобиле, и на нем должен был возвращаться.

На регистрацию нас с Андреем повели провожатые и не оставляли до самого трапа. В самолет заводить не спешили.

Как мы потом узнали, один брат из Новосибирска решил сопровождать нас, чтобы видеть дальнейшие события. Когда он поднимался по трапу, Данилов, кивнув в его сторону, сказал своим коллегам:

— Вон еще одна черная душа поднимается!

Дождавшись, когда на трапе никого не будет, Данилов велел нам зайти в самолет. Я поднялся на несколько ступенек и оглянулся:

— Теперь можете покинуть нас!

— Не-е-ет! — покрутил головой Данилов. — Уберут трап, закроют дверь, самолет пойдет на взлет, и только тогда мы уйдем.

Итак, мы опять в воздухе. В голове не без основания роились печальные мысли: не сопровождает ли нас тайный агент? Дадут ли доехать до дома? Не повезут ли прямо с аэропорта в шестнадцатую тюрьму? Сердце жаждало покоя, отдыха, встречи с Талитой и церковью. Но возможно ли это? Три года назад я точно так ожидал встречи, а она не состоялась. Мы осторожно переговаривались с Андреем на своем нижненемецком наречии. Переживания не прекращались.

Я встал, пошел в туалет, наблюдая за поведением пассажиров. Вроде ничего не заметно. Вещи у нас были при себе, и я предложил Андрею после посадки сразу уйти в сторону и посидеть где-нибудь на лавочке.

Мы так и сделали. Вроде никто нас не встречал. Через время я прошелся туда-сюда, все было спокойно. И тут к нам подошел брат, сопровождавший нас из Новосибирска. Мы попросили его найти машину, которая отвезла бы нас домой, и вскоре оставили аэропорт.

Подъехать к нашему дому мы не решились и заехали к друзьям. Братья пошли на разведку и через короткое время вернулись с моим племянником, который повез нас домой.

У калитки меня встретила супруга. Мы крепко обнялись и поцеловались, чувствуя, как обжигают лицо слезы радости и счастья.

Мы еще не успели помолиться, как хлынул поток моих милых и родных. Казалось, ему не будет конца!

Наш дом быстро наполнился друзьями, и к Богу понеслись горячие молитвы благодарности. Это было 24 июня 1986 года.

Начались насыщенные встречами дни. Приезжали братья и сестры из разных мест Азии, Сибири и России. Внешние нас не посещали, хотя собрания проходили ежедневно, всю неделю.

На 29 июня был назначен брак, и молодые попросили меня совершить сочетание.

Народу собралось много, брак проходил в палатке. Друзья, приехавшие издалека, надеялись, что будет встреча, и она состоялась после обеда.

Общение было сладостным. Думаю, в тот день я был самым счастливым человеком. Я сидел рядом со своей любимой и верной подругой жизни. Казалось, через эти испытания мы помолодели и стали намного ближе.

Неловко чувствуя себя от оказываемого мне внимания, я спросил:

— Друзья, что труднее — страдать или сострадать?

После коротких рассуждений однозначно пришли к мнению, что сострадать труднее.

— Тогда эти цветы, которые вы преподносите мне, принадлежат моей супруге! — подал я ей огромный букет.

Талита не переставала вытирать слезы радости.

Мы наслаждались общением, и мне невольно вспомнились слова: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор 4, 17-18).

Целый год мне предстояло жить под домашним арестом, однако христианская жизнь уже била ключом. Если мне не дозволено было посещать друзей, то друзья посещали меня. Поскольку я не мог бывать на вечерних собраниях, мы приглашали церковь к себе.

В стране началась перестройка. Власти еще посещали наши богослужения, но уже просматривалось их бессилие.

Мы приобрели дом молитвы. Правда, места в нем было маловато, но все-таки собирались в одном зале и радовались этому. И в этот дом не преминула прийти Е.Н.Поддубная со своими сотрудниками и начальником милиции. Но разговаривали они спокойно, деликатно. Это было их последнее посещение.

В июне 1987 года кончился мой надзор, и я стал вольным гражданином. Первую поездку совершил с четырьмя братьями в Омскую область. Оттуда мне приходило много писем, поэтому очень хотелось увидеть тех, кто писал, пообщаться лицом к лицу. К сожалению, времени было мало — всего десять дней, но они получились насыщенными и незабываемыми.

Многолюдные собрания проходили в гаражах, в сеновалах и просто под открытым небом. Бывало, собирались и в хороших помещениях. Поскольку христиане омских деревень работали в основном в колхозах и совхозах, домой приходили поздно, и собрания тоже начинались поздно — в одиннадцать, а то и в половине двенадцатого. Приходили не только взрослые, но и молодежь, и дети.

Собрания длились до двух часов ночи, а потом оставались друзья, с которыми мы переписывались, и за чашкой чая беседовали часов до пяти утра. Потом

сестры, работающие доярками, уходили на работу, и наше общение заканчивалось.

Мне нравились беседы с живой христианской молодежью. У них всегда было много вопросов, и, отвечая, я старался рассказать не только об ужасах тюремной жизни, но и о преимуществах всецелой отдачи Богу. Я старался показать им красоту пути, проложенного Христом, и зажечь их сердца ревностно служить великому Богу.

В 1989 году я принял ответственность за Карагандинское объединение, так как занимающий это место служитель решил уехать на Запад.

Вопрос эмиграции не обошел и меня. Заботливые родственники прислали нам вызов, и у нас был даже выбор — ехать в Германию или в Канаду. Если бы меня из лагеря отправили в любую из этих стран — исполнилось бы мое сердечное желание. Но теперь, на свободе, принять решение было нелегко.

Право выбора Талита предоставила мне, и я предложил свой вопрос церковному совету. Наша церковь состояла из немцев. Братья молчали. Только пресвитер сказал:

— Считаю, что твое место здесь. Тебя рукоположили для служения. Пока церковь есть, твое место здесь.

Кто-то хотел его поправить, но я попросил братьев успокоиться и объявил, что получил ответ и могу написать моим родственникам, что мое место здесь. Никто из братьев того совета не остался в нашей стране, все эмигрировали. Но я доныне благодарен Богу, что могу совершать служение в нашей стране, и особенно в нашем братстве. Не могу сказать, что наше братство совершенное, у нас есть

недостатки, с которыми приходится бороться, от которых стараемся освобождаться, но второго такого братства не нахожу ни здесь, ни за рубежом. Об этом пишут мне и многие братья-эмигранты. Церковь фундаментальную за рубежом еще можно найти, но братство — нет.

В январе 1980 года меня пригласили на совещание Совета церквей, и я с огромной радостью посещал бы эти братские общения, если бы не арест. После освобождения я целый год не мог покинуть пределы города из-за надзора, и мое служение ограничивалось родной церковью.

В 1988 году мне разрешили выехать в отпуск в ФРГ. В то время все мои братья и сестры, за исключением Андрея, жили за границей. Давид еще в 1974 году эмигрировал в ФРГ. Туда же переселился и Альберт. Анита и Алица уехали со своими семьями в Канаду на соединение с родителями. Иван жил в Канаде с войны и там создал семью. И вот теперь мы хотели посетить ФРГ, где была назначена встреча нашей семьи.

Встреча с родными была неописуема — настоящий праздник для души, ничуть не меньше, чем встреча после заключения. С мамой я не виделся двадцать два года — в 1966 году мы прощались с ней без надежды на встречу на земле. С Иваном виделись в 1944 году на Рождество, когда он приезжал зимой на каникулы. Тогда ему было пятнадцать лет, а теперь — пятьдесят девять! С его женой мы встретились впервые.

Целую неделю мы были вместе. Вечерами, а то и днем, просто сидели и делились пережитым, пели. Наши родители любили петь, и эту любовь передали

нам — мы и сейчас много пели, глубоко сознавая смысл каждого гимна: «Дорогие минуты нам Бог даровал», «Нет лучше места одного», «Иисус — души Спаситель»... Да разве все перечислишь?!

Один день мы провели на лоне природы. Собралось около шестидесяти человек. Провели небольшое богослужение — читали Слово Божье, пели, молились. Это не всем родственникам понравилось, некоторые потихоньку ушли играть в мяч.

Духовным климатом моя душа не удовлетворялась.

Казалось, что все духовное они считают чем-то второстепенным. По этой причине молодое поколение окуналось в мир, все дальше и дальше удаляясь от Бога.

Благодаря расположению и усердию моего старшего брата, мы с Талитой объехали всю Германию, наслаждаясь общением с христианами. Чего только мы ни повидали, с кем ни повстречались! Домой возвращались переполненными самыми разными впечатлениями, а также подарками, которые преподносили нам не только наши близкие, но и ранее незнакомые, родные по крови нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа.

После поездки в Германию меня вновь пригласили на совещание служителей в Москву, и братья предложили ввести меня в состав Совета церквей.

На Ростовском съезде в 1989 году меня утвердили сотрудником СЦ с правом совещательного голоса, и я стал регулярно посещать не только братские совещания, но и многие церкви Сибири,

Урала, Молдовы и Украины. Я еще больше окунулся в жизнь братства и стал участником большого дела, которое совершает Бог на земле через это братство.

Наступило более свободное время. Мы беспрепятственно стали ездить по стране, совершать служение по церквам. Многие общины приступили к строительству молитвенных домов.

В 1994 году мои братья и сестры пожелали преподнести маме сюрприз к ее 88-летию. Они назначили встречу нашей семьи в Канаде, пообещав покрыть наши расходы.

Так состоялась еще одна встреча с моими родными. Мама, конечно, не ожидала этого, и радость ее невозможно описать. Она жила одна в большом доме. Когда-то отец, услышав, что мы живы, построил дом для всей нашей семьи. Но его планы не осуществились — мы не съехались в Канаду. Отец умер в 1981 году, и мама осталась одна. Иван и Алица построили себе дома на этой же улице и жили по соседству. Анита переехала в Германию.

Общение с мамой было последним на земле. После нашего отъезда она недолго прожила и ушла в лучший мир.

Из Канады мы возвращались домой через Германию —

Давид и Анита настоятельно просили погостить еще и у них.

Как ни хорошо в гостях, дома все же лучше! Через месяц мы вернулись в Казахстан, радуясь, что можем трудиться для славы Божьей и жить, пусть не в роскоши, но с живым упованием на встречу с нашим Господом.

Осенью 1994 года по моей просьбе братья освободили меня от служения в СЦ из-за здоровья. Ответственным за Карагандинское объединение я оставался до 2000 года.

В строительстве нашего молитвенного дома я тоже был мало полезным, но охотно делал, что мог. Я радовался, что скоро вся церковь будет собираться в одном просторном помещении. Не будем больше сидеть в разных комнатах, проповедники не будут стоять в дверном проеме, чтобы их все слышали. Хор будет не только слышен, но и виден. Велика милость Божья!

Пришло время, и меня освободили от ответственности за объединение. Моя ветшающая храмина стала превращаться в бремя, которое нужно еще донести до порога вечности. Ответственность принял молодой брат, и я искренне радуюсь, что у нас есть такие здравые братья, на которых можно положиться.

Служители оставили мне пожелание, чтобы я по возможности посещал группы и церкви, и я предавался этому служению с огромной радостью. Господь дал мне чудную возможность радоваться общению с церквами не только в своем регионе.

В 2002 году по милости Божьей я посетил Украину и побывал даже в семье Брыковых, с которой познакомился еще в молодости, когда они отбывали ссылку в Чежимто. Тогда они были молодыми, страдали за веру и упование на Господа. А теперь — им под девяносто, ноги уже не носят. Ожидают эти старцы встречи с Господом, Которому служили на земле так много лет.

И еще одно чудо совершил Господь — устроил мой путь на родину, в деревню Кронсвайде. Из Запорожья братья повезли меня туда на автомобиле.

Через Днепр построили новую плотину, и по мосту трамваи уже не ходили. Спускаясь по откосному шоссе, я узнал местность, где прошло мое детство. Колодца внизу не было, его уже завалили. От школы остались одни руины, а от домов не осталось и следа. Свинарника тоже не было. То место, до которого мы в 1938 году провожали отца, заросло бурьяном, как и горка, с которой мы с таким весельем катались на санках.

Мы с братьями помолились на краю деревни. Я благодарил Господа за счастливое детство за то, что в старости смог посетить место, где стояла моя колыбель.

Старая родина оказалась разрушенной, но мое сердце не печалилось об этом, потому что оно узнало другую Отчизну — вечную, нерушимую. Я навек привязался к этой Отчизне, и именно к ней многие годы держал путь мой жизненный челн.

У меня была возможность несколько раз посетить Германию и Голландию, я побывал в Канаде, в конце жизни посетил родину, откуда безжалостно был выслан на страдания. И что же? Глубоко и широко разливается по сердцу тепло от сознания, что мое будущее надежно и прочно. Самые великие и сильные люди бессильны лишить меня той Родины, которую дал Бог. Идти к этой Родине пришлось нелегкими тропами. Однако всевозможные лишения, скорби, болезни, переживания и труд делали христианский путь прекрасным.

Теперь, на склоне лет, верой всматриваясь в зарю воскресения, я вместе с псалмопевцем хочу сказать: «Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня». Господу за это слава и честь!

Рождественская лошадка дорога и летом

Семья Классен в Польше, 1944

Ученики и воспитатели воскресной школы в Подгае

Ояш, Коммунистическая, 5

Молодежь Новосибирской церкви до ссылки Рудольфа в Якутию

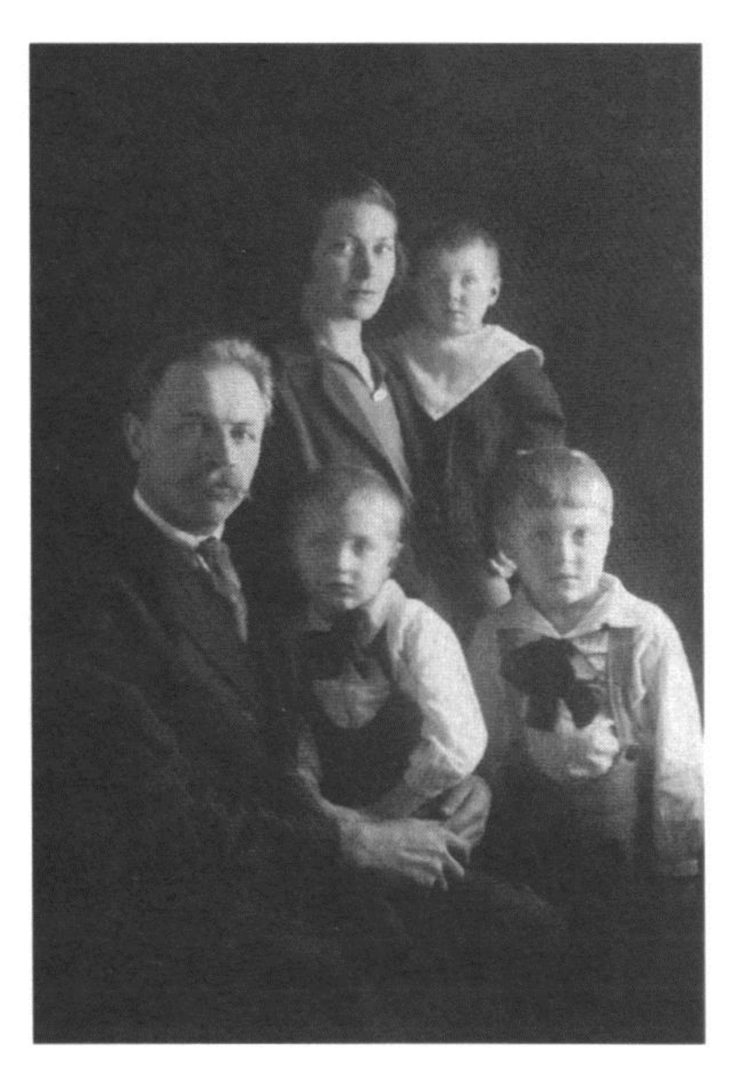
Оркестр Ояшской церкви

Церковь Новосибирска с гостями на фоне молитвенного дома

Молодежь Карагандинской церкви, 1959 г.

Талита в раннем детстве на руках у матери

В день бракосочетания, 1959

Классены достраивают свое гнездо

В Кузнечном, в гостях у И. И. Веделя

Первые часы на свободе, июнь 1973 г.

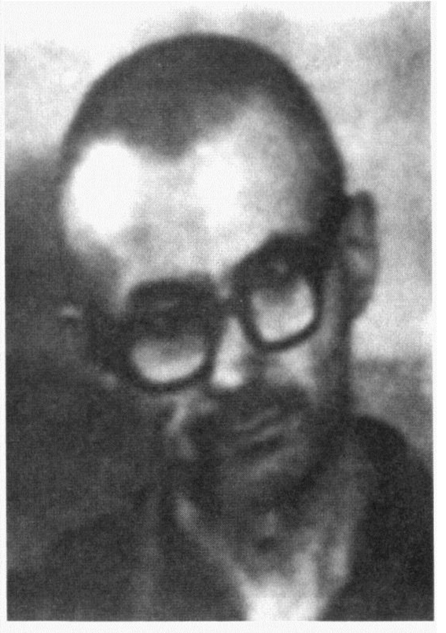
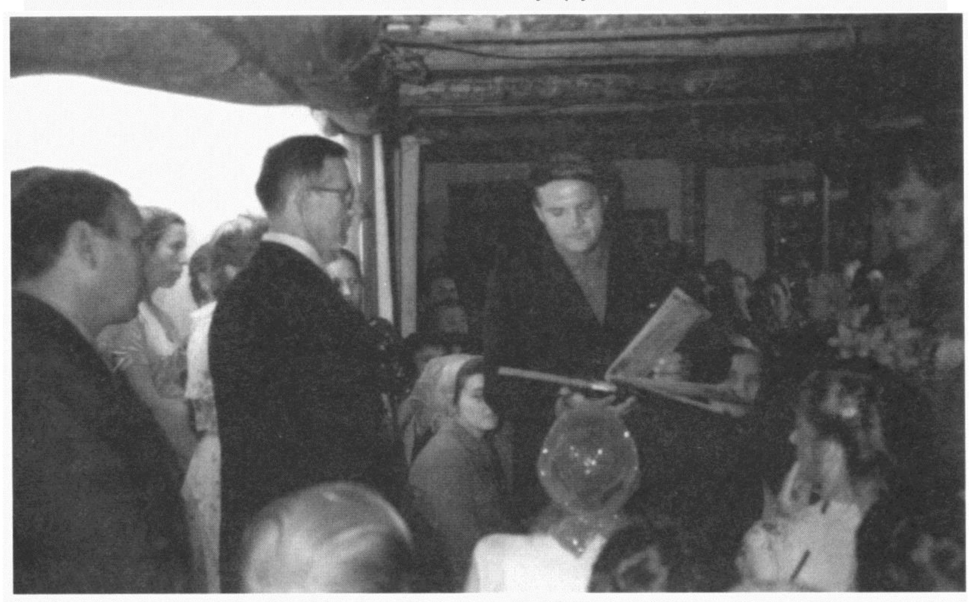

Фото с экрана телевизора, 1980 г.

На встречу с церковью
Р. Д. Классен идет с супругой, 1986 г.

Встреча с церковью после шестилетней разлуки,
июнь 1986 г.

Встреча семьи Классен в Германии. Слева направо: Давид, Иван, Рудольф, Альберт, Андрей, Алица, мать Анна, Анита